

63.529(235.7).

М341.

847471.

Материалы научной сессии
по проблеме происхождения
балкарского и карачаев-
ского народов

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОЙ СЕССИИ
ПО
ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
БАЛКАРСКОГО
И
КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДОВ.

(22—26 июня 1959 г.)

812,11
847471

Кабардино-Балкарская Государственная научная
библиотека имени Н. К. Крупской
гор. Нальчик, ул. Негмеза, 42

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАЛЬЧИК 1960

Кабардино-Балкарская Государственная научная
ПРОПУСК
библиотека имени Н. К. Крупской
гор. Нальчик, ул. Негмеза, 42

По решению сессии материалы подготовлены
печати секретариатом.

Материалы публикуются в сокращенном

СЕКРЕТАРИАТ СЕССИИ:

кандидат филологических наук **И. В. Тре-
сков** (руководитель секретариата)

Е. М. Алentieва (технический секретарь)

кандидат филологических наук **Т. Х. Куа-
шева**, кандидат исторических наук

И. М. Некрасова, научные сотрудники

Р. М. Тхашокова, **Е. Т. Хакушев**

М. М. Цораев.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

кандидата исторических наук, директора Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института Х. Г. БЕРИКЕТОВА

Товарищи! Сессия Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института с участием представителей научных учреждений соседних братских республик и областей, а также Академии наук СССР приступает к обсуждению крайне актуальной и трудной научной проблемы происхождения балкарского и карачаевского народов.

Перед нами стоит почетная и ответственная задача — светом марксизма-ленинизма прояснить начальные истоки двух советских народов, участвующих в великих преобразованиях современности, в строительстве коммунизма. Разрешение этой проблемы представляет значительный интерес для всей советской науки.

Как видно из программы, на данной сессии представлен довольно широкий круг докладов и сообщений и не только историков, но и специалистов в области лингвистики, этнографии, антропологии и других отраслей советской науки.

Научная общественность Кабардино-Балкарии чрезвычайно признательна всем гостям и научным учреждениям, приславшим их, за внимание к нуждам научной работы в нашей республике.

Товарищи, нерушимое единство советских народов, скрепленное политикой великой КПСС, является одной из основ побед социалистического и коммунистического строительства. В единстве советских народов, в совместном разрешении общих задач рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции всех народов — одно из проявлений неодолимой силы Советского Союза.

Единство и дружба народов нашей страны укрепились для дела окончательного торжества коммунизма.

Дальновидная ленинская политика славной Коммунистической партии подняла многочисленные народы Советского Союза, среди которых в прошлом многие были

бесписьменными и считались неисторическими, на высоту современной эпохи, эпохи ленинизма, коммунистического строительства.

Советская историческая наука неустанно сопутствует стремительному движению страны вперед по пути социализма и коммунизма.

Вооруженная марксистско-ленинским диалектическим методом и историческим материализмом, советская наука решительно покончила с дворянско-буржуазной историографией и на громадном фактическом материале раскрыла великую преобразующую силу народных масс, как подлинных творцов истории. Советская историческая наука на незыблемых основах марксизма-ленинизма дала громадный фундаментальный материал для воспитания советского народа в духе высокой преданности своему советскому отечеству, горячего социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма.

Постановка на нашей сессии вопроса о происхождении балкарского и карачаевского народов является одним из ярких показателей роста советской науки, ее все возрастающих возможностей.

При этом нужно учесть, что мы приступаем к разрешению этой проблемы при чрезвычайно трудных обстоятельствах. Из всех печатных работ, появившихся в советское время по этому вопросу, серьезного внимания заслуживает лишь работа кандидата исторических наук Хамида Оразовича Лайпанова «К истории карачаевцев и балкарцев», хотя и она не претендует на полноту освещения данной проблемы.

Сопоставление и анализ данных языкознания, археологии, исторических сведений и строгий учет достигнутых успехов в научном освещении истории других народов Кавказа приведут к правильному и полному раскрытию истории происхождения балкарцев и карачаевцев.

Научное освещение происхождения балкарцев и карачаевцев — это назревшая потребность развития исторической науки в Кабардино-Балкарии, в Карачаево-Черкесии. Положительные результаты настоящей сессии явятся огромным вкладом в создание научной истории Кабардино-Балкарской АССР и Карачаево-Черкесской автономной области, над которой работают научно-исследовательские институты.

Работа по созданию такого фундаментального науч-

ного труда явится новым этапом в развитии науки в Кабардино-Балкарии.

Освещение начальной истории балкарского народа — одна из задач научной работы в Кабардино-Балкарии в семилетке, в семилетке огромного роста науки и культуры республики.

Коллектив научно-исследовательского института, при всемерном содействии академических учреждений, намеряет создать научную историю своей республики в двух томах; второй том будет целиком посвящен советскому периоду, героической борьбе трудящихся республики в социалистическом и коммунистическом строительстве.

Данная сессия является одним из этапов в работе по созданию научной истории Кабардино-Балкарской АССР. Этот этап, пожалуй, наиболее трудный, потому что до сих пор нет единства мнений по вышеизложенному на широкое обсуждение вопросу.

Пусть никого не смущает расхождение во мнениях в представленных тезисах. Тот факт, что в тезисах представлены на дискуссию все бытующие разноречивые точки зрения, является положительным явлением. В товарищеской дискуссии может быть выработан правильный подход и избрано правильное решение.

Дружная совместная работа всех участников нынешней сессии будет иметь большое значение для создания творческой атмосферы в разработке многих исторических проблем.

Коллектив научно-исследовательского института трудится в настоящее время и над другими проблемами истории. Готовятся к переизданию «Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии»; создаются очерки истории областной партийной организации и другие обобщающие труды по истории. Они требуют дискуссии творческих работников. И большое значение будет иметь нынешняя сессия для укрепления творческой атмосферы, преодоления трудностей в научной работе как на данном этапе, так и в будущем.

Перед историками открылись широкие горизонты для полного проявления своих возможностей.

Проводя неуклонно курс, выработанный XX съездом, партия обеспечивает создание самых благоприятных

условий научным деятелям для глубокой и всесторонней разработки научных проблем с использованием всех имеющихся документальных источников.

Восстановление доброго имени славного сына народов Кабардино-Балкарии — Бетала Эдыковича Калмыкова, признание его заслуг перед партией и народом имеют огромное значение для творческой разработки подлинно научной истории республики, областной партийной организации. Сложилась ситуация, когда историки могут создавать научные произведения на подлинных документах, повышающих научный уровень и идейное воздействие произведений.

Восстановление государственных прав братских балкарского и карачаевского народов предоставило возможность историкам показать роль этих народов в социалистическом и коммунистическом строительстве, раскрыть их далекое прошлое и осветить подлинно научным светом действительную историю Кавказа.

В последнее время литература зарубежных стран уделяет усиленное внимание истории народов Кавказа, особенно народов тюркоязычных и адыгских.

Поощряемый югославским ревизионизмом, египетский национализм охотно поддерживает любую легенду о египетском происхождении кабардинцев и других адыгских народов, коренных жителей Кавказа. Жив еще панисламизм, который во второй мировой войне был пособником гитлеризма, а ныне находится в услужении американской политики обострения международной обстановки.

В свете происков ближневосточного национализма, завоевательских воцелений мы не в праве ослаблять научную разработку истории своих народов. Нашими упущениями враги мира, враги нашего Советского Союза хотят воспользоваться и «обосновать» «правомерность» своих агрессивных замыслов.

Разрешая проблему происхождения балкарского и карачаевского народов, сессия сделает значительный вклад в развитие науки и культуры Кабардино-Балкарской АССР, усилит идейное вооружение трудящихся в их борьбе в развернутом коммунистическом строительстве.

Товарищи, разрешите научную сессию, посвященную проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов, считать открытой. (А п л о д и с м е н т ы.)

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ГО

вен-

кил

ды-

ого

вал

ив

ту

п

со

ив

н

л

с

с

Т. Х. КУМЫКОВ,
кандидат исторических наук
(Кабардино-Балкарский
научно-исследовательский институт)

ЭТНОГЕНЕЗ БАЛКАРСКОГО И КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

XXI съезд КПСС выдвинул большую и ответственную задачу перед работниками общественных наук, в частности перед исторической наукой. Съезд предложил создавать фундаментальные труды, в которых раскрывались бы процессы и закономерности общественного развития с позиций марксизма-ленинизма. Съезд указал на необходимость вести решительную борьбу против буржуазной идеологии, всемерно отстаивая чистоту марксистско-ленинского учения.

В настоящее время, когда наша страна вступила в период развернутого строительства коммунизма, особенно возрастает роль и значение исторических трудов, посвященных прошлой и настоящей истории кабардинского и балкарского народов. Одним из кардинальных вопросов истории Балкарии является проблема происхождения балкарского и карачаевского народов. Правильное разрешение этого вопроса имеет не только научное, но и воспитательное значение.

* * *

В 1887 г. в «Осетинских этюдах» В. Миллер писал: «Кавказский хребет — эта гора языков — представляет капитальный интерес для этнографии. Нет другой местности на земном шаре, где бы, на сравнительно небольшом пространстве, сучивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов»¹.

¹ В. Миллер. Осетинские этюды, ч. 3. СПб, 1887, стр. 3.

Интересно отметить, что Страбон насчитывал в Кавказских горах 70 племен, а Ибн-Хаукаль говорил даже о 360 языках. Несомненно был прав В. Миллер, когда писал, что если когда-нибудь предвидится возможность решить хоть небольшое число запутанных вопросов о национальности разных народов, некогда сменявших друг друга в древние и средние века в необозримых равнинах Южной России, то только под условием изучения этнографии Кавказа.

Этногенез народов Северного Кавказа представляет исключительно большой научный интерес. В решении этой проблемы советские историки достигли значительных успехов. Сейчас уже не является дискуссионным происхождение осетинского, кабардинского и ряда других народов Северного Кавказа.

В послевоенное время этногенез балкарского и карачаевского народов не подвергался углубленному и всестороннему изучению. За последние годы Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт и Институт этнографии Академии наук СССР проделали определенную работу по разработке истории Балкарии, одной из актуальнейших проблем которой является происхождение балкарцев и карачаевцев. С этой проблемой тесно связан также вопрос о времени заселения балкарцами и карачаевцами современной территории.

Сложность разрешения поставленной проблемы состоит в крайней скудности письменных и других источников. Известно, что балкарцы до Октябрьской социалистической революции не имели письменности. И потому они не могли оставить письменных памятников, связанных с древним периодом истории своего народа. Вопрос о происхождении балкарцев и карачаевцев очень сложный. Нельзя подменять его вопросом о их прародине, как часто делалось и делается в буржуазной науке.

Только в результате обстоятельного изучения этой проблемы можно проследить сложные пути развития балкарско-карачаевского народа.

В настоящем докладе нет возможности останавливаться на всех без исключения авторах и их взглядах по этногенезу балкарцев и карачаевцев. Обратим внимание только на основные направления, существующие и поныне в исторической литературе.

но через страницу он указывает, что малкарцы происхождения монголо-татарского. Как видно, по мнению Сталля, балкарцы и карачаевцы по происхождению имеют различные этнические корни. Почти такую же позицию занимал Ф. Леонтович, который писал, что «малкарцы и урусбиевцы — монголо-татарского происхождения»⁹

Кавказоведу А. П. Берже принадлежит большая заслуга в публикации и изучении исторических документов, освещающих историю народов Кавказа, в частности Северного Кавказа. У него есть специальные работы о кабардинцах, о чеченцах и т. д. Его работа «Этнографическое обозрение Кавказа» не лишена определенного интереса для рассматриваемого нами вопроса. В этой работе он высказывается против гипотезы о монгольском и ногайском происхождении карачаевцев и балкарцев. По его мнению, из народов Северного Кавказа по своему происхождению к монголам относятся калмыки, кумыки и ногайцы*. Вторая группа народов Северного Кавказа — тюркская. К этой группе он причисляет турхмен, или туркмен, живших в северо-восточных степях Ставропольской губернии, карачаевцев и одного с ними происхождения — чегемцев, балкарцев и урусбиевцев¹⁰. Хотя А. П. Берже не указывает, к какой группе тюркских народов принадлежат балкарцы, карачаевцы, но все же он делает шаг вперед по сравнению со Сталем и Леонтовичем, считавшими, что карачаевцы и балкарцы татаро-монгольского происхождения. Кроме того, А. П. Берже опровергает их утверждение о том, что карачаевцы и балкарцы генетически восходят к различным этническим группам.

В конце XIX и в начале XX в. усиливается интерес русских ученых к различным проблемам истории

---

⁹ Ф. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882, стр. 274.

* Разумеется, нельзя согласиться с такой классификацией народов. В частности, кумыки не имеют монгольского происхождения. Кумыкская народность образовалась из местных племен, смешавшихся с пришлыми тюркскими группами.

¹⁰ А. П. Берже. Этнографическое обозрение Кавказа. Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге в 1876 г., т. 1, СПб, 1879—1880, стр. 295—296.

народов Северного Кавказа, в частности к истории балкарского и карачаевского народов. И в этот период проблема этногенеза карачаевцев и балкарцев оставалась острой. Гипотеза о монголо-татарском происхождении карачаевцев продолжала обрастать литературой.

В 1913 г. в 43 выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» была опубликована статья В. М. Сыроева «Карачай в географическом и историческом отношении». В этой работе затрагиваются вопросы происхождения карачаевцев и времени заселения ими современной территории. Здесь автор защищает легенду о **ногайском происхождении карачаевцев**. При этом свои суждения он основывает на следующих предпосылках: началом монгольского владычества был XIII в., а ногайская орда выделилась значительно позже, около XV—XVI вв. А карачаевцы, указывает он, — «выделились от ногайской орды, очевидно, спустя некоторое время»¹¹. Кроме указанных предпосылок, автор не приводит никаких доводов для обоснования этой гипотезы, ограничивается лишь тем, что принимает безоговорочно верную о монгольском происхождении карачаевцев.

Теория о болгарском происхождении балкарцев

Гипотезу о генетической связи между балкаро-карачаевцами и древними болгарами (булгарами) за последнее время начинают выдвигать на первый план. В связи с этим следует более подробно остановиться на этой теории.

В литературе существует мнение о том, что теория о болгарском происхождении балкарцев впервые была выдвинута Н. Ходневым в статье «Заметки о древних названиях кавказских народов», опубликованной в газете «Кавказ» за 1867 г. Однако это неверно. Н. Ходнев лишь присоединился к мнению П. Буткова о болгарском происхождении балкарцев, выдвинутому последним еще в 1822 г. О древнейших болгарских

---

¹¹ В. М. Сыроев. Карачай в географическом и историческом отношении. СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 137.

племенах существует обширная литература¹². Древнейшие упоминания болгар относятся к периоду догуннской эпохи. Замечательный армянский историк Мовзес Хоренаци (Моисей Хоренский) в своем труде «История Армении» сохранил фрагменты из более раннего источника, принадлежащего перу сирийского историка III в. Мар-Абас-Котины, который хорошо знал имя болгар и писал о проникновении отдельных болгарских групп во II в. до н. э. в Закавказье. Сообщения Мар-Абас-Котины согласуются с сообщениями других письменных источников. В греческом хронографе 354 г. дан список народов, обитавших севернее Кавказа. Этот список завершается болгарами (*Vulgares*)¹³. В настоящее время большинство авторов рассматривает болгар как конкретную племенную группу, отличную от гуннов, савиров, утургуров, кутургуров*. Болгары пришли в Европу раньше названных племен. Древние болгары принадлежали к тюркской языковой семье; Болгарский союз племен достиг наивысшего расцвета в VI и первой половине VII в. В 30—40-х годах VII в. под контролем болгар находилась значительная территория как к востоку, так и к западу от Азовского моря. Но ядро этой территории составляло восточное Приазовье, земли между Доном и Кубанью¹⁴.

В течение почти ста лет болгары принимали самое активное участие в политических событиях на Балка-

См. об этом более подробно: «Очерки истории СССР (III—IX вв.)», М., 1958, стр. 586—615; А. П. Смирнов Волжские болгары. М., 1951; Армянская география VII века по р. х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). Перевод К. П. Патканова. СПб., 1877; К. П. Патканов. Из Нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Журнал Мин. нар. просвещения, 1883; История Болгарии, т. I, М., 1954; С. А. Никитин. Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства. «Вестник Московского государственного университета (серия обществ. наук)», 1952, вып. I; Н. Я. Мерперт. О генезисе Салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXIV, 1951; А. П. Смирнов. Очерки по истории древних болгар «Труды Гос. исторического музея», вып. XI, М., 1940; В. Миллер. Осетинские этюды, М., 1887; С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877; Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X вв. Журнал «Исторические записки», 1945, № 14 и г. ж.

¹³ Очерки истории СССР, III—IX вв., М., 1958, стр. 588.

* Существует мнение о том, что болгары — гуннские племя

¹⁴ Очерки истории СССР, III—IX вв., М., 1958, стр. 597.

нах. В этот период «Великая Болгария» стала широко известна византийским писателям. Феофан и Никифор помещают болгар в восточном Приазовье. Этногеографическая карта Северного Кавказа VII в. хорошо представлена в знаменитой «Географии» Анания Ширакского. В его «Географии» описан весь известный в древности мир. Для нас очень важны разделы, посвященные описанию Кавказа, в частности Приазовья, Северного Кавказа. Вот что сказано в новом списке «Географии»: «Из Кавказа текут две реки: Валданис (*Vardanes*) то есть Кубань], текущая до горы Кракс (*Corax*), которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Местисом и Понтом. Другая река, Псевхрос (*Psychrus*) отделяет Босфор от тех мест(?), где находится городок Никопс.

К северу от них [нея] живут народы Турков и Болгар, которые именуются по названиям рек: Купи-булгар, Дучи-булкар, Огхондор (*Woghkhondor*)-блкар пришельцы, Чдар-болкар] Эти названия чужды Птоломею. Из Гиппийских гор бежал сын Худбадра». [Читай: Хубрата.] Между Болгарами и Понтийским морем живут народы: Гарши, Куты и Сваны до города Питипунта (*Pityus*) на морском берегу страны Абазов (*Abasgi*), где живут Апшилы и Абхазы до приморского своего города Севастополиса (*Dioscurias*)¹⁵ Как следует из этого текста, «Армянская география VII в.» размещает различные болгарские племена к северу от Кавказских гор у р. Валданис (Кубань), в Азиатской Сарматии, в районе Гиппийских или Булгарских гор, которые отождествляются со Ставропольской возвышенностью.

Известный арменист К. П. Патканов считает, что Купи-булгар обозначают кубанских болгар, Чдар-булкар он принял за котрагов; Огхондор-блкар соответствуют оногундурам византийских писателей и Вгидур-булгарам «Истории Армении» Моисея Хоренского. Таким образом, здесь мы имеем прямое указание, пишет В. Миллер, — на 4 колена тех болгар, которые

¹⁵ «Армянская география VII века». Перевод К. П. Патканова. СПб, 1877. см. К. П. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Журнал мин. нар. просвещения, СПб, 1883, стр. 28-29.

оставались на Кавказе, после распада Великой Болгарии*. Арабские и персидские источники называют их «внутренними болгарями», а древнерусская летопись г. Константина Багрянородный — «черными болгарями». Как свидетельствует Ананий Ширакский, среди покорившихся хазарам оказались кубанские болгары (Купи-болгар). Новые волны кочевников — печенегов, затем тюрков и половцев частично оттеснили оставшихся болгар к горным районам Северного Кавказа, частично же влились в кочевые орды. После X в. название болгар в Подонье и Приазовье более не упоминается.

Учитывая эти исторические данные о болгарях, в 80-х годах прошлого века В. Миллер писал: «Тюркская народность балкарцев и близость их имени к одной из форм имени болгар (болкар), приводимой «Армянской географией VII века», невольно наводит на предположение, не скрываются ли в балкарцах последние потомки одной из ветвей кавказских болгар». В. Миллер считал, что под именем болгар было соединено несколько колен тюркского племени, различавшихся лишь в оттенках говора. «Так, одно колено называло себя булгары, — указывает он, — другое произносило свое родовое имя с звуками к и, быть может, с несколько иной вокализацией (болкар). В виде предположения высказываем догадку, что, быть может, в названии тюркского общества, живущего в долине Черека, — Балкар — сохранилось тоже древнее имя»¹⁶ §

Догадка В. Миллера до сего времени остается не доказанной. Фольклорные материалы балкарского народа, записанные В. Миллером и М. Ковалевским¹⁷ во время их поездки в балкарские общества, указывают на то, что предки балкарцев пришли на нынешнюю территорию с северных плоскостей Кавказа. Один из ва-

* Как свидетельствуют письменные источники, болгарский союз племен не представлял собой прочного государственного объединения. После распада этого союза часть его во главе с Аспарухом ушла на запад и осела в Придунайской равнине. Пришлые тюркские элементы не оставили существенных следов в языке современных болгар и растворились в массе славян. Другая — откочевала на восток и образовала волжско-камскую Болгарию, а третья часть осталась в Приазовье и Подонье.

¹⁶ Миллер. Осетинские этюды, ч. 3. М., 1887, стр. 104.

¹⁷ В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Журнал «Вестник Европы», СПб, 1884.

риантов предания указывает, что они пришли из Маджар.

Предположение В. Миллера было поддержано Н. А. Карауловым в его статье «Болкары на Кавказе». Он писал: «судя по имени «Болкар» можно предположить, что народ этот представляет из себя осколок великого болкарского народа, жившего по Волге и продвинувшегося по южной России до Балканского полуострова»¹⁸.

Работа Н. А. Караулова содержит ряд ценных материалов по этнографии Балкарии. В этом отношении она представляет интерес для историков и этнографов.

Х. О. Лайпанов в своей работе «Из истории карачаевцев и балкарцев», опубликованной в 1957 г., допускает болгарский компонент в этногенезе карачаевцев и балкарцев. |Некоторые товарищи, как это видно из тезисов докладов настоящей сессии, считают, что этническое ядро современных балкарцев и карачаевцев составляли кубанские болгары. Но это утверждение нельзя считать достаточно обоснованным| При изучении этого вопроса надо исходить из следующих предпосылок:

1. Какие существуют исторические данные в пользу теории о болгарском происхождении балкарцев.

2. Что говорят этнографические материалы о генетической связи между балкаро-карачаевцами и болгарями.

3. Языковые данные.

4. Каковы археологические материалы.

5. Каковы итоги антропологических исследований.

6. Топонимика, этнонимика и т. д.

Исследование указанного вопроса может быть успешным при бесспорном учете всех перечисленных обстоятельств. Однако при использовании этих источников мы сталкиваемся с рядом противоречий и неясностей. Известно, что антропологические данные занимают особое место в разрешении проблемы этногенеза.

Если рассматривать вопросы об этногенезе балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии, то оказывается, что балкарцы не имеют генетической свя-

---

¹⁸ Н. А. Караулов 1-й. Болкары на Кавказе. СМОМПК, вып. 38, стр. 132—133.

и с болгарами. Последние по антропологическому типу относятся, как и аланы, к европеоидной расе, но с заметной уже примесью монголоидных черт¹⁹.

По мнению специалистов, примесь монголоидного компонента в составе карачаевцев и балкарцев полностью отсутствует. Следовательно, здесь антропологические данные, сколько это касается физического типа, идут вразрез с теорией о болгарском происхождении балкарцев и карачаевцев. Мы надеемся, что специалисты по антропологии и другие докладчики внесут ясность в этот вопрос. Недостаток археологических данных не дает возможности привлечь эти данные для серьезной проверки тезиса о болгарском происхождении балкарцев и карачаевцев. Археологические исследования памятников средневековья — наиболее актуальная задача в дальнейшей работе археологов Кабардино-Балкарского и Карачаево-Черкесского научно-исследовательских институтов.

Этнографические материалы показывают, что в материальной культуре карачаевского и балкарского народов есть много элементов, связывающих их с народами Северного Кавказа и отличающих балкарцев и карачаевцев от последних. Это большая проблема. В истории немало примеров, когда политически победившие попадали под влияние побежденных и усваивали их культуру. Случалось и наоборот. Здесь надо иметь в виду то обстоятельство, что культура, как один из признаков, характеризующих этнический облик того или иного народа, изменяется быстрее, чем язык. Поэтому этническое лицо народа она будет выявлять в меньшей мере, чем язык, который является важнейшим этническим признаком. Если культуру легко изменяют явления внутренней и внешней жизни, то язык менее подвержен этим изменениям. Многие авторы, писавшие в прошлом веке о Балкарии и Карачае, выражали свое удивление тем, что карачаево-балкарский язык, относящийся к тюркской системе языков, несмотря на окружение его совершенно чуждыми ему по грамматическому строю и словарному фонду языками, сохранился в «чистоте»,

¹⁹ М. М. Герасимов. Скелеты древних болгар из раскопок у с. Каибелы. «Антропологический сборник», т. 1, М., 1956; см. также «Очерки истории СССР, III—IX вв.», М., 1958, стр. 608—615.

как один из древних тюркских языков. Это объясняется тем, что он развивался и развивается по свойственным ему внутренним законам. При отсутствии достаточного количества письменных источников, данные языка имеют важнейшее значение в решении проблемы этногенеза балкарского и карачаевского народов. В этом отношении карачаево-балкарское языкознание в большом долгу перед наукой. Если бы мы имели достаточный материал по истории балкаро-карачаевского языка, то нам было бы гораздо легче изучать историю народа. Здесь уже, как говорится, от истории языка мы подходим к истории народа.

В некоторых докладах и сообщениях настоящей сессии делается попытка использовать памятники древнеболгарского языка для обоснования точки зрения о болгарском происхождении балкарцев и карачаевцев. На наш взгляд, сходжение отдельных слов и выражений — недостаточный аргумент для этого. Должен быть проведен серьезный лингвистический анализ тюркологами.

О кипчакском и хазарском происхождении карачаевцев и балкарцев

Теория о кипчакском происхождении балкарцев и карачаевцев более или менее обставлена научной аргументацией. Крупный специалист-тюрколог, академик А. Самойлович в своей работе «Кавказ и турецкий мир» указывал, что древнейшие турецкие элементы в наречиях карачаевцев, балкарцев и кумыков обнаруживают связь их с языком племени кипчаков, появившихся в юго-восточных степях Европы из Азии в XI веке²⁰. А. Самойлович, опираясь на данные языка, опровергает утверждение некоторых дореволюционных авторов о монгольском и погайском происхождении балкарцев и карачаевцев. Правда, в работе А. Самойловича не дается окончательного решения вопроса об этногенезе карачаево-балкарцев. Но тем не менее его заключение о сходстве кипчакского языка с языком карачаевцев и балкарцев имеет большое значение и служит одной из серьезных предпосылок для понимания вопроса о проис-

²⁰ А. Самойлович. Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926, стр. 4.

хождении народа.] Заключение А. Самойловича подтверждается памятниками половецкого языка, выдающимся образом которых является латино-персидско-куманский словарь конца XIII в.²¹ Около 70—80 процентов слов «*Codex Cumanicus*» совпадает с современным балкарским языком. Это лингвистический факт, могущий послужить опорой для серьезных исторических выводов.

[Не могли отрицать кипчакского компонента и другие авторы. А. Н. Дьячков-Тарасов] защищая теорию о кавказском происхождении балкарцев и карачаевцев, допускал, что первичная группа предков карачаевцев, говорившая на одном из кипчакских наречий, организовалась из беженцев. По его мнению, в эту первичную группу «входили уроженцы турецких районов, — с одной стороны, далекого Востока (Кашгар), Итиля, Астрахани, с другой — Западного Кавказа и Крыма»²². Мы не можем согласиться с утверждением А. Н. Дьячкова-Тарасова о том, что эта первичная кипчакская группа состояла из «беженцев» то из Крыма, то из Астрахани и т. д. Откуда бы они ни пришли, «первичная группа» была компактной этнической группой. Впоследствии в нее вливались другие элементы.

Вопрос о происхождении балкарцев и карачаевцев может быть правильно понят при тщательном изучении тюркских языков. В этом отношении советские тюркологи проделали большую работу. Разработана классификация тюркских языков. [Проф. Н. А. Баскаков] в своей монографической работе «Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования», изучая историю тюркских языков, пришел к выводу о том, что к болгарской группе тюркских языков относятся древние болгарский, хазарский и современный чувашский языки. Кипчакскую группу языков он делит на три подгруппы: кипчакско-болгарская, кипчакско-огузская (половецкая) и кипчакско-

²¹ В. Радлов. О языке куманов, СПб. 1884; С. Е. Малов. К истории и критике «*Codex Cumanicus*». Изв. АН СССР, VII сер., отд. гум. наук, Л., 1930; А. Н. Самойлович. К истории и критике «*Codex Cumanicus*». Доклады Российской Академии наук, Л., 1924, стр. 86—89.

²² Записки Сев.-Кав. горского научно-исследов. ин-та, т. 2, Ростов-на-Дону, 1929, стр. 329.

ногайская. Кумыкский, карачаевский и балкарский языки относятся к кипчакско-огузской (половецкой) подгруппе кипчакских языков²³.

Говоря о кипчакской основе происхождения балкарцев и карачаевцев, необходимо иметь в виду не только данные языка, но и сведения исторических документов.

В XI в. на смену печенегам и торкам, вытесненным на запад, приходит тюркское племя — половцы, или кипчаки, известные в Европе под именем куманов, кунов, валанов и т. д. Половцы оказались более опасными врагами не только для аланов и адыгов, но и для Руси.

Во второй половине XI в. половцы нанесли ряд поражений славянам. Постепенно в результате внутреннего развития расширялись владения половцев на юг. Половецкие вежи (поселения) были в степях Предкавказья.

А. А. Иессен на основании изучения археологических данных пришел к предположению о том, что южная граница распространения половцев на Северном Кавказе проходила примерно по линии Армавир — Пятигорск — Калмыцкие степи²⁴.

В XII в. русские войска совершили ряд удачных походов в половецкие земли, проникли в глубь страны. Как отмечают источники, успешные походы войск Владимира Мономаха заставили часть половцев, в количестве 40 тысяч, выселиться в Грузию, где из них было образовано постоянное войско грузинского царя Давида IV Строителя²⁵.

В начале XIII в. (1222 г.) монгольский отряд разбил в степях Северного Кавказа алан и половцев. Как свидетельствуют письменные документы, часть половцев укрылась в горах. По поводу этого исторического события существует интересное сообщение летописи Ибн-аль-Асира*. В разделе летописи, повествующей о том, что татары сделали с аланами, дается подробное описание встречи татар с кипчаками и аланами.

«Перебравшись через Ширванское ущелье, татары по

²³ Н. А. Баскаков. Классификация тюркских языков. См. Труды Института языкознания, т. 1, М., 1952, стр. 7—57.

²⁴ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, № 3, М., стр. 30.

²⁵ Очерки истории СССР, IX—XIII вв., М., 1953, стр. 204.

* Родился в 1160 г. в Месопотамии, Умер в 1233 г.

этим областям, в которых много народов, в том числе аланы, лезгины и (разные) тюркские племена... Они ограбили и перебили много лезгин, которые были (отчасти) неверные. Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к аланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они (аланы) употребили все свое старание, собрали у себя толпу кипчаков и сразились с ними (татарами). Ни одна из обеих сторон не одержала верх над другой. Тогда татары послали к кипчакам сказать: «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежды сколько хотите; оставьте нас с ними». Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и пр.». Кипчаки, поверив татарам, оставили алан. «Тогда татары напали на алан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных», затем, татарские войска, нарушив заключенный с кипчаками мир, вторглись в их пределы. «Тут стали они (татары), — продолжает летопись Ибн-аль-Асира, — нападать на них раз за разом» и отобрали у кипчаков вдвое больше против того, что им отдали. «Услышав эту весть, жившие вдали кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских. (Подчеркнуто нами. — Т. К.) Татары остановились в Кипчаке»²⁶.

Здесь довольно ясно указывается на следующие обстоятельства:

1. Что в степях Северного Кавказа, кроме алан, жили тюркские племена, среди которых наиболее могущественным были кипчаки. Хотя нет прямого указания, какие это были тюркские племена, нетрудно понять, что речь идет о племенах, некогда входивших в состав Хазарии (савиры и другие болгарские племена и т. д.).

2. Что кипчаки находились в мирных отношениях с аланами. Об этом свидетельствует их совместное выступление против монгольских завоевателей.

3. Предводителям монгольских войск удалось на вре-

²⁶ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб, 1884, стр. 25.

мя подорвать союз аланов с кипчаками и поодиночке разбить их.

4. Часть кипчаков ушла в горы. Это прямое указание источника некоторые товарищи пытаются не замечать, а если замечают, то стараются не придавать ему существенного значения. Между тем этот факт говорит в пользу кипчакского происхождения балкарцев и карачаевцев.

В неопубликованной рукописи под названием «Кабардинцы», составленной, видимо, в 60-х годах XIX в. автор П. Г. указывает, что «половцы истреблены монголами; остатки их ушли за Дон. Много ясов или осов; много касогов или черкесо-адыгов, выступивших совместно с половцами навстречу полководцам Чингисхана, в Дагестане перебито; много взято в плен; уцелевшие скрылись в горах»²⁷. Этот же автор далее пишет, что балкарские общества, «составляя помесь осетин с татарами, сформировались в период татарского владычества на Кавказе и в Крыму. В них превалирует татарский элемент и все они говорят татарским наречием». Мы уже указывали о несостоятельности теории монголо-татарского происхождения балкарцев*. Здесь следует обратить внимание на то, что балкарские общества составляли помесь с осетинами, где превалирующую роль играли балкарцы. Действительно, такое смещение или перемещение народов могло произойти в тех сложных исторических условиях, когда на кавказские земли, не просохшие еще от крови, пролитой ее коренными жителями в борьбе с одной волной монгольского нашествия, накатывалась уже другая, волна огня и насилия.

В результате всех этих завосвательных походов часть местного населения, раздираемая внутренними противоречиями, вынуждена была оставить свое местожительство. Так и случилось с тюркскими племенами Северного Кавказа, в частности с кипчаками. Часть ушла в Венгрию, другая—укрылась в горах Кавказа, треть переселилась в Азербайджан. Оставшиеся половцы (кипчаки) подчинились монгольским завоевателям.

²⁷ П. Г. Кабардинцы, стр. 44. (Фотокопия рукописи хранится в архиве КБНИИ.)

* Авторы прошлого века, писавшие о балкарцах, называют их татарами, татарскими, или горскими, обществами Кабарды.

Как указывает восточный писатель первой половины XIV в. Эль-Омари, «Монголы смешались с ними (кипчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар). И все они стали точно кипчаки, как будто они одного (с ними) рода»²⁸. Следовательно, при рассмотрении вопроса об этногенезе балкарцев и карачаевцев должны быть учтены своеобразные исторические условия, в которых протекал сложный процесс формирования и развития карачаево-балкарской народности.

Классики марксизма-ленинизма требуют от исследователей рассматривать то или иное событие в конкретных исторических условиях, в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Если взять период с IV по XIII в. н. э., на территории Северного Кавказа и Причерноморья сколько было причудливых исторических переплетений! На протяжении более тысячелетия эта территория служила как бы мостом для передвижения тюркских народов на запад. Здесь мы встречаемся с гуннами, аварами, болгарами, печенегами, тюрками, хазарами, половцами, монголами и т. д.

В 1957 г. Карачаево-Черкесское книжное издательство выпустило книгу Х. О. Лайпанова «К истории карачаевцев и балкарцев», в которой специальный раздел посвящается вопросу происхождения карачаевцев и балкарцев. Если отвлечься от имеющихся в книге противоречивых положений, то она представляет определенный интерес. Справедливости ради следует отметить, что Х. О. Лайпанов собрал большой фактический материал по вопросу о происхождении карачаевцев и балкарцев. В этом отношении его работа выгодно отличается от всех предыдущих работ. Подводя итоги своему исследованию, Х. О. Лайпанов пишет: «Основой карачаево-балкарской этнической группы являются кипчаки (половцы) и хазары». Важнейшим компонентом явились, указывает он, также кубанские болгары²⁹.

Хазарский компонент в этногенезе балкарцев и карачаевцев признавали и другие авторы, как проф. Чо-

²⁸ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб, 1884, стр. 235.

²⁹ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Карачаево-Черкесское книж. изд-во, 1957, стр. 24.

бан-заде, И. Тамбиев³⁰ и др. Поддерживая выдвинутую Чобан-заде теорию о хазарском происхождении карачаевцев и балкарцев, И. Тамбиев пишет, что в пользу этой теории «имеются некоторые исторические данные», которые «дают основание думать, что балкарцы и карачаевцы свое родословие ведут от хазаров — турок». Он считает, что Маджар был хазарским городом. Оттуда карачаевцы и балкарцы ушли и заняли современную территорию. Для подкрепления этого суждения он ссылается лишь на фольклорные материалы.

Таким образом, основными аргументами для обоснования теории о хазарском происхождении балкарцев и карачаевцев были: фольклорные данные, факт принадлежности хазар к тюркским народам и то положение, что в сфере влияния Хазарского каганата находились северокавказские племена. Изучение этого вопроса затруднено тем, что памятников хазарского языка почти не сохранилось.

Теория о кавказском происхождении карачаевцев и балкарцев

Среди многочисленных гипотез о происхождении карачаевцев и балкарцев немаловажное место занимает теория о кавказском происхождении карачаевцев и балкарцев. В 1892 г. в XIV выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» была опубликована статья В. Я. Тепцова под названием: «По истокам Кубани и Терека», в которой автор проводит идею о том, что балкарская народность представляет «конгломерат взаимно ассимилировавшихся нескольких племен, причем ядром этой народности являются все-таки татары с языком, близким к турецкому»³¹. По его мнению, ядром балкарской народности служило меньшинство, под влиянием которого «большинство населения изменило себя коренным образом». Причину этого автор видит в том, что меньшинством являлись завоеватели.

Говоря о составе балкарского населения, В. Я. Теп-

³⁰ И. Тамбиев. Заметки по истории Балкарии. Журнал «Революция и горец», 1933, № 1—2, стр. 62.

³¹ В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. XIV, Тифлис, 1892, стр. 196—197.

тому назад, т. е. в XIII—XIV вв. «Очевидно, — пишет Л. Лопатинский, — они заняли земли, оставшиеся после другого выселившегося отсюда народа или части его, по всей вероятности, алан, которых Вахушт на своей карте помещает приблизительно в этом месте»⁴³. Предположение Л. Лопатинского подтверждается сообщениями карачаевского фольклора. Так, например, 120-летний Джанкезов рассказывал еще в 1896 г., что карачаевцы пришли за Кубань 587 лет тому назад; Хубиев и Алиев говорили, что из Кошкара Золотой Орды Карча вышел в 1283 г.⁴⁴

Балкарцы сами себя называют «малкар». По вопросу о происхождении этого термина существуют также различные мнения и версии. С. Броневский указывает, что балкарцы, или малкары, жившие в Черных горах по р. Черек в деревне Уллу-Малкар, получили свое этническое название от реки Малки, которая известна у кабардинцев под названием Балъкъ.

Предания возводят название «малкар» к имени Малкар. Один из вариантов этого предания повествует о том, что с плоскости в Черекское ущелье пробрался один охотник по имени Малкар, человек неизвестного происхождения, и застал там на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого называли себя «таулу», что означает «горец». Малкару очень понравилась эта местность, и он решил навсегда остаться там, переселив туда и свой род. Местным жителям это не понравилось, поэтому Малкаровы поселились на другой поляне, и оба рода жили спокойно. Но вот однажды является в горы неизвестный человек по имени Мисака в гости к Малкаровым, которых было девять братьев и единственная их сестра-красавица. Гость влюбляется в нее. Она отвечает Мисаку взаимностью. Но гордые братья Малкаровы не соглашались на брак сестры с пришельцем неизвестного происхождения. Тогда Мисак прибегает к хитрости и с помощью своей возлюбленной убивает братьев Малкаровых. Женившись на Малкаровой, Мисака завладевает землей и другим имуществом Малкаровых. Он приводит туда с плоскости и других

⁴³ См. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 111.

⁴⁴ СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 137.

людей и начинает притеснять местных жителей, которых в конце концов превращает в своих данников⁴⁶. Это предание однотипно с преданиями о происхождении осетинских алдар и баделят, о заселении Кабарды неким Кабартом.

По мнению некоторых авторов, Черекское ущелье было заселено предками балкарцев раньше, чем Чегемское и Баксанское ущелья. Так, первыми и самыми древними поселенцами на нынешней территории Тульчинский считает балкарцев⁴⁶, живущих ныне по ущелью р. Черек. А по мнению проф. М. Ковалевского, отсюда они уже расселились по другим ущельям.

Самые ранние известия в русских документах о балкарцах мы находим в 1629 г. в отписках терского воеводы И. А. Дашкова с товарищами в Посольский приказ о разведке залежей серебряной руды на территории Кабарды и Балкарии.

В 1628 г. кабардинский князь Пшимахо Камбулатович Черкасский направил в Москву Каншов-мурзу Биттемировича, который сообщил, что в Кабарде, на расстоянии 6 дней пути от города Терки, находится месторождение серебра и меди⁴⁷. По этому вопросу началась переписка. 11 января 1629 г. Терский воевода И. А. Дашков сообщил в Посольский приказ, что в тех горах, где найдена руда, живут балкарцы⁴⁸.

В марте 1629 г. в Посольском приказе были составлены расспросные речи о местонахождении серебряной руды. Из них мы узнаем, что «то место, где они с Каншов-мурзою ездили, владеют черкасских мурз Апши да Абдауллы мурзы балкарских князей... а князь Пшимаху Камбулатовичу Черкасскому они по сестре племянники. А государю-де те мурзы непослушны, живут о себе и закладов их в Терском городе нет, а слушают они черкасского Алегука-мурзы Шеганукова⁴⁹. В материалах посольства стольника Толочанова и дьяка Иевлева в

⁴⁶ М. К. Абиев. Балкария. Журнал «Мусульманин», Париж, 1911, № 11—12.

⁴⁷ Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды «Терский сборник», вып. 5, Владикавказ, 1903, стр. 15.

⁴⁸ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.» М., 1957, т. 1, стр. 120.

⁴⁹ Там же.

⁴⁹ Там же, стр. 125, 126.

Имеретию в 1650—1652 гг. также упоминается «Болхары», «Болхарех»⁵⁰.

В 1639 году, когда московские послы шли в Сванетию через Баксан, они застали здесь карачаевцев. Предлагая, что карачаевцы ушли из Баксана между 1639 и 1661 годами⁵¹. Таким образом, эти факты опровергают утверждение о том, что балкарцы заняли нынешнюю территорию в XVI в. Хотя в русских исторических документах мы не встречаем балкарцев на данной территории в более ранний период, но тем не менее встречная проверка и сопоставление сообщений разных источников дают основание сказать о том, что большая группа предков балкарцев мигрировала с верховья р. Черек не позднее XII — начала XIII в.

Правильное разрешение вопроса о времени заселения предками балкарцев и карачаевцев всецело зависит от исходных дискуссии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев.

Некоторые товарищи склонны считать, что предки балкарцев заняли нынешнюю территорию во второй половине VII в. Тезис этот пока что не обоснован.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы и заключения:

1. Вопрос об этническом мигре балкарцев и карачаевцев совершенно неудовлетворительно изучен в дореволюционной литературе. Вопрос этот освещался с позиций буржуазно-дворянской историографии. Представители дореволюционной кавказоведческой историографии поставили вопрос о происхождении карачаевцев и балкарцев, но они оказались не в состоянии разрешить эту проблему в силу их ограниченности.

Представители дворянско-буржуазной историографии подходили к решению этого сложного вопроса односторонне, поверхностно, не вскрывали сложные процессы формирования той или иной народности. Проблему этнического мигре балкарцев и карачаевцев иногда подменяли вопросом о их прародине.

⁵⁰ «Писемства стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имерию 1650—1652 гг.», Тифлис, 1926, стр. 54, 92.

⁵¹ «История карачаевцев и балкарцев» Карачаево-Черкесское ж. изд.-во, 1957, стр. 62. См. также Х. О. Лайпанов, И. Лавров. Расселение сванов на Северном Кавказе. Журнал советская этнография», 1952.

Нельзя думать, что образование Карачая и Балкарии произошло просто путем механического вытеснения одного народа другим, как это делалось часто дореволюционными авторами. Многие авторы стремились, главным образом, к одной констатации нового этнического термина, объясняемого тем, что его носители пришли извне.

2. Советские историки, археологи, этнографы, антропологи, языковеды, вооруженные самой передовой теорией — марксизмом-ленинизмом, — достигли определенных успехов в разрешении проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев.

В частности, гипотезы о кабардинском, ногайском, монгольском, славянском, крымско-татарском происхождении балкарцев и карачаевцев отвергнуты как несостоятельные, не имеющие исторических доказательств.

Однако до сих пор не преодолены существующие трудности в разрешении этой проблемы. В настоящее время существует, главным образом, четыре направления: балкарцы и карачаевцы — отуреченные кавказцы; карачаевцы и балкарцы — кипчаки; балкарцы и карачаевцы — болгары, карачаевцы и балкарцы — аланы.

3. Теория о кипчакском происхождении балкарцев и карачаевцев более или менее обставлена научной аргументацией.

Однако это не означает, что вопрос об основном компоненте в этногенезе балкарцев и карачаевцев уже бесспорен и не требует дальнейшего изучения.

4. Вопрос о болгарском происхождении изучен сравнительно слабо. Догадка В. Миллера о том, что «не скрываются ли в балкарцах последние потомки одной из величайших кавказских болгар», хотя актуальна и заманчива, остается догадкой. Какие имеются данные в пользу этой гипотезы?

Это, во-первых, то, что названия «болгар» и «балкар» очень близки между собою; во-вторых, предполагаемые предки балкарцев (болгары) некогда жили и в Кубани под названием черных болгар; в-третьих, весьма фрагментальные языковые данные.

5. Буквально в последние месяцы некоторые товарищи выдвинули предположение о том, что балкарцы и карачаевцы происходят от разных этнических групп. Так балкарцев выводят от болгар, а карачаевцев — от кипчаков. Нам думается, что такое предположение пока что

ращении друг к другу именуют себя «алан», что в понятии означает «друг», «товарищ» (См. ...). В исторической литературе и фольклоре существует много теорий о происхождении балкарцев. Предками балкарцев считают: болгар, хазар, половцев, чехов, остатки полчищ Тимура, ногайцев, туркмен, мадьяр, зихов-джихов и, наконец, говорят, что балкарцы — выходцы из Турции и Крыма.

Как видно из перечисленных теорий, вопрос о происхождении балкарцев чрезвычайно запутан.

Такие историки прошлого, как И. А. Гильденштедт, К. Ф. Сталь, Ф. И. Леонтович, своими работами вызвали определенный интерес к изучению проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев, но они тенденциозно и однобоко истолковали материал и не могли дать научного решения вопроса.

Известные исследователи В. Миллер, М. Ковалевский, Н. А. Караулов, чешский ученый К. Иречек и другие накопили немало отдельных ценных материалов для решения поставленной задачи, производили ряд полезных исследований, но в целом, в силу ограниченности мировоззрения и отсутствия необходимых сведений, они остановились у истоков этого вопроса.

После Великой Октябрьской социалистической революции делались попытки разрешить этот вопрос в работах историков И. Тамбиева¹, Г. Кокиева² и других; значительно было улучшено освещение новых сторон этой проблемы. Но ни одну из этих работ нельзя признать полной и законченной. Они, к сожалению, также страдают односторонностью, отсутствием научного анализа, шаблонностью выводов, а зачастую неправильными положениями.

Исходным положением в решении вопросов истории как и всех вопросов жизни общества, являются неисчерпаемые теоретические положения марксизма-ленинизма.

Марксистско-ленинская теория об обществе позволяет нам правильно решить все коренные вопросы исто-

¹ И. Тамбиев. Заметки по истории Балкарии. Журнал «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1933, № 1--2.

² Г. Кокиев. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории. Газета «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1941, № 23.

ического развития каждого народа, охарактеризовать основные черты, закономерности и особенности, специфику его развития.

В настоящем докладе делается попытка рассмотреть на основе незыблемых положений марксизма-ленинизма доступные нам источники и дать изложение вопроса о происхождении балкарского и карачаевского народов.

Отправляясь от основных положений трудов Маркса, Энгельса, Ленина и рассматривая документы в свете их учения, мы полностью отвергаем гипотезы о происхождении балкарцев и карачаевцев от хазар, чехов, остатков татаро-монголов, ногайцев, туркмен, мадьяр, зихов-джихов, а также гипотезу о том, что балкарцы и карачаевцы являются выходцами из Турции или Крыма, как не имеющие научной основы и исторической достоверности. При этом мы, разумеется, не отрицаем проникновения в среду балкарцев и карачаевцев отдельных представителей и даже групп названных выше племен и народов.

В вопросе о происхождении балкарцев и карачаевцев речь может идти только о кавказских болгарях, ассах, аланах и половцах.

Какие же имеются основания для такого утверждения?

Древние болгары по языку были народом тюркской группы. Долгое время считалось, что первое упоминание о них относится к 334 г. н. э. На этой позиции стоят и составители истории Болгарии³. Однако, как показывают первоисточники, древнейшее упоминание о болгарях относится к более раннему периоду, к догуниской эпохе.⁴

Армянский историк Моисей Хоренский в своей «Истории Армении» сохранил фрагменты из более раннего источника, принадлежавшего перу сирийского историка III века «старца» Мар-Абас-Котины.

Мар-Абас-Котина хорошо знал имя болгар и повествовал о проникновении болгарских переселенцев в Закавказье. Первое из таких переселений он относит ко времени царствования сына Вахаршака—Аршака, который правил с 127 по 114 год до нашей эры.

³ История Болгарии, т. I. М., 1954, стр. 56.

⁴ Очерки истории СССР (III—IX вв.), стр. 587.

По имеющимся у нас сведениям, древние болгары вели кочевой образ жизни и обитали в Приазовских степях. Византийские авторы называли их кутригурами (кутургурами) и утригурами (утургурами), составляющими два больших племенных объединения древних болгар.

Эти два объединения в 80-х годах VI в. создали самостоятельный союз племен во главе с вождем древних болгар Кубратом.

Болгарский союз племен, как и другие подобные объединения, был непрочен и распался после смерти Кубрата. Этот распад был ускорен появлением хазар на территории болгар. «Под давлением хазар, — говорится в «Истории Болгарии», — отдельные болгарские орды пришли в движение. Одна из них ушла на северо-восток и расположилась на нижней Каме и средней Волге; другая во главе с Аспарухом (Исперихом) ушла на запад к Дунаю, часть болгар осталась на прежнем месте и была подчинена хазарам»⁵.

То же самое сказано и в «Истории Татарии», выпущенной Казанским филиалом АН СССР. В ней говорится о том, что болгары жили в Приазовье и в междуречье низовьев Волги и Дона.

К VI в. они создают сильный приазовский союз племен, известный в истории под именем «Великой Болгарии», военные походы которого беспокоили Византийскую империю. В первой половине VII в. союз этот распался. Часть болгар под напором Хазарского каганата ушла на Дунай и слилась со славянскими племенами, придав им свое название.

Другая часть болгар передвинулась на север, заняла территорию Среднего Поволжья и Прикамья и, смешавшись с местными племенами, положила начало волжской Болгарии. Оставшаяся часть, по-видимому, была достаточно большой массой, которая сумела сохранить свой язык и свою культуру. В начале VII в. на Нижней Волге, Дону и в Предкавказье был создан Хазарский каганат, под влияние которого попали и болгары. В 965 г. князь Святослав положил конец существованию Хазарского каганата, что послужило усилению культурного воздействия Руси на кавказские

⁵ История Болгарии, стр. 56.

племена. Исторические источники указывают на наличие в IX—XI вв. в болгарском объединении ряда родственных племен. Ибн-Русте отмечает три крупных болгарских племена: берсула, эгель и болгар, последние были наиболее сильными⁶.

Об этом же говорится и в специальном исследовании Н. Я. Мерперта, автора работы о древнеболгарских племенах. Характеризуя волжских болгар, сыгравших значительную роль в процессе этногенеза народов Поволжья и Прикамья, в частности казанских татар и чувашей, Мерперт пишет, что «упоминаются болгары и за пределами указанных областей (т. е. волжских. — С. Б.) в степных и лесостепных районах Приазовья и Предкавказья... Арабо-персидские источники их называют «внутренними болгарами», а русские летописи — «черными болгарами»⁷.

Время появления болгар на Кавказе ~~автор упомянутой работы~~ относится к первым векам н. э. Он пишет, что «в первые века нашей эры, задолго до появления в Европе основной массы гуннов, через Северный Прикаспий в восточные районы Предкавказских степей проникает из Азии группа тюркоязычных племен, именовавших себя болгарами. Здесь они кочуют по соседству с сабирами и аланами»⁸. Он говорит, что в 30—40-х годах VII в. болгары занимали территорию между Доном и Кубанью. «Батбай стоял во главе Кубанской группы болгар, а Аспарух возглавлял племена Вагхандор и занял местность в Гиппийских или Болгарских горах, т. е. в районе Ергеней (гребневидная возвышенность, тянущаяся от нынешнего Сталинграда до Куманьчской впадины. — С. Б.) или Ставропольской возвышенности»⁹.

На вопрос — что же стало с оставшейся на Кубани частью болгарского племени после того, как они были разбиты хазарами, Мерперт отвечает: «распад державы Кубрата и хазарский разгром вызвали несомненно весьма значительные долговременные перемещения болгарских племен. При этом часть их, подчинившись хазарам

⁶ История Татарской АССР, т. I, Казань, 1955, стр. 45.

⁷ Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнеболгарских племенах. Казань, 1957, стр. 6.

⁸ Там же, стр. 7.

⁹ Там же, стр. 17.

рам, осталась в Приазовье или была оттеснена к горным районам Северного Кавказа»¹⁰.

О чем же говорится в других источниках?

Моисей Хоренский свидетельствует нахождение болгар у Кавказских гор и о том, что распад их державы происходил с большими потрясениями. Так, он говорит: «Большие смуты возникали в цепи Великой горы Кавказской, в земле болгар»¹¹.

В своей «Истории болгар» чешский историк XIX в. К. Иречек, характеризуя процесс распада Великой Болгарии, отмечает, что после смерти Кубрата, во времена императора Константина V, болгары разделились на пять частей. «Одна часть осталась на месте у берегов Азовского моря и по реке Кубани во главе с Батбаем; вторая перешла через Дон под предводительством Котрага; третья поселилась в Паннонии; четвертая поселилась в Италии и пятая — в Бессарабии под руководством Аспаруха»¹².

Историческая обстановка первых веков нашей эры привела к тому, что болгары жили не только у «Великой горы Кавказской» и в Предкавказье, но часть их проходила в Закавказье и обосновалась в Армении. Это подтверждается сирийским источником VI в. н. э.: в Хронике Захария Митиленского, где говорится, что «к северу от Дербента жили бургары»¹³.

К. П. Патканов в своей работе «Армянская география VII века по р. х.», основываясь на сообщениях М. Хоренского, утверждает, что часть болгар осела в Армении.

Он ссылается на сирийца Мар-Абас-Котину, который, как мы уже говорили, жил в III в. н. э.

Следовательно, в III в. в Армении была болгарская колония¹⁴.

Одна из самых ранних летописей, принадлежащая византийскому автору Феофану, также подтверждает

¹⁰ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 24.

¹¹ М. Хоренский. История Армении, т. II, гл. 9, стр. 263.

¹² К. Иречек. История болгар. Перевод с немецкого В. Н. Яковлева, вып. I. Варшава, 1877, стр. 119.

¹³ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 40.

¹⁴ К. П. Патканов. Армянская география, VII в. по р. СПб, 1877, стр. 37.

сообщения Хоренского. Под 671 годом в этой летописи¹⁵ говорится:

«Во времена Константина на западе Кубрат, обладатель Болгарии и котрагов, скончался, оставив пятерых сыновей, которым завещал никогда не расходиться, ибо таким только образом могли они всегда владычествовать и остаться непоработенными от другого народа, но в непродолжительном времени, по кончине его, пять сынов пришли к разногласию и разошлись все, каждый с подвластным ему народом. Старший сын по имени Батбай, соблюдая завещание отца, поныне остался на земле своих предков... когда они таким образом разделились на пять частей и стали малочисленными, то хазары, великий народ, вышедший из Верзилии, сделавши данником старшего брата Батбайяна, начальника первой Болгарии, поныне получают от него подати».

Значительно позднее, в X в., говорится в сочинении Абуль-Хасана Али Ибн-Хусейна-Аль-Масуди, «булгары упоминаются иногда вблизи Черного и Азовского морей. Последнее свидетельство относится к оставшимся там болгарским племенам»¹⁶.

Приведенные выше различные источники единогласно и неопровержимо доказывают, что болгары являются древними жителями Северного Кавказа. Болгары по языку были тюркьязычным народом; находились в предкавказских степях в первые века нашей эры, кочевали на этой территории по соседству с сабирами и аланами. «Великая Болгария» распалась под ударами хазар в начале VII в. Значительная часть болгар была оттеснена хазарами в горные районы Северного Кавказа и находилась в зависимости от Хазарского каганата. Под натиском хазар болгары вытеснили из предгорий Кавказа и частично ассимилировали кочевавших по соседству с ними алан. Часть болгар перешла через Кавказские горы, проникла в Армению и образовала там свою колонию. После разгрома Киевским князем Святославом Хазарского каганата болгары и другие племена Северного Кавказа были освобождены из-под зависимости хазар.

¹⁵ Летопись византийца Феофана от Диоклитеана до царей Михаила и сына его Феофилакта с предисловием Бодянского.

¹⁶ Н. П. Смирнов. Возникновение государства волжских болгар. Стр. 61.

переписчику не пришло в голову привести к одной форме столь близкие между собою названия*.

Кажется, отсюда следует вывести, что составитель отнесся к местным именам весьма добросовестно и сохранил нам диалектальные формы имени болгар. Все это указывает на то, что под именем болгар было соединено несколько колен тюркского племени, различавшихся, вероятно, в оттенках говора. Так, одно колено называло себя булгар, другое произносило свое родовое имя со звуком *к* и, быть может, с несколько иной вокализацией (болгар). В виде предположения высказываем догадку, что, быть может, в названии тюркского общества, живущего на востоке от дигорцев, в долине Черека, — балкар сохранилось тоже древнее имя. Тюркская народность балкарцев и близость их имени к одной из форм имени болгар (болкар), приводимой армянской географией VII в., невольно наводит на предположение, не скрываются ли в балкарцах последние потомки одной из ветвей кавказских болгар»²¹.

Далее, в подтверждение своего предположения, Миллер ссылается на русские известия XVII в., где название «балкар» приводится в форме «болхары»: Он пишет: «Отправленные в 1650 году от царя Алексея Михайловича к имеретинскому царю Александру послы, Никифор Толочанов и дьяк Алексей Иевлев, ехали туда и обратно через балкарские земли. Они называют тамошних жителей и жилища их общим именем болхары»²².

¹ Таковы предположения указанных дореволюционных исследователей о происхождении балкарцев.

Марксистско-ленинская наука установила, что народы складываются исторически, в результате длительного развития путем скрещивания различных этнических групп. Таким образом, вопрос об этногенезе, о происхождении балкарского и карачаевского народов гораздо сложнее, чем думали дореволюционные исследователи.

Советские ученые провели ряд научных исследований по истории, лингвистике, археологии и этнографии народов Северного Кавказа и на основе марксистско-

* Подчеркнуто нами. — С. Б.

²¹ В. Миллер. Осетинские этюды. «Ученые записки Московского университета». М., 1887, вып. 8, стр. 103-105.

²² В. Миллер. Указанная работа, ч. III, стр. 104.

ленинской науки сделали более конкретные, достоверные выводы о происхождении балкарцев и карачаевцев.

Исследователь древней истории хазар проф. М. И. Артамонов считает, что «...*Bulkher*» означает «то же самое, что армянские булгары, т. е. болгары, которые, как мы знаем, населяли степи Северного Прикавказья и имя которых сохранилось в нынешних балкарцах»²³.

Проф. М. И. Артамонов в данном случае делает совершенно правильный вывод.

Такое же, на наш взгляд, правильное заключение делает и А. П. Ковалевский в своей работе «Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана». Он пишет: «в соответствии с передачей в графике и в произношении других народов мы можем установить такие огласовки: «балкар» (на Кавказе), «болгар», «булгар» (следуя русским летописям), «булгар» (славяно-болгарские), «българ», чувашское «палхар». Учитывая, что в истории чувашского языка в первом слого слова произошел переход звука *a* в *o*, потом в *y* и, наконец, даже в *ы*, мы можем считать форму «балкар» наиболее древней»²⁴.

Арабский писатель Ибн-Русте в 903—912 гг. (раньше, чем Ибн-Фадлан) писал: «их три сорта: один сорт называется — барсула, другой сорт — эсгел и трстий-балкар»²⁵.

Некоторые историки утверждают, что балкарский народ до Великой Октябрьской социалистической революции не назывался этим именем. Такого рода утверждения опровергаются имеющимися ранними известиями о балкарцах в русских документах. Таким документом является переписка терского воеводы И. А. Дашкова с Посольским приказом от 11 января 1629 г., где он сообщал, что «в тех горах, где найдена руда, живут балкарцы»²⁶.

Об этом говорит и сообщение послов царя Алексея Михайловича — Никифора Толочанова и Алексея Иевлева, которые проезжали балкарские земли 17 мая 1650 г..

---

²³ М. И. Артамонов. Очерки древней истории Хазар. 1936, стр. 93.

²⁴ А. П. Ковалевский. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чувашск. госиздат, 1954, стр. 34.

²⁵ А. П. Ковалевский. Указанная работа, стр. 35.

²⁶ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I. 1957, стр. 120.

к имеретинскому царю Александру. Они называют местных жителей общим именем «болхары»²⁷. Приведенные выше доказательства говорят о том, что название «балкар» издревле существовало на Северном Кавказе и хорошо было известно на Руси, отдельные же искажения имели место в зависимости от грамотности, осведомленности, а иногда недобросовестности отдельных авторов.†

Балкарский народ сравнительно рано стал упоминаться и в русской художественной литературе. Так, например, Жуковский в своем послании к Воейкову писал:

Но там, среди уединенья
Долин, таящихся в горах,
Гнездятся и балкар*, и бах,
И абазех, и кумуцинец,
И карбулак, и албазинец,
И чечерец, и шапсук.

Этот отрывок приведен великим русским поэтом: А. С. Пушкиным в примечаниях к «Кавказскому пленнику».

Утверждение о том, что балкарский народ до начала XX в. не знал названия «балкарец», является очевидным недоразумением.

Балкарцы сложились в народность в результате длительного исторического процесса.

В определении понятия народности язык имеет большое значение и наряду с другими признаками является одним из решающих условий. «...язык и законы его развития, — писал И. В. Сталин, — можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»²⁸.

Балкаро-карачаевский язык относится к тюркской языковой семье; процесс его формирования был так же длителен и сложен, как и история развития самого народа.)

---

²⁷ В. Миллер. Указанная работа, стр. 104.

* Подчеркнуто нами. — С. Б.

²⁸ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, М., 1951, стр. 22.

[В своем историческом развитии человеческое общество прошло от родовых языков к племенным языкам, от них к языкам народностей и дальше к языкам национальным.]

Безусловно, язык балкарцев и карачаевцев в своем развитии прошел эти же стадии. Следует полагать, что основой для него явился древнетюркский язык, на котором говорили древние болгары, жившие в Предкавказье и в Приазовье с первых веков первого тысячелетия нашей эры.

Видимо, болгарское объединение Предкавказья, как и другие подобные объединения, имело в своем составе различные племена, говорившие на различных диалектах древнеболгарского языка, но имевшие ту же тюркскую основу.

Этническую основу балкарского и карачаевского народов составляли те болгары, которые оставались в Предкавказье после распада «Великой Болгарии». Они впитали в себя и часть других племен, в частности асов, алан и других. К сожалению, территория, которая в прошлом была занята «Великой Болгарией», до сих пор почти не изучена, а поэтому приходится пользоваться тем, что оставила нам история Волжско-Камской Болгарии.

Если сравнить образцы языка современных балкарцев и карачаевцев с древнеболгарскими, нетрудно убедиться в том, что перед нами один и тот же язык.]

Отрывки древнеболгарского языка сохранились в словаре «тюркских наречий» Махмуда Кашгарского, в надписях надгробий XI—XIII вв. Волго-Камья и в сочинениях отдельных писателей XIV—XVI вв.

В «Истории Татарии», выпущенной Казанским ФАН СССР в 1955 г., приводится образец болгарского языка XI века. Сопоставим его с современным карачаево-балкарским языком:

Древнеболгарский текст

Итиль суы ака турур,
Кья тоби кака турур,
Балык телим бака торыр,
Кулинен таки кушарыр.

Балкаро-карачаевский текст

Итиль суу агъа турур,
Къая тебе къагъа турур,
Балык телю макъа турур,
Кёллени такыр къуршалар.

Оба текста дают совершенно одинаковое понятие, и их смысловой русский перевод таков:

Воды Итиля текут, ударяясь
о твердыню скалы (берегов),
лягушек, рыб стада живут,
Ими полон озерный разлив²⁹.

Наиболее характерным в этих двух текстах является переход звука *б* в *м*. Древнеболгарское — *баки* (лягушка) в современном балкаро-карачаевском языке произносится *макъа*. Для балкарского и карачаевского языков такие переходы свойственны.)

Так, например, балкарцы и карачаевцы хорошо знают, что родиной общеизвестных бухарских шапок является древняя Бухара. Но балкарцы, зная это, называют *мухар-бёрк*, т. е. вместо слова «бухарская» говорят «мухарская». Здесь начальный «законный» звук *б* заменяется звуком *м*.

В языке балкарцев и карачаевцев и до сих пор бытует много слов и названий, произносимых ими в начале слова то через звук *б*, то через звук *м*. К таким относятся: *биз* — *миз* (шило), *бийик* — *мийик* (высоко), *болжал* — *молжал* (срок), *бакъыр* — *макъыр* (мяукает) и т. д.

Приведенные примеры лишней раз подтверждают закономерность изменения «балкар» в «малкъар». В этой связи определенный интерес представляет название реки Малки. Балкарцы говорят «Балк суу бойну», т. е. «ущелье реки Балк». У кабардинцев эта река также известна под названием «Балк».

Если эта река впоследствии стала называться Малкой, то в этом ничего удивительного нет. Тут действовали те же законы языка, о которых говорилось выше.)

На одном из надгробных камней, обнаруженном около озера Кобан, вырезана болгарская эпитафия с именем женщины «Алтын Бертек» («золотая крупинка») и с датой: «696 р. в 8-й день месяца зульхиджа», что соответствует 27 сентября 1297 г.³⁰

В этой надписи важно имя женщины, которое в современном литературном балкаро-карачаевском языке звучит как *Алтын-Бюртюк* («золотая крупинка»). Древнеболгарское слово *алтын* (золото) осталось без изме-

²⁹ История Татарской АССР. Казань, 1955. стр. 103.

³⁰ Там же, стр. 26.

нения, а *Бертек* — вторая часть имени — изменилось на *бюртук*, так как вместо *e* в обоих случаях употребляется *ю*.

Советские исследователи Н. И. Воробьев³¹, Л. Залляй³², Г. В. Юсупов³³ и другие, изучая надгробные надписи болгарского периода, в своих работах приводят много древнеболгарских слов, которые дают основание утверждать, что балкарский язык гораздо ближе стоит к древнеболгарскому языку, чем чувашский, татарский и другие. Сделаем сравнения:

Чувашское	Древнеболгарское	Балкаро-карачаевское
<i>хёр</i>	кыз (девушка)	кыз
<i>уна</i>	айак (нога)	аяк
<i>унах</i>	айх (месяц)	ай
<i>жучче</i>	джиати (семь)	джети — жети и т. д.

Интересно, что современное чувашское *хёр* употребляется в балкаро-карачаевском языке как *хур*, а балкарцы и карачаевцы говорят *хур-кыз*, для характеристики красоты девушки. Точно такое же совпадение в современном балкаро-карачаевском языке и с другими древнеболгарскими словами, например: *ёч* — три, *терт* — четыре, *он* — десять, *бертек* — зерно, *кадык* — обломок, *томха* — кочка, *джал* — год, *кышлак* — зимовка, *сата* — продавая, *ага* — старший, *акча* — деньги и т. д.

Советскими археологами установлено, что болгарские надгробные камни с формой «Джиат джур джал» (700 год гиджры) имеются только лишь в районах Прикамья, т. е. на территории Камской Болгарии. Современные карачаевцы и балкарцы это будут произносить так: «джети джюз джыл» или «жети жюз жыл», т. е. налицо подтверждение карачаево-балкарскому «джоканию». Древние болгары произносили *кыз* (девушка), *катын* (жена)³⁴, т. е. точно так, как современные балкарцы и карачаевцы. [Как было сказано выше, у

³¹ Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар по данным этнографии. Журнал «Советская этнография», 1946, № 3.

³² Л. Залляй. К вопросу о происхождении татар Поволжья. Журнал «Советская этнография», 1946, № 3.

³³ Г. В. Юсупов. К вопросу о происхождении татар. 1952 (Диссертация.)

³⁴ «Материалы по диалектологии». Казань, 1955, стр. 12.

чувашей вместо *кыз* говорят *хёр*, а большинство татар Поволжья и кумыков Дагестана вместо *катын* говорит *латын, хатун*. Отсюда следует, что карачаево-балкарцы сохранили древнеболгарский язык в сравнительно большей «чистоте», нежели чувашаи и татары Поволжья.

Как было сказано выше, болгары в первые века первого тысячелетия нашей эры кочевали в степях Северного Кавказа по соседству с алацами.

Алапы, так же как и болгары, были покорены хазарами. При этих условиях общение и смещение болгар и алан не могло не принять более действенного характера. Нужно полагать, что насильственное передвижение оатбаевских болгар вызвало в свою очередь также передвижение части алан к востоку, к территории теперешней Осетии. При этом, видимо, значительное количество алан осталось на своей прежней территории. Вероятно, этому способствовало то обстоятельство, что болгары и аланы до этого знали друг друга и имели общение.

Зависимое положение болгар и алан от Хазарского каганата, видимо, привело к тому, что они сочувственно относились друг к другу и имели неплохие взаимоотношения. В зависимости от хазар они находились до разгрома Хазарского каганата киевским князем Святославом в 965 г. После разгрома хазар начинается усиление влияния алан. Именно в это время сложилось у них раннефеодальное политическое объединение, в составе которого оказались и «черные болгары», вытесненные в начале VII в. из степных районов Северного Кавказа. Расцвет аланского могущества приходится на X—XII вв. н. э. С конца XII в. начинается распад аланского объединения на мелкие княжества, которые враждовали друг с другом и вели между собой постоянные войны.

Небезынтересно остановиться на вопросе исчезновения названия «алан» почти у всех народов Кавказа в том числе и у осетин, предками которых в настоящее время принято их считать. Единственными носителями этнического термина «алан» до наших дней являются балкарцы и карачаевцы.

По нашему мнению, термин «алан» является собирательным именем для всех племен, входивших в аланское политическое объединение. Это отнюдь не случайное явление. Это результат того, что предки балкарцев и карачаевцев, тюркоязычные болгары — балкары, с

древнейших времен сначала жили и кочевали по соседству с аланами, затем, с VII в., под напором хазар смешались с ними, а с конца X в. н. э. входили в состав аланского союза племен. Х. О. Лайпанов в своей специальной работе о карачаевцах и балкарцах приводит высказывание акад. Буткова о том, что на современной территории нашей республики обитали в X в. теперешние коренные жители ее — чегемцы и балкарцы³⁵.

Мы думаем, что предки балкарцев и карачаевцев покинули Кубань и остановились в предгорьях Центрального Предкавказья гораздо раньше, именно в VII в. н. э., когда, по свидетельству «Истории Армении», «большие смуты возникали в цепи великой горы Кавказской в земле болгар»³⁶.

Некоторые историки склонны считать, что балкарцы и карачаевцы — потомки позднейших тюрков. Тогда возникает законный вопрос: почему аборигены Кавказа — кабардинцы — называют балкарцев их историческим именем — балкар, а осетины — асами? Почему балкарцы, сохранившие свое имя «балкар» и этнический термин «алан», не знают и ничего не сохранили в своей памяти об этих тюрках? Это результат того, что позднейшие тюрки в формировании балкарской народности заметного участия не принимали. Что же касается алан, то они были основным компонентом, после «черных» болгар, в формировании балкарско-карачаевской народности*. Только этим объясняется глубокое взаимовлияние балкарско-карачаевского и осетинского языков, фольклора, близкое сходство терминов материальной культуры, названий животных и явлений природы, о чем неоднократно писал в своих трудах известный кавказовед В. И. Абаев. Все это является свидетельством древнего единства хозяйственного развития этих народов и подтверждается данными археологов.

Исследователь материальной культуры А. А. Миллер, изучавший археологические памятники Балкарии, утверждает, что «все старые постройки» — как погреб-

³⁵ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев Черкесск, 1957, стр. 17.

³⁶ М. Хоренский. История Армении, т. II, гл. 9, стр. 261

* Подчеркнуто нами. — С. Б.

³⁷ В. И. Абаев. «Язык и мышление», 1933, № 11, «Аланика» «Известия АН СССР», 1935.

бальные, так и другие — сооружались предками современного населения Балкарии.

Непрерывная цепь памятников материальной культуры свидетельствует о долгом и последовательном развитии этой культуры на месте³⁸.

Далее, А. А. Миллер допускает смешение тюркоязычных предков балкарцев с алано-ясами и то, что последние утратили свой язык.

Мы согласны с мнением А. А. Миллера. Такие явления имели место в истории.

→ Осетины называют балкарцев асами. Мы согласны с изменениями этнического термина асы—ясы на осьь, овсьь, овсети и, наконец, осетины. Напрашивается законный вопрос, почему же сами осетины называют балкарцев именем «асы»? Случайно ли это? Нет, не случайно. Осетины, издавна знавшие своих непосредственных соседей, не случайно называют балкарцев древним именем «асы—ассон». Как же относятся к этому имени сами балкарцы? Этот этнический термин, так же как и термин «алан», имеет хождение в балкарской среде, причем в самой древнейшей его форме «асы». Они и по сей день говорят «асыдан туугъан асы», «асыны баласы», т. е. буквально — «асы рожденный от асы», «сын асы». Это показывает и убеждает, что аланы и асы принимали активное участие в формировании балкаро-карачаевской народности*. Есть ли основание говорить о позднем появлении предков балкарцев и карачаевцев в предгорьях Центрального Предкавказья? Нужно полагать, что нет.

По всей вероятности, этим руководствовался проф. Г. Кокиев, когда утверждал, что «неверно отрывать балкарцев и карачаевцев от алано-ясского союза племен, история которых параллельно прослеживается с I века нашей эры»³⁹.

Этим объясняется большая антропологическая близость балкарцев и карачаевцев с осетинами, кабардинцами и черкесами, чем с ногайцами, татарами и половцами (куманами).

³⁸ А. А. Миллер. Яфетический сборник, VII, АН СССР, Л., 1932, стр. 51.

* Подчеркнуто нами. — С. Б.

³⁹ Г. Кокиев. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории. Газета «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1941, № 23.

Антропологическими исследованиями карачаевцев и балкарцев занимались Р. Эскерт⁴⁰, П. Пантюхов⁴¹ и другие.

В 1927—1928 гг. были произведены более тщательные антропологические исследования балкарцев и карачаевцев⁴².

Проведенные исследования еще раз подтвердили прежние данные о большем сходстве карачаевцев и балкарцев с осетинами, кабардинцами, черкесами, чем с ногайцами, татарами и половцами.

Об этом же говорят и так называемые половецкие каменные бабы, встречающиеся в приазовских степях и на Кубани. Эти «бабы» воспроизводят внешность не карачаевца и балкарца, а физический облик татаро-монголов и ногайцев.

В XI в. в южнорусских степях появились тюркоязычные половцы (куманы), которые вели войны со славянами. Длительная и неудачная борьба со славянскими князьями вынудила половцев уйти на юг — в район северокавказских степей, и они стали серьезной угрозой для алан и других племен Северного Кавказа. Используя свои родственные связи с грузинским царем Давидом III, 40-тысячная армия половцев в XII в. сумела пройти в Закавказье через Дарьяльское ущелье.

В 1223 г. из Закавказья через Дербентский проход в земли алан вторглись отряды монголов во главе с Джебе и Субудаем. Аланы и другие племена были разгромлены монгольскими отрядами и надолго попали в их зависимость. Монголы истребляли население, сжигали населенные пункты, отбирали скот, имущество. Французский путешественник Вильгельм Рубрук пишет, что «аланы оказывали мужественное сопротивление монголам»⁴³.

Отряды Джебе и Субудая после этих завоеваний направлялись в кипчакские степи, где соединились с войсками Чингисхана.

⁴⁰ Р. Эскерт. Антропологические изменения кавказских народов и описание измененных субъектов. «Известия кавказского отдела Русского географического общества», т. VIII, Тифлис, 1884 — 1885, стр. 67—68.

⁴¹ П. Пантюхов. Антропологические типы Кавказа. Тифлис, 1893, стр. 20—24.

⁴² «Антропология. Краткий курс», М., 1941.

⁴³ Рубрук. Путешествие в восточные страны СПб., 1911, стр. 89.

В 1223 г. на реке Калке они разбили объединенные силы южнорусских князей и половцев (кипчаков).

Часть разбитых половцев (кипчаков) из степей Северного Кавказа устремилась к Дагестану. Значительной их группе удалось прорваться в Азербайджан через Дербентские ворота. Им удалось захватить даже город Дербент. Выше нами приводилось сообщение Захария Ритора о том, что севернее Дербента жили болгары. Даже в Дагестане сейчас имеется селение под названием Болхар.

Монгольское завоевание привело к большим изменениям в этническом составе народов Северного Кавказа. Значительное количество местного населения было истреблено монголами, части его оказались в Крыму, Молдавии, Венгрии и других местах, где слились с другими народами. Половцы (куманы) после их разгрома монголами растворились в среде соседних русских, татаро-монголов и народов Кавказа. Допустимо, что отдельные незначительные группы половцев (куманов) нашли себе убежище в среде тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев. Половцы в определенное время в своем составе имели племена узов, огузов и печенегов, в том числе торков, ковуев, берендеев и т. д. В связи с этим половцы, хотя и сохраняли основу своего языка, приобрели некоторые черты огузских языков. Поэтому их язык относится к куманско-огузской подгруппе кипчакской группы тюркских языков.

Обладея общими признаками, характеризующими всю кипчакскую группу языков, кипчакский (куманский) язык вместе с тем отличается от других языков следующей особенностью. В фонетической структуре — неустойчивостью соотношений *с, ш* в словах типа *бас* — *баш* (голова), *тас* — *таш* (камень) и преимущественно *й* в начале слова вместо *ж, дж* в других языках. В языке куманов *бас*—голова, *тас*—камень, а в карачаевском и балкарском — *бас*—дави, *тас*—потеря, т. е. имеют совершенно другое значение.

Вторая отличительная особенность, пожалуй, является главной. По-кумански год — *йыл*, земля — *йер*, двадцать — *йырма*, семь — *йети* и т. д. У карачаевцев и балкарцев год — *жыл* — *джыл*, земля — *жер* — *джер*, двад-

цать — *жыйырма—джыйырма*, семь — *жети—джети* и т. д.

Как было сказано выше, в древнеболгарском языке упомянутые слова произносились через аффрикат *дж* (*джиати, джур, джал* и т. д.). Карачаевцы и балкарцы никогда не произносили и не произносят упомянутые слова через краткий *й*. Эти особенности «йокания» куманского и «джокания» древнеболгарского языков дают нам возможность твердо сказать, что основу карачаево-балкарского языка составляет тот тюркский язык, на котором говорили древние болгары, издавна жившие в степях Северного Кавказа. Л. Залая утверждает, что «в процессе скрещивания двух элементов (болгарского и кипчакского. — С. Б.) кипчакское *й* приобретает господствующее положение и утверждается в татарском языке как литературная норма»⁴¹. Такое же положение и в кумыкском языке. Как известно, в балкаро-карачаевском языке этого не случилось. Болгарские же эпитафии говорят об имевшем место «джоканье», которое в Татарии в значительной ее части ныне совершенно отсутствует, но на той ее территории, где преобладал болгарский элемент, «джоканье» бытует и в настоящее время.

Некоторые исследователи истории карачаевского, балкарского народов, не выясняя особенности языка, считают его продолжением куманского языка. Они исходят из того, что балкаро-карачаевский язык близок и родственен языку куманов. Но если идти по этому пути, то неизбежно придем и к тому, что карачаево-балкарский язык можно выводить из любого тюркского языка. Таковы, например, тюркские языки: казахский, киргизский, туркменский, татарский, башкирский и др. Примерно 60—70 процентов слов и названий в этих языках толь-в-толь совпадает с карачаево-балкарскими словами и названиями. Такой подход, конечно, не является основанием для того, чтобы выводить карачаево-балкарский язык из одного из названных языков. В этой связи интересен говор татар Краснооктябрьского района Горьковской области, говорящих на мишарском диалекте. Установлено, что мишары являются потомками половцев,

---

⁴¹ Л. Залая. Происхождение казахских татар. Казань, 1948, стр. 85.

а поэтому будет не лишним сделать следующее сопоставление:

Диалект
горьковских татар

иок
йомарт
иол
йшу
йот
йаны
йат
йоморка
йигирме
йэй
йаба
йага
йэр
йиде
йил
йилке

йимыш
йастык
йэш
йар
йангыр
йалтырый
йангыс

Балкарский язык

джокъ — *жок* (нет)
чомарт (щедрый)
жол (дорога)
жыйыу (собрание)
жут (глотай)
жангы (новый)
уят (стыд)
жумуртха (яйцо)
жыйырма (двадцать)
жай (лето)
жаба (закрываая)
жагъа (воротник)
жер (земля)
жети (семь)
жел (ветер)
желке (плечо — по-мишарски, а по-балкарски — затылок)
жемиш (ягода, плоды)
жастык (подушка)
жаш (молодой)
жар (расколи)
жаун, жангур (дождь)
жылтырай (блестя)
жангыз (одинокий) и
т. д.

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что говор татар Горьковской области, относящийся к мишарскому диалекту, является «йокающим» и далек от балкаро-карачаевского «джокания». Характерным в этом говоре словом является *йалан* (ложь). Форма *йалан* встречается только в куманском, турецком языках, форма *палган* — в чагатайском, в языке барабинских, табольских татар и т. д.

В балкаро-карачаевском языке это слово произносится через *дж*, *ж* в начале и *гъ* в середине, т. е. *джалгъан* — *жалгъан*. Карачаевцы и балкарцы слово *йалан* с очень большими сомнениями могут понять как «голый» и, может быть, как «одинокий». Даже в этом случае это слово они должны произносить через начальный звук *ж*, т. е. *жалан*. Таким образом, мишарское «йоканье», имея хождение во всех других языках куманской группы, не

имеет хождения в балкаро-карачаевском языке. Тюменский диалект значительно отличается от татарского литературного языка и сближается с башкирским, казахским, ногайским языками и мишарским диалектом татарского языка.

Это можно видеть при сопоставлении слов:

Тюменский диалект	Татарский лит. язык	Балкаро-карач. язык
<i>синек</i>	<i>сэнэк</i> (вилы)	<i>сенек</i>
<i>ирлен</i>	<i>эрлен</i> (хомяк)	<i>эрлен</i>
<i>егерме</i>	<i>егерме</i> (двадцать)	<i>жыйырма</i>
<i>йук</i>	<i>йок</i> (воз, ноша)	<i>жюк</i>
<i>янкыр</i>	<i>янгыр</i> (дождь)	<i>жангур, жауун</i>
<i>цагырым</i>	<i>чакрым</i> (верста)	<i>кычырым</i>
<i>тумеи</i>	<i>тубен</i> (низкий)	<i>тёбен</i> (внизу)
<i>малан</i>	<i>балан</i> (калина)	<i>балам</i>
<i>кумыс</i>	<i>кубыз</i> (муз. инструмент)	<i>кёбуз</i>
<i>алпта</i>	<i>алда</i> (вперед)	<i>алда</i>
<i>алпка</i>	<i>алга</i> (вперед)	<i>алгъа</i>
<i>билгеу</i>	<i>билбау</i> (пояс)	<i>белбау</i>
<i>куркак</i>	<i>куркак</i> (трус)	<i>кёркъкъ</i>
<i>сагал</i>	<i>сакал</i> (борода)	<i>сакъал</i>

Слова *малан*, *алтта*, *билгеу* и *янкыр* балкарцу и карачаевцу непонятны. У них слово *тумен* означает *десять* рублей, *кумыс* — напиток из молока, *куркак* — сухой.

Более половины слов тюменского диалекта не совпадает с балкаро-карачаевскими словами.

Таковы, на наш взгляд, основные отличительные особенности древнеболгарского и куманского (кипчакского) языков. Эти отличительные особенности древнеболгарского языка сохранены в балкаро-карачаевском языке и в настоящее время, тогда как другие тюркские языки их не имеют или утратили. Следовательно, **Этническое ядро балкаро-карачаевского народа составляют тюркоязычные «черные болгары»**.

В новейшем академическом издании «Очерков истории СССР, III—IX вв.», во введении, указывается, что в южных степях нашей страны «долгое время... кочевали остатки гуинских орд, получившие собирательное имя болгар. Они расселились в разных направлениях: часть ушла в Среднее Поволжье, часть на Дунай (в VII в.),

а две орды остались в Причерноморье — одна на Кубани (балкарцы), а другая — в низовьях Днепра»⁴⁵.

Балкарские и карачаевские предания также свидетельствуют о том, что их предки в древности жили на равнине, в районе Кубани (т. е. там, где жили древние болгары) и в районе Маджар (на реке Кума). Дореволюционный историк-балкарец М. К. Абаев, автор исторического очерка «Балкария»⁴⁶, в своей работе приводит народные предания о происхождении балкарцев. Вот одно из них.

В древние времена ущелье реки Черек было покрыто дремучим лесом с небольшими открытыми полянами. Однажды, это было очень давно, пробрался из плоскости в это ущелье один охотник по имени Малкар, человек неизвестного происхождения, и застал там на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого называли себя «таулу» (горец). Малкару очень понравилась эта местность, и он решил навсегда остаться там, переселив туда свой род. Старожилам это не понравилось, поэтому Малкаровы поселились на другой поляне, и оба рода жили, спокойно размножаясь. Однажды прибыл туда неизвестный человек по имени Мисака, который остановился у Малкаровых и полюбил их сестру-красавицу. Красавица тоже полюбила Мисака, но гордые братья не согласились на их брак. Тогда она решила пожертвовать жизнью своих 9 братьев ради личного счастья. Она напоила своих братьев крепким балкарским напитком «сра», и, когда они, опьянев, уснули, Мисака их всех убил. Женившись на красавице, Мисака завладел всем достоянием Малкаровых, привел туда с плоскости других людей и стал притеснять трудолюбивых жителей, которых в конце концов превратил в своих данников. Предание говорит, что Мисака пришел из Маджар.

Через некоторое время в Балкарское ущелье, получившее свое название от имени упомянутого Малкара, приезжает воин, по имени Басиат, с огнестрельным оружием. Басиат прибыл в предгорья Кавказа со своим братом Бадилят из Венгрии (по другим вариантам из Мад-

⁴⁵ Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 14.

⁴⁶ М. К. Абаев. Балкария. Журнал «Мусульманин», Париж, 1911, № 14—17.

жар или из Крыма). Сначала они поехали по ущелью реки Урух к дигорцам, где Бадилята признали князем и стали ему подчиняться. После этого Басиат переехал в Черекское ущелье, где балкарцы, как и осетины, добровольно подчинились ему и признали своим предводителем. Таковы версии преданий.

Все изложенные в докладе материалы и доказательства дают нам возможность сделать следующие выводы:

1. Балкарцы и карачаевцы являются коренными древними жителями Северного Кавказа.

2. Этническое ядро балкарского и карачаевского народов составляют тюркоязычные батбаевские «черные болгары», оставшиеся на Северном Кавказе после падения так называемой «Великой Болгарии».

3. Из Кубани на современную территорию предки балкарцев и карачаевцев пришли в VII в. н. э. и смешались с алано-асами.

4. Алано-асы являются вторым основным компонентом в формировании балкаро-карачаевской народности.

5. Отдельные элементы половцев (кипчаков) проникли в среду тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев, но заметного влияния не оказали и растворились в среде последних, как и в среде других народов.

6. В состав балкаро-карачаевского народа вошли выходцы из многих соседних народов Кавказа.

Таково наше мнение по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев. J

Л. И. ЛАВРОВ,

кандидат исторических наук, зав. сектором кавказских народов
Института этнографии Академии наук СССР

О НЕКОТОРЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПО ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Прежде всего, товарищи, разрешите мне поздравить присутствующих и, в первую очередь, коллектив историков, научных работников, интеллигенцию балкарского и карачаевского народов в связи с возобновлением работы по воссозданию научной истории этих народов.

Институт этнографии Академии наук СССР вместе с вами радуется возможности продолжать изыскания в области истории Карачая и Балкарии, с тем чтобы ликвидировать отставание в этой области по сравнению с историей других народов Кавказа.

Нельзя не приветствовать инициативу Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института по организации настоящей сессии для обсуждения одного из самых сложных вопросов истории Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

На протяжении истории непрерывно происходил процесс складывания одних народов и распада других. В этом процессе всегда можно наблюдать, с одной стороны, обособление какой-то части народов в новый народ, с другой — ассимиляцию различных по происхождению групп одним народом; в-третьих, — консолидацию родственных этнических элементов в один народ; в-четвертых, постепенный приток чужеродных элементов в среду данного народа путем браков, переселения, взятия в плен и т. д.

Прав был Н. Я. Марр, часто любивший повторять,

что не существует на свете чистых народов, так как все они смешанные.

Задача настоящей сессии состоит не в том, чтобы определить, кто из соседних с балкарцами и карачаевцами народов влиял на их культуру или смешивался с ними через браки или единичные переселения. Если два народа живут рядом, то они непременно смешиваются и влияют друг на друга. Гораздо сложнее выяснить: кто принес в Карачай и Балкарию тюркский язык и что стало с населением, проживавшим до этого на территории Балкарии и Карачая.

На основе предыдущих исследований уже можно считать доказанным следующее:

Во-первых: до XIII в. на территории Балкарии и Карачая проживали аланы, говорившие на дигорском диалекте осетинского языка. Это было блестяще доказано Всеволодом Миллером и В. И. Абаевым.

Во-вторых: карачаевцы, балкарцы и кумыки (о которых мы, к сожалению, не говорили) являются носителями половецкого языка.

В третьих: предыдущими исследованиями уже доказано, что у современных балкарцев и карачаевцев обнаруживается большое сходство с кабардинцами и особенно с осетинами в физическом облике, а также в материальной и духовной культуре.

Вот эти три положения и должны быть положены в основу построения научной разработки вопроса о происхождении балкарцев и карачаевцев.

Со своей стороны кратко остановлюсь на некоторых этнографических явлениях, точнее на доисламских верованиях карачаевцев и балкарцев. В этих верованиях обнаруживаются: во-первых, общекавказские элементы, во-вторых, скорее всего кабардинские, в-третьих, довольно значительный слой осетинских элементов, в-четвертых, тюркские элементы. Весьма важно, что среди тюркских элементов есть такие, которые давно проникли от тюрок к кабардинцам и к другим народам Кавказа (например, представления об алмасты, обурах, эмегенах и пр.); есть и такие, которые не встречаются у других соседних народов. У балкарцев и карачаевцев сложилось представление о верховном божестве, которое старики называют Тейри.

новления феодальных отношений. Феодальные отношения у этих народов развивались непосредственно из первобытно-общинных, минуя рабовладельческий строй.

Однако рабовладельческие отношения сохранились до середины XIX в., но не как формация, а как один из укладов феодально-патриархального общества. Термин «карауаш» упоминается в исторических песнях «Гошаях», «Орусбилары». Это название рабынь имеется и в куманском языке и зафиксировано в Кодексе в 1303 г.

Но наличие сильной общины у карачаевцев и балкарцев помешало превращению этих обществ в рабовладельческие. Стойкость общинных отношений определила и замедленность процесса феодализма.

Памятники материальной культуры, фольклор и письменные источники совершенно бесспорно указывают, что в XVII в. карачаевское и балкарское общества состояли из антагонистических классов—феодалов и крестьян.

В статейном списке посольства Толочанова, прибывшего в Балкарию 13 мая 1654 г., говорится, что их приняли балкарские мурзы с большими почестями (ногайский термин «мурзы» часто применяется и по отношению к карачаевским и балкарским горским князьям).

Другой документ относится непосредственно к карачаевцам. В статейном списке посольства Елчина в 1639 г. говорится: «Да карачаевским князьям двум братьям Ельбуздуку да Гелистану даю 4 аршина сукна краснова аглицкова».

Оба эти документа бесспорно свидетельствуют о наличии у карачаевцев и балкарцев класса феодалов. Но наряду с этим очень сильны были пережитки родовых отношений не только в XVII, но даже и в XIX в.

И тогда сохранялось деление общества по родовому признаку на тукумы, атаулы и т. д., поселение родовыми кварталами — тийре и т. д. Тукумы, которые в XIX в. под влиянием имущественного неравенства уже утратили свой первоначальный характер, все же сохранили целый ряд родовых черт: родовые земли и родовые кладбища, обычай принятия в род, название по имени родоначальника и т. д.

Однако в XVII—XVIII вв. основой карачаевского общества была уже не родовая, а соседская территориальная община, переход к которой начался еще в XVI в.

Уже тогда пришельцы в Карачай не всегда принимались в род, а чаще просто становились равноправными членами соседской общины. «Земледельческая община была, по словам Карла Маркса, первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»

Таким образом, уже в XVI—XVII вв. наряду с делением по родовому признаку на атаулы, тукумы и более крупные объединения, названные по имени родоначальников будуюновцами, адурхаевцами, трамовцами, наурузовцами, складывались и социальные объединения людей по классовому признаку — класс феодалов и класс крестьян.

Однако этот вопрос совершенно не изучен и пока ограничимся этим.

В заключение я должен сказать, что вопрос о происхождении карачаевцев и балкарцев является очень важной и принципиальной проблемой, без полного и правильного решения этого вопроса нельзя создать марксистскую историю карачаевцев и балкарцев.

А. Х. СОТТАЕВ

(Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Отсутствие письменных памятников, охватывающих древние периоды жизни карачаевцев и балкарцев, весьма затрудняет выяснение вопроса о происхождении этих народов.

Известно, что там, где племена объединялись в народность, границы бывших самостоятельных племен постепенно стирались. Однако следы племенных языков, как особо устойчивых явлений, не исчезают в течение веков.

Марксизм учит, что этапы развития языка прямо не связаны с изменением общественного строя, признание чего неминуемо привело бы к признанию стадияльного развития языков с взрывами. Развитию языка присуща эволюционность.

Из этого ясно, что при изучении происхождения и истории развития языка мы должны обратить внимание на мельчайшие объекты и всесторонне их проанализировать, увязывая с историей племен и племенных союзов не только балкарского народа, но и с историей родственных народов, ибо иначе мы потеряли бы основные нити клубка истории балкарского и карачаевского народов.

Марксизм учит, что «Племена, образовавшиеся путем разделения одного и того же первоначального племени, имеют известное число общих родов и говорят на наречиях одного и того же языка; они имеют известное число общих родов даже спустя столетия после разделения. Так, гуроны, ныне виандоты, имеют шесть родов с теми же названиями, что у шести родов сенека-ирокезов, по крайней мере через 400 лет после разделения. Потаттами имеют восемь родов одноименных с восемью рода-

ми оджибвеев, тогда как у первых шесть, а у вторых четырнадцать родов имеют различные имена; это показывает, что в каждом племени образовались путем сегментации новые роды после разделения. Еще более древний отпрыск оджибвеев, — или общего для обоих прародительского племени, — миами имеют только три рода, общих с первыми: Волка, Гагару и Орла»¹.

В этническом составе тюркских народов, в том числе в этническом составе балкарцев, казахов, узбеков, киргизов, башкир, каракалпаков и других (где в какой-то степени сохранились остатки племенных и родовых делений), бросается в глаза один интересный факт: в составе их мы находим, наряду с коренными племенами, много одноименных племен и родов, а наименование «кипчак» встречается особенно часто.

Этот факт подтверждает положение о скрещивании и дроблении племен и родов в процессе образования народностей, народов и наций.

Разумеется, дробление и скрещивание языков племен и народов не происходили без исторических, социально-экономических причин. История Кавказа в прошлом богата фактами постоянных передвижений народов. Известны завоевательные походы гуннов, хазар, половцев, монголов и т. д. Эти события, происходившие на территории Кавказа, безусловно сыграли определенную роль, с одной стороны, в дроблении племен и народов, а с другой, — в укрупнении или слиянии разных языков и диалектов. К сожалению, полной документальной картины этих исторических событий мы еще не имеем. Поэтому изучение истории балкаро-карачаевского языка значительно затруднено.

В прошлом балкарский язык почти не изучался. Впервые записи словаря и образцов народной литературы произвел венгерский ученый В. Прёле (по цокающему диалекту балкарского языка).

Фундаментальные записи В. Прёле относятся к 1911 — 1912 и 1915 — 1916 гг. Они представляют собой тексты с переводами и словарем и фонетико-морфологические очерки по балкарскому языку².

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, стр. 80. Госполитиздат, 1941.

² См. журнал «Калетё Сцемле», т. XVI, 1915—1916 и т. XII, стр. 91—153, 1911—1912, стр. 243.

Второй по времени появления работой по балкарскому языку являются «Очерки грамматики горского языка болкар» Караулова. Затем идут «Грамматика карачаево-балкарского языка» Умара Алиева старшего, «Морфология и синтаксис балкарского языка» У. Алиева младшего, «Научная грамматика балкарского языка» Л. К. Боровкова, которая до сих пор не увидела света, и «Грамматика балкарского языка» проф. В. И. Филоненко.

Авторы этих работ в какой-то мере старались ответить на вопрос происхождения карачаево-балкарцев и дать некоторые сведения по истории языка.

В силу своих возможностей попытаемся продолжить изыскания своих предшественников, руководствуясь при этом гениальным указанием Ф. Энгельса: «...материя и форма родного языка становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»³.

Следует думать, что основой современного балкарского языка явился «древнетюркский язык», на котором говорили болгары, которые известны в Предкавказье и Приазовье с первых веков нашей эры.

Если сравнить образцы языка современных балкарцев с болгарскими, нетрудно убедиться в том, что перед нами языки, в родстве которых не может быть сомнения.

Отрывки древнеболгарского языка сохранились в словаре «тюркских наречий» Махмуда Кашгарского, в надписях надгробий XI—XIII вв. Волго-Камья и в сочинениях отдельных писателей XIV—XVI вв.

Ниже мы даем образец болгарского языка XI в. н. э. в сравнении с современным балкарским языком.

Болгарский текст

Итиль суы ака туыр,
Кыя тоби кака туыр,
Балык телим бака туыр,
Кулинен таки кунарыр.

По-балкарски

Итиль суу агъа туур,
Къая тюбюн къагъа туур,
Балык тёлю макъа туур,
Келлени такъыр къуршалар.

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1945, М., стр. 303.

Болгарский текст доступен балкарцу. Смысловый русский перевод текста таков:

Воды Итиля текут, ударяясь
О твердыню скалы (берегов).
Лягушек, рыб стада живут.
Ими полон озерный разлив⁴.

Исследователи Н. И. Воробьев⁵, Л. Заляй⁶, Г. В. Юсупов⁷, изучая надгробные надписи болгарского периода, приводят много древнеболгарских слов, которые дают основание утверждать, что балкарский язык гораздо ближе стоит к древнеболгарскому языку, чем чувашский, например:

Чувашское —	<i>хёр</i> (девушка)	болгарское		балкаро-карачаев.
				<i>хуркъыз</i>
	<i>ура</i> (нога)		<i>айакъ</i>	<i>аякъ</i>
	<i>уях</i> (месяц)		<i>айх</i>	<i>ай</i>
	<i>жучче</i> (семь)		<i>джиаты</i>	<i>жетти</i>

Эти сравнения говорят сами за себя.

Древнеболгарские слова: *юс* (три), *тёрт* (четыре), *он* (десять), *бертек* (зерно), *томля* (кочка), *джял* (год), *кышлык* (зимовка), *сата* (продавая), *акча* (деньги) и т. д. по своему содержанию соответствуют подобным словам современного балкаро-карачаевского языка.

Советскими археологами установлено, что болгарские надгробные камни с формой «Джият джюз джял» (700 лет хиджры) имеются только лишь в районах Прикамья, то есть на территории Камской Болгарии. В современном балкаро-карачаевском языке это читается так: «жети жюз жым». Этим подтверждается наличие «жоканья» в балкаро-карачаевском языке с древнейших времен.

Представляют определенный интерес слова, повторяющиеся в балкаро-карачаевском языке и в языке памятников древнетюркской письменности.

Эти языковые данные сохранились в надписях к надгробным болгарским орхоно-енисейским памятникам:

⁴ История Татарской АССР. Казань, 1955, стр. 103.

⁵ Происхождение казанских татар по данным этнографии...

⁶ К вопросу о происхождении татар Поволжья.

⁷ К вопросу о происхождении татар, 1952. (Диссертация.)

и дают представление об истории и быте тюркских народов, в основном живших в V—IX вв. н. э.

Они могут служить надежным источником при исследовании истории балкарского языка, так как содержат в себе ядро основного словарного фонда, повторяющегося в балкарском языке.

Много слов современного балкаро-карачаевского языка встречается в древних письменных памятниках.

Для удобства рассмотрения двух языков (орхоно-енисейских памятников и современного балкаро-карачаевского языка) мы разбиваем орхоно-енисейские слова на две группы по их содержанию и по форме, сопоставляя их с соответствующими словами современного балкаро-карачаевского языка:

1. Слова, совпадающие по содержанию и по форме в балкаро-карачаевском языке с древнейших времен;

2. Слова, сохранившие старое содержание, но имеющие по форме расхождения.

В их числе имеются существительные, обозначающие людей: *киши* (человек), *къыз* (девушка), *кзул* (раб) и другие; названия животных: *ат* (конь), *бугъа* (бык), *къой* (овца) и др.; части тела людей и животных: *баиш* (голова), *аркъа* (спина), *ич* (внутренность), *кёз* (глаз), *къаиш* (бровь), *тил* (язык) и т. д.; названия веществ: *эт* (мясо), *таиш* (камень), *къум* (песок), *къар* (снег), *кюмюш* (серебро) и т. д.; времена года и время дня: *къыш* (зима), *танг* (заря), *тюн* (ночь) и т. д.; явления: *ёртен* (пожар), *ёлюм* (смерть) и др.; астрономические и географические названия: *ай* (луна), *кюн* (солнце), *кёл* (озеро) и др.; местоимения: *биз* (мы), *бу* (этот), *сен* (ты), *ким* (кто), *мен* (я) и т. д.; числительные: *бир* (один), *эки* (два), *тёрт* (четыре), *он* (десять), *алты* (шесть), *тогъузунчу* (девятый) и т. д.; глаголы: *ал* (бери), *бар* (иди), *къыл* (делай), *бил* (знай), *ур*, (бей), *тут* (держи), *тюш* (слезай), *къон* (садись) и т. д.

Некоторые слова памятников совпадают по содержанию и по форме, но, кроме того, они еще получили новое содержание с расширением старого значения: *окъ* — «стрела» теперь стало иметь значение «пуля, снаряд» и т. д.

Ко второй группе относятся слова, сохранившие свои значения на протяжении веков, но претерпевшие фонетические изменения. Таковы слова, в которых не совпадает размещение гласных:

В памятниках	В балкаро-карачаевском языке
<i>алтун</i> (золото)	<i>алтын</i>
<i>бери</i> (волк)	<i>берю</i>
<i>къатун</i> (женщина)	<i>къатын</i>
<i>бунча</i> (столько)	<i>мынча</i>
<i>бирю</i> (по эту сторону)	<i>бери</i>

Древнему начальному *й* соответствует в современном балкаро-карачаевском языке *ж*.

В памятниках	В балкаро-карачаевском языке
<i>иол</i> (дорога)	<i>жол</i> (дорога)
<i>йыл</i> (год)	<i>жыл</i> (год)
<i>йер</i> (земля)	<i>жер</i> (земля)
<i>йаш</i> (возраст)	<i>жаш</i> (возраст)
<i>иарз</i> (сто)	<i>жюз</i> (сто)
<i>йети</i> (семь)	<i>жети</i> (семь) и т. д.

Эти факты говорят о том, что балкарский язык является одним из тех языков, которые сохраняют самые древние черты тюркского языка.

В формировании современного балкарского языка большое место занимает аланский элемент. Предки современных балкарцев — черные болгары — ассимилировали часть алано-асов. Вероятно, поэтому термин «алан» в настоящее время употребляется в современном балкарском языке при обращении в значении «друг», «товарищ».

Вторым компонентом в формировании современного балкарского языка являлся половецкий элемент.

Н. Караулов в своей работе «Болкары на Кавказе» говорит следующее: «Необходимо отметить только, что в Болкарском обществе по реке Череку в языке болкар заметно влияние осетинского говора с характерными

По нашим подсчетам, около 80 процентов лексики указанных половецких текстов с теми же значениями сохранилось и в современном балкаро-карачаевском языке. Для подтверждения этого можно привести следующий отрывок текста: «Экинчи ойтди берди манга бир киши кюмюш хашух биз сордух ол кишни таныр мисен ол айтти таныман бир немиседи да ол хашухну не стгенин айтди хаитардым ол кишига экинчи айтти ол киши эритти да манга берди мен элттим да саттым гого улуна»*.

Самойлович в классификации турецких языков балкарский язык относит по ряду признаков к «северо-западной группе» с дальнейшим подразделением на подгруппу «домонгольскую». Он же приходит к выводу, что «балкарцы по языку восходят к половцам».

Различные исследователи истории балкарского народа и языка указывают на наличие в нем влияний различных языков и их носителей. Балкарцев считают остатками гуннов, ибо гуины и балкарцы по языку тюркской ветви. Языки этих народов, несомненно, имели общие черты.

На основе адатов горцев Северного Кавказа, собранных в сороковых годах XIX столетия, Ф. Леонтович замечает о балкарцах: «По рукописи барона Сталя, к народам, состоявшим в ведомстве начальника Центра Кавказской линии и бывшим некогда под властью Кабарды, принадлежат карачаевцы, малкары и урусбиевцы — все ногайского происхождения»⁹.

Таким образом, по мнению этих авторов, балкарцы и карачаевцы — ногайского происхождения и появились на исторической арене значительно позже монгольского пашествия.

Но нужно сказать, что в исследовании антропологии балкарцев ногайский элемент не обнаружен. Существует много различных вариантов преданий по вопросу происхождения балкарского и карачаевского народов, в которых ни единым словом не упоминается о ногайцах.

---

*Второй сказал: «Серебряную ложку мне дал один человек». Мы спросили: «Знаешь ли ты того человека?» Он сказал: «Не знаю, это был какой-то немец». «Что ты сделал с той ложкой?» Он сказал: «Тот человек расплавил ее и отдал мне, а я пошел и продал ее сыну Гого».

⁹ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Вып. II, Одесса, 1882, стр. 273—274.

Несостоятельность мнения, что балкарский народ является потомком ногайских орд, подтверждается исследованием языковых фактов.

Диалекты балкарцев не состоят в близком родстве с диалектами ногайцев, появившихся в южнорусских степях после монгольского нашествия (XIII в.), хотя между собою имеют некоторые общие черты.

Как сказано выше, основное, древнее ядро балкарско-карачаевского языка, по нашему мнению, нужно отнести к эпохе до монгольского и гуннского нашествий, а ногайцы появились на исторической арене только после XIII века, то есть значительно позже монгольского нашествия.

Поэтому нам не думается, чтобы ногайский язык был бы языком, от которого происходит балкарский, хотя нельзя отрицать наличия общих элементов в этих двух самостоятельно развивающихся языках тюркской группы.

Объясняя происхождение своих родов, старики-балкарцы говорят: «Биз асхакъ Темирландан къалгкыбыз» (мы остались от хромого Тимура), таким образом, предком своих фамилий считают Тамерлана. Тамерлан — основатель огромной среднеазиатской империи. В 1395 г. Тамерлан приходит на Северный Кавказ. Он во второй раз нанес на Тереке сильное поражение Тохтамышу, лану Кипчакской империи, или Золотой Орды.

Возможно, что отдельные отряды полчищ Тамерлана проникали в глубь долины нынешней территории Балкарии. Вполне возможно, что осколки орд Тамерлана присоединились к балкарскому народу. Такое мнение подтверждает предание: «Мы остались от хромого Тимура».

Большая часть легенд о происхождении балкарского народа изображает их пришельцами из Крыма или Турции.

Если бы балкарцы пришли из Крыма или Турции на Северный Кавказ только в XVI в., как утверждают об этом исследователи В. Сысоев и И. Шукин, исходя только из легенд, то балкарцы, несомненно, знали бы ислам, так как народы Крыма и Турции в это время хорошо знали магометанство. Но в фольклоре нет ни малейшего упоминания о том, что балкарцы знали магометанскую религию.

Наоборот, предания говорят, что по всем горам Кавказского хребта грузинами строились многочисленные христианские церкви. Такие постройки получили распространение к XI—XII вв.

Потоцкий в 1797 г. описал балкарцев как язычников. Юлиус Клапрот, путешествовавший по Кавказу в первой половине XIX столетия, отмечает, что на смену язычеству в Балкарии кабардинскими муллами внедряется магометанство. Балкарцы на их нынешней территории долго оставались язычниками, что подтверждается существованием священных камней («Къарындашла ташы» в Баксанском ущелье около поселка Эльджурту, «Байрам таш» в верховьях Кубани) и «священных деревьев» («Раубазыы» в Балкарии, «Солтанжия» в сел. В. Чегем).

Эти материалы свидетельствуют о том, что балкарцы в прошлом принадлежали к язычникам и у них не было никаких признаков магометанства. Чем и отвергается гипотеза, считающая балкарцев и карачаевцев выходцами с Крымского полуострова, потомками турок и татар, отделившимися якобы от последних в XVI в.

Сказания о крымском или турецком происхождении балкарского народа созданы в более позднее время, когда общество уже расколосось на классы и усвоило магометанство. Вполне понятно, что, приняв ислам, господствующие классы в Балкарии и Карачае почитали Крым и Турцию, как священную родину ислама. Эксплуататорские верхи сочиняли разные легенды о своем «светлейшем» крымском и турецком происхождении, стараясь обожествить, увековечить свою власть над трудящимися.

Как указано выше, некоторые исследователи балкарского языка считают его носителем потомками древних болгар. Мы допускаем возможность ассимиляции племени, ибо в VI и VII вв. н. э. в Причерноморье создан могущественный союз племен, возглавляемый булгарами, или болгарами. Этот союз объединил в числе других и аланские племена. Булгарский племенной союз в конце VII в. н. э. распался.

Также распространенной в литературе является гипотеза о хазарском происхождении балкарского языка. Так, проф. Чобан-заде, на основе исследования балкарского языка, заключает:

«Суммируя сообщенные нами до сих пор сведения о балкарском языке, мы должны констатировать следующие два положения:

1) Что балкарцы являются потомками древних болгар или хазар;

2) Что балкарцы являются отуреченными яфетидами»¹⁰.

Возвышение политико-экономического могущества хазар начинается с конца VIII в. н. э.

Памятник алано-хазарской культуры отмечен археологами в бассейне Терека.

Нашествие Тамерлана (1395 г.) на Северный Кавказ застаёт здесь хазар, кипчаков, алан и др. Остатки хазар, разбитых в X в. славянскими племенами, долго оставались на Северном Кавказе и постепенно ассимилировались среди кавказских племен.

«Такие прямые и обратные процессы в развитии племенных языков и языков народностей, — говорит Н. А. Баскаков, — были характерны также и для языков тюркских, процесс развития большинства которых, начиная от первых сведений о данных народах, относящихся к III в. до н. э., и более полных сведений, начиная с VI в. н. э. вплоть до XV в. н. э., представлял собой процесс объединения и распада родов, племен и племенных союзов и, наконец, народностей»¹¹.

В этой же работе Н. А. Баскаков¹² считает, что из современных языков лучше других сохранил болгарские черты чувашский язык; некоторыми болгарскими чертами характеризуются также языки: гагаузский, входящий в огузскую группу, караимский, татарский и башкирский, входящие в кипчакскую группу тюркских языков.

Мы считаем, что современный балкарский язык сохранил болгарские черты больше, чем чувашский.

С нашей точки зрения, при классификации тюркских языков, балкаро-карачаевский язык не может быть оторван от древнебулгарской группы.

---

¹⁰ Ч о б а н - з а д е. Краткий обзор сведений о караево-балкарском языке. 1931, стр. 31.

¹¹ Н. А. Б а с к а к о в. Классификация тюркских языков. Труды Института языкознания АН СССР, т. I, стр. 11.

¹² Там же, стр. 29.

Нужно считать первым и необходимым условием изучения истории и происхождения языка связь с историческим процессом развития народа — носителя этого языка.

«...в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»¹³.

Современный балкаро-карачаевский язык восходит к более древним тюркским языкам и является результатом исторического процесса их развития, древнее же ядро балкаро-карачаевского языка составляет болгаро-алано-половецкий элемент.

Путем внутреннего развития и притока разных тюркских элементов формировался современный балкаро-карачаевский язык.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология* Том I. 1956, стр. 407—408.

Е. П. АЛЕКСЕЕВА,
кандидат исторических наук
(Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Большинство исследователей сходится в мнении о том, что балкарцы и карачаевцы произошли от болгар и кипчаков, местным же кавказским субстратом явились аланы.

Я не беру на себя смелость обосновать до конца эту точку зрения. Я сделаю только предварительное сообщение на основе проведенных археологических исследований в Карачаево-Черкесии.

Летом 1958 г. в район Большого Карачая выехала экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Экспедиция изучила богатый археологическими памятниками район аула Карт-Джурт. Нами произведено, в частности, обследование карачаевского могильника на левом берегу Кубани.

Значительная часть надземных могильных сооружений этого кладбища представляет собой выкладки из камней, прямоугольные в плане. На этих выкладках часто встречаются вертикальные надмогильные плиты с рельефными изображениями.

На правом берегу Кубани, на южной окраине аула Карт-Джурт, имеется могильник, которому, по словам местных жителей, не менее 400 лет. Этот могильник карачаевцы считают своим.

Если этническая принадлежность могильника сомнений не вызывает, то с датировкой дело обстоит значи-

тельно сложнее. Установить время могильника можно было только при помощи раскопок. Раскопки дали очень интересные материалы. Могильник насчитывает более 100 могил. Все могилы на поверхности отмечены сооружениями из камней. Надземные сооружения были трех типов.

Первый тип — курганообразные возвышения, овальные, почти круглые в плане. Диаметры 3,2 и 3,4 метра, высота до 0,4 метра. Возвышения состояли из нескольких рядов камней, расположенных concentрически. В центре возвышения камней не было, здесь был овальный в плане «земляной бассейн».

Второй тип — овальные в плане выкладки из круглых камней, диаметр до 3 метров и более, высота земляного возвышения внутри выкладки незначительная — от 0,1 до 0,3 метра.

Третий тип — прямоугольные в плане выкладки из поставленных на ребро плоских камней, заполненные мелким камнем. Размеры их: длина до 4 метров, ширина 2—3 метра, высота до 0,5 метра.

Костяки лежали вытянуто, на спине, головой на запад, лицом к югу. В ногах и головах найден древесный уголь.

В мужских погребениях найдены кинжалы, в женских — наперсток, серьги, железная скоба.

По утверждению местных жителей, Карт-Джуртский могильник не является самым древним в Карачае, есть еще более ранние карачаевские погребения.

Чрезвычайно трудно датировать найденные вещи, так как они бытовали в течение многих столетий и почти не изменили своего типа. Единственная вещь, поддающаяся более или менее точной датировке, это медный наперсток из могилы № 2. Самые близкие аналоги этого предмета мы находим в ингушских склепах XVII в., раскопанных в 30-х годах Л. П. Семеновым и Е. И. Крупновым. (Материал хранится в Грозненском музее. Подобные же наперстки найдены В. И. Долбежковым в осетинских склепах XVI—XVII вв. в Кобани.)

Таким образом, примерной датой Карт-Джуртского могильника может быть XVII в. Конечно, здесь могут быть погребения и XVIII в.

Не противоречит принятой нами дате (начало и, может быть, первая половина XVIII в.) и обряд погребения

ния. Покойники погребены не по-мусульмански, а по языческому обряду — на спине. Лишь в одном случае (могила № 5) костяк лежал на правом боку, как положено по мусульманскому обряду. Могила № 5 вообще отличалась от всех других раскопанных нами. Выкладка была прямоугольная, как и у других могил третьего типа, но костяк лежал не на глубине 1—1,2 метра под землей, а на глубине всего лишь 10 сантиметров, непосредственно под камнями, заполнявшими выкладку внутри. Вещи здесь сохранились лучше, чем в других могилах.

Ислам, как известно, распространился в Карачае не раньше первой половины XVIII в. Следовательно, все раскопанные нами языческие погребения (кроме могилы № 5) принадлежат времени более раннему, чем первая половина XVIII в.

Датировка по вещам (наперсток) совпадает с датировкой по обряду (XVII — начало XVIII в.). Следовательно, Карт-Джуртскому могильнику около 300—350 лет, что примерно и соответствует народным преданиям (400 лет).

Как мы отмечали выше, различие в устройстве надземных погребальных сооружений нельзя объяснять разницей пола погребенных. Нет никаких оснований считать эти различия социальными или имущественными, — все погребения одинаково бедные. Скорее всего эти различия хронологические.

Наиболее поздними, на наш взгляд, являются прямоугольные в плане выкладки. Именно такой тип у наиболее поздней могилы № 5. Такие же выкладки (только меньшего размера) мы наблюдаем у карачаевских могил XIX в. на левобережном Карт-Джуртском кладбище.

Трудно сказать, какой тип более древний: овальные выкладки или курганообразные возвышения. Но, поскольку захоронения под курганами относятся к более древней эпохе (до XVI в.), можно предположить, что курганообразные сооружения — более древние, а овальные выкладки являются промежуточной формой между курганообразными возвышениями (также овальными в плане) и прямоугольными выкладками.

Таким образом, Карт-Джуртский могильник является карачаевским и датируется XVII — началом XVIII в.

насыпи». Отметим, что для других кочевников — торков и печенегов — каменные обкладки не характерны, у них насыпи были земляные. Наличие каменных кладок в насыпях курганов, как характерный признак половецких захоронений, отмечает и другой исследователь кипчакских памятников Л. П. Зяблин. Ориентация была различная, но преобладала западная, причем с поворотом лица к югу. Гроб был сделан из отдельных поперечных деревянных дощечек. Встречались гробы из двух полуколонд. Поскольку половцы были кочевниками, для их захоронений характерно погребение с конем. С. А. Плетнева, к сожалению, не могла учесть кипчакский материал на территории Черкесии, так как он открыт и зафиксирован археологами сравнительно недавно.

Так, на алапском городище близ аула Кубина в Черкесии Т. М. Минаевой был открыт небольшой курган, который она датирует временем около XII в. Кроме человеческого захоронения, здесь было погребение коня. Любопытно, что человеческий костяк был обложен камнями, образующими прямоугольную в плане кладку. Т. М. Минаева совершенно справедливо считает этот курган кипчакским.

Подобного же типа курган имеется на южной окраине аула Икон-Халк. Курган этот сильно разрушен, так как находится на территории скотомогильника. Диаметр его — около 8 метров, высота — 0,6 метра. В насыпи были камни, хотя трудно судить, составляли ли они какую-нибудь правильную кладку — кольцевую или какую-либо иную, или насыпь была полностью из камней. В этом кургане, в центре, на глубине около 0,6 метра от вершины кургана, найдены обломки человеческих костей и железные предметы. В их числе — полукруглое стремя с петлей, пробитой в вершине стремени. Датируется стремя XI—XIII вв. Аланам это погребение принадлежать не может, так как аланы в этот период и на этой территории под курганами своих покойников не хоронили. Адыги же в этих районах хоронили своих покойников без принадлежностей конской упряжи. Следовательно, по аналогии с Кубинским курганом, этот курган мы также должны считать кипчакским.

Отметим, кстати, что, кроме курганов на территории Черкесии, а также в Пятигорье, известны и другие кипчакские памятники, а именно каменные бабы. Так, одна

из таких баб была обнаружена в районе ст. Исправное (ныне находится в музее в г. Черкесске), другая отмечена у Соленого озера, в местности Талык. О половецких каменных бабах Пятигорья уже достаточно сказано в литературе (Г. Д. Филимонов, Нарышкины и др.).

Итак, в предгорных районах Карачаево-Черкесской автономной области, именно — Черкесии, а также в Пятигорье известны кипчакские памятники XI—XIII вв. — курганы и каменные бабы.

Кипчакские курганы, как южнорусские, так и предкавказские (из Черкесии и Пятигорья), характеризуются прежде всего тем, что в насыпи имелись каменные кладки — круглые, овальные или прямоугольные в плане. Иногда насыпь состояла полностью из камня. Курганы небольшие: диаметр — не более 8—10 метров, высота — до 1 метра, чаще — 0,6, 0,7, 0,8-метра. Костяк лежал в гробу из деревянных досок. Встречались гробы из двух полукогод. Иногда костяк облагался камнями, составлявшими прямоугольную кладку. Довольно частой является ориентировка на запад с поворотом лица на юг.

Кроме человеческого погребения, под курганной насыпью обнаруживались погребения коней, а также принадлежности конской упряжи (удила и стремена).

Все отличительные особенности кипчакских курганных захоронений (за исключением погребения коня и предметов конской упряжи) мы находим в карачаевских погребениях на южной окраине Карт-Джурта и в уллукамских курганах, предположительно относимых к карачаевским.

Сходство в обряде и форме погребального сооружения в кипчакских и карачаевских погребениях позволяет считать кипчаков предками карачаевцев.

Отсутствие в карачаевских погребениях конских захоронений и принадлежностей конской упряжи, столь характерных для кипчакских курганов, не должно нас смущать. Кипчаки были кочевники, а у кочевников был обычай класть в могилу коня и конскую упряжь. Их потомки — карачаевцы вели уже оседлый образ жизни. У оседлых же народов, как правило, не было обыкновения класть в могилу принадлежности конской упряжи и хоронить вместе с покойником коня.

В XIII в. монголо-татарские войска заняли Предкавказье и разбили порознь алан и кипчаков. Часть кипча-

ков принуждена была искать спасение в горных районах — «рассеялась в горах», как пишет Ибн-аль-Асир. Кроме того, кипчаков потеснили в горы и адыги, появившиеся в Черкесии и Пятигорье на рубеже XIII—XIV вв. Кипчакских памятников, более поздних, чем XIII в., в Черкесии и Пятигорье мы не знаем. Курганные могильники XIV—XVI вв., известные в этих местах, принадлежат уже адыгам.

Таким образом, в XIII—XIV вв. кипчаки, жившие в Черкесии и Пятигорье, вследствие ряда причин (татаро-монгольское нашествие, переселение с запада адыгов и др.) ушли в горы к подножью Эльбруса, где происходило формирование карачаево-балкарской народности.

Итак, кипчаки явились одним из основных слагаемых в формировании карачаевцев и, очевидно, балкарцев.

Но можно ли считать, что кипчаки были единственными предками карачаевцев и балкарцев? Нет, этого сказать нельзя.

В последнее время у историков и языковедов получила широкое распространение точка зрения о том, что предками балкарцев являются черные, или внутренние (они же азовские и кубанские), болгары. Археологи также придерживаются этой точки зрения. Так, во втором томе «Очерков истории СССР», изданном ИИМКом¹, между кубанскими болгарскими и балкарцами поставлен знак равенства.

Рассмотрим в свете археологических данных, насколько эта точка зрения правомочна.

В первой половине и в середине первого тысячелетия н. э. болгары жили в Предкавказье.

В VII в., по свидетельству «Армянской географии VII века», болгарские племена обитали к северу от реки Валданис (Кубань), в Сарматии, в районе Гиппийских, или Булгарских, гор, которые отождествляются с Ергенями, тянущимися от Волги до Маныча, или со Ставропольской возвышенностью.

В третьей четверти VII в. часть болгар во главе с Аспарухом откочевала на запад, на Дунай, часть ушла на Волгу, часть же осталась в Приазовье. Приазовские болгары, в свою очередь, разделились на две группы:

¹ Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 14, 611 и др.

часть их отошла к северу на средний Дон, часть же переселилась в горные районы Северного Кавказа.

Все эти события происходили на рубеже VII—VIII вв. н. э.

Болгар, оставшихся в Приазовье и поселившихся в Подонье, арабо-персидские авторы называют «внутренними болгарами», а Константин Багрянородный и древнерусская летопись — «черными болгарами».

Известны ли какие-либо археологические памятники этих черных или приазовско-донских болгар? Да, известны. Археолог Н. Я. Мерперт, специально занимавшийся болгарами, выделил болгарскую группу поселений и погребений из так называемой Салтово-Маяцкой культуры VIII—IX вв., бытовавшей на нижнем Донце, Доне и в Приазовье. В отличие от укрепленных городищ и катакомбных погребений Салтово-Маяцкой культуры, связываемых с аланами, болгарские поселения представляют собой селища открытого типа с легкими конструкциями круглых юртообразных наземных домов.

Впрочем, другие исследователи, как например, М. И. Артамонов, считают, что тюркам, в частности болгарам, принадлежит и городище типа Маяцкого, на котором имеются уже и каменные постройки. На одном из камней в стене крепости Маяцкого городища имеется тюркская надпись.

Остатки квадратных каменных зданий обнаружены и на правобережном Цимлянском поселении, которое Н. Я. Мерперт считает болгарским.

В VIII—IX вв. черные болгары жили оседло и на их поселениях, среди прочих построек, встречаются и каменные здания.

На болгарских поселениях Подонья-Приазовья встречено много керамики, причем наиболее характерными являются сосуды с внутренними ушками, аналогичные найденным в культурном слое столицы дунайских болгар — Плиски.

Погребальный обряд отличен от аланского. Покойников хоронили не в катакомбах, а в узкой прямоугольной могильной яме. Обычно яма просто засыпана землей, иногда же имеет заплечики и перекрытия бревнами или плахами. Погребения одиночные. Костяки лежат вытянуто, на спине, преобладает западная ориентировка. Специальных конских захоронений нет, но встречаются

кости коня и принадлежности конской упряжи. Инвентарь подобен аланскому.]

Такие же погребения в узких прямоугольных ямах с вытянутыми костяками и с таким же инвентарем открыты в 1951 г. болгарскими археологами у г. Новый Назар, вблизи древней столицы болгарского государства Плиски.

В результате исследований Н. Я. Мерперта, мы имеем довольно ясное представление о материальной культуре черных, донецко-приазовских болгар. Но что представляла собой культура болгар, поселившихся в горах, — об этом Н. Я. Мерперт не говорит. Он ограничивается, тем, что отмечает факт переселения части черных (кубанских, приазовских) болгар в горы Северного Кавказа на рубеже VII—VIII вв. н. э.

Вопросом об археологических памятниках болгар на территории Кабардино-Балкарии и Пятигорья занялся археолог В. А. Кузнецов. Пересмотрев весь раннесредневековый материал на территории Кабардино-Балкарии, В. А. Кузнецов из общей массы аланского материала выделил археологические памятники-могильники в восточных районах Балкарии, которые по своему обряду тождественны болгарским могильникам Салтово-Маяцкой культуры, отмеченным Н. Я. Мерпертом.

Кроме того, В. А. Кузнецов в районе Кисловодска обнаружил поселение, на котором среди прочей керамики были найдены и сосуды с внутренними ушками. Эти памятники датируются VIII—X вв. н. э.

Дальнейшие раскопки этих памятников должны нам дать очень много нового, интересного материала для решения вопроса о роли болгар в этногенезе балкарцев и карачаевцев.

Но даже самое предварительное изучение раскопанных ранее памятников уже дает нам возможность сказать, что в VIII—X вв. в горах Балкарии и в предгорных районах Пятигорья бок о бок с аланами жили болгары, точно так же как в этот период болгары вместе с аланами жили в районах распространения Салтово-Маяцкой культуры (Подонье, Приазовье).]

А если это так, то болгарские племена, населявшие в период раннего средневековья Балкарию и более западные районы, безусловно должны были принять участие в формировании карачаево-балкарской народности.

Из всего сказанного выше не следует думать, что карачаевцы и балкарцы — это два разных народа, первый из которых произошел от кипчаков, а второй от болгар.

Нет никаких оснований полагать, что кипчаки на рубеже XIII—XIV вв. заняли только Карачай и не расселились в более восточных предгорьях Эльбруса. То же самое можно сказать и о болгарях, которые жили не только в Балкарии, но и западнее, например, в районе Кисловодска. Таким образом, процесс формирования карачаево-балкарской народности был единым, в образовании и той и другой ветвей этой народности приняли участие и кипчаки и болгары.

Проникновение болгар и кипчаков в горы Кавказа можно представить себе в виде двух «тюркских волн», одну из которых — более раннюю, болгарскую, следует отнести к рубежу VII—VIII вв., вторую — более позднюю, кипчакскую, — к рубежу XIII—XIV вв.

Тюркоязычными предками карачаевцев и балкарцев являются, следовательно, кипчаки и болгары.

Но только ли их можно считать предками карачаевцев и балкарцев?

Конечно, нет. В тех горных районах, которые в разное время заняли пришлые предкавказские тюркоязычные племена, издавна обитали местные горные племена, известные в письменных источниках под названием алан.

Конечно, тюркоязычные пришельцы в какой-то степени потеснили алан в другие районы, но большая часть алан осталась на своих местах. Они продолжали жить бок о бок с тюркоязычными племенами и частью, конечно, были ассимилированы последними.

К сожалению, пока еще очень мало достоверных данных, позволяющих установить генетические связи между Аланской и Карачаево-Балкарской культурами.

Пока можно только указать сходство техники украшений (выбитые полушарики) на аланских диадемах и карачаевских поясах (судя по докладу, сделанному этнографом Кильчевской на секционном заседании пленума ИИМК АН СССР 9 апреля 1959 г. в Москве). Наблюдается некоторое сходство в пластинчатых амулетах, носимых на груди.

Аланская культура связана с еще более древними горными культурами Северного Кавказа, в частности, с Кобанской (XII—VII вв. до н. э.). Эта связь особенно

хорошо прослеживается на керамическом материале Учкуланского поселения, исследованного мною в 1958 г.

Таким образом, говоря о местном, «горном» элементе, принявшем участие в карачаево-балкарском этногенезе, правильнее было бы говорить не об аланском, а об алано-кобанском субстрате.

Все эти данные свидетельствуют о том, что карачаевцы и балкарцы являются исконными, коренными населенными гор и предгорий Северного Кавказа.

Б. А. АЛБОРОВ,

профессор Северо-Осетинского педагогического института
имени Коста Хетагурова

ПОЧЕМУ ОСЕТИНЫ НАЗЫВАЮТ БАЛКАРЦЕВ «АСЫ»

Основа «ас» или «ос» современного общего этнического названия осетин — иронцев, туалъцев и дигорцев — как самоназвание неизвестно самим осетинам, а только их современным и древним соседям, а именно: грузинам (овс, ос), абхазам (цаппс, ась — «Северный Кавказ»), лезгинам (отц), аварам (осетинал), русским (ясы), арабам (ас), западноевропейцам (ас), татарам (ас), китайцам (асу), а это обстоятельство наводит на мысль о том, что племенное название «асы» или «аси» когда-то носило особое иранское племя, близкородственное по языку современным наречиям иронцев, туалъцев и дигорцев, и что только значительно позже это название закрепилось за всеми коленами осетинского народа.

Не носят этого этнического наименования и балкаро-карачаевцы, и ни одно из колен осетинских они не называют этим термином: балкарцы всех осетин называют «таулу» — «горцы», очевидно по месту их жительства в горах; карачаевцы их называют «тегей», что также обозначает «горцы».

Кабардинцы называют осетин «къущьхъэ», что также значит «горцы». Следовательно, все северные соседи называют осетин по характерному признаку их местобитания, а именно по горам.

Чтобы правильно решить вопрос, почему осетины называют балкарцев «асы», необходимо дать краткую справку о бытовании этого племенного названия в исторических источниках.

Племенное название «асы» приводится в форме

«овс», «ос» уже в VII в. до н. э. в «Картлис Цховреба» и в «Географии Грузии» царевича Вахушти Багратиони. и связывается оно с появлением хазар в Грузии. Но так как такого раннего появления хазар на Кавказе история не знает, то полагается, что эти сведения грузинских источников относятся к тому периоду жизни предков осетин, когда они появились на Северном Кавказе в составе скифов. Более достоверные сведения об употреблении племенного названия «асы», «аси» имеем от I в. до н. э. Это сообщение об «асиях» Страбона и «асианах» Помпея Трога. «Аси» и «асианы» были скифскими племенами, жившими за Яксартом на севере. Они принадлежали к составу тех скифов, которые были известны еще с VI в. до н. э. между Каспийским и Аральским морями под названием «исседонов», позже «массагетов», а еще позже под названием «аланов» или «аланья» китайских источников.

«Асии», «асианы» Страбона и Помпея Трога вместе с пасианами, тохарами и сакарауками принимали активное участие в разгроме Греко-Бактрийского государства.

Задолго до разгрома Греко-Бактрийского государства упомянутые скифо-сакские племена выселились к границам Китая в Восточном Туркестане и жили там до натиска на них гуннов. Об их местопребывании там и уходе оттуда под натиском гуннов повествуют китайские историки Сы Ма-цян и Бангу, которые их называют «Да Юе-чжи», т. е. «Большие Юеджи».

Птоломей (I в. н. э.) знает этих асиев уже как сарматское племя у устья р. Танаиса и называет их «асаи».

В китайских источниках II в. н. э. говорится, что владения Ан-Цай вокруг низовьев Сыр-Дарьи и Аральского моря, то есть в местах расселения асиев и асианов, стали именоваться Аланья или Алань-ас. М. Хоренский (рубеж I и II вв. н. э.) упоминает в своей истории армянского народа о союзниках грузин в их войне с армянами, называя их аланами; те же союзники в грузинских источниках называются «овсы» («оси»), что говорит о тождестве народов, носящих эти два различных наименования.

В «Географии VII века», приписываемой Моисею Хоренскому, вновь появляется племенное название «ас», по шокающему дигорскому произношению — «аш», в сложении с «тикор», т. е. в форме «аштикор». Аштикоры

жили приблизительно там, где в настоящее время живут балкарцы, именуемые дигорцами «аси» («аши»). Отсюда возникла теория, что дигорцы жили западнее теперешних мест поселения и обозначались одновременно, параллельно с «дигор», и наименованием «ашдигор».

Далее племенное название «асы» («аси») упоминается только с X в. н. э. в русских летописях, у арабских географов и других (Абуль-Феды) — («ас»), у китайского писателя Юань-Ши (XIII в.) в форме «аси» («асы»), у средневековых путешественников — Платона Карпини, Рубрука и Иосафита Барбаро; у последних трех «ас» иначе называются «аланы» и обитают они опять приблизительно в тех местах, где балкарцы и карачаевцы, и несколько западнее от них.

Итак, название «асы»||«аси» в исторических источниках появляется в I в. н. э. и немного ранее. Но это не значит, что оно не было известно до этого времени. Об этом говорят племенные названия скифских племен «ишката» Авесты, «скифы» и «исседоны» древних греков, «ашкузы»||«ишкузы» ассирийских источников и «ашкеназ», вернее тоже «ашкузы» (см. Дьяконов). Название «ишката» Авесты (Яшт. X. 14) приблизительно равно по времени выявления в исторических источниках «скифам» и «исседонам».

В Авесте «ишката» указывается там, где судоходные широкие реки

«Бурными потоками устремляются
к Ишката и Порут,
к Моуру и Харойва,
к Гава и Хваризаму».

Считается установленным, что «большие реки» Авесты — это современные Сыр-Дарья и Аму-Дарья, выше которых на севере жили скифы вообще и, в частности, скифские же племена массагеты и исседоны. Следовательно, и в «ишката» (конечный «а» — заставочный гласный) Авесты речь идет о тех скифских племенах, которые жили на севере от древнего Яксарта на огромном пространстве. Поэтому мы вправе сопоставить племенные названия «исседоны», «скифы», «ишката» и «ашкузы» («ишкузы»).

Мы считаем, что во всех этих составных племенных названиях первый компонент аш/иш/иссе есть вариант более древний названия тех асиев, асианов, асаев древ-

них греческих писателей и Моисея Хоренского, о которых речь шла выше, что же касается второй части, то здесь *дон* обозначает на древнеиранских языках (Авест) и осетинском «вместилище», «место нахождения», «место обитания» и т. д. Таким образом, термин «исседоны» дословно обозначает «иссов страна».

Начальный гласный названия «ишката» и начальные гласные в названиях «исседоны», «ашкузы» («ишкузы») представляют собой не протетический гласный, а органическую часть всего племенного названия.

Вторая часть составных племенных названий «ашката», «скитай», «ашкузы» («ишкузы»), а именно *кат* (*кит*), *куз*, имеют также одно и то же значение, хотя и разно оформлены. Это ясно видно из того, что во всех источниках, где употребляются эти племенные названия, речь идет о скифах.

Не может быть, чтобы значения племенных названий одного и того же племени на разных языках были разные. Это мы уже видели выше в наименовании осетин у балкарцев, карачаевцев и кабардинцев: все они осетин называют «горцами».

Ассирийцы и древние евреи восприняли то название скифов, которое последние принесли с собою из Средней Азии на Кавказ еще в VIII—VII вв. до н. э. Это название было диалектальной разновидностью названия тех же скифов «ишката» Авесты.

И фонетически такие разные названия допустимы: и древнеиранские языки (др.-перс.) и новые (ягнобский) допускают чередование звуков *t* и *s*.

Доказательством того, что начальный компонент названия «ашкузы», «ишката» мог сочетаться с другим племенным названием, может служить и племенное название «аштикор» географий, приписываемой М. Хоренскому.

Наряду с племенным названием «ас»||«аш» на Кавказе было в употреблении и племенное название «кус» («хуз»), употреблявшееся отдельно в названии Кушанского государства (I—IV вв. н. э.)

Это племенное название сохранилось в нартских сказаниях осетин и абхазцев; в сказаниях об отношении Батрадза или Созырко к владельцу крепости «Хиз» («Хуз»), расположенной в Дарьяльском ущелье; в древнейшем названии на осетинском языке Дарьяльско-

го прохода «Фыд-Хуз», что дословно переводится так: «Дорога хузов», или «Дорога Хузская»; в древнейших культовых названиях святилища «Худз» у входа в Дарьяльское или «Хузское» ущелье; «Гузон» — у другого края гряды Фидхузских гор, а именно в селе Саниба, и, наконец, в названии племени «хуж» или «хуш» географии, приписываемой М. Хоренскому.

Таким образом, нами устанавливается, что Дарьяльское ущелье и вход в него носили свое название не только от сарматов и алан, которые обитали здесь после скифов, но и от названия самих скифов, а именно «ашкузов», в ту пору их жизни на Северном Кавказе, когда они могли носить еще и отдельные названия «аши» и «кузы» («хузы»).

Балкарское племенное название «асы» («аси») не имеет непосредственной связи с наименованием древних асиев (асианов). Это наименование могли принести с собою тюркские кочевники, особенно же куманы, которые долго жили на местах теперешнего поселения балкарцев и карачаевцев по соседству с аланами — асами. Доказательством этого могут служить следующие данные:

1. До появления куманов (кипчаков-половцев) в южнорусских степях племенное название «асы» со времен географии, приписываемой Моисею Хоренскому, не известно.

2. Племенное название «асы» до сих пор известно у казахов и киргизов. Следовательно, можно допустить, что куманами-кипчаками могли быть увлечены с собой в южнорусские степи и на Кавказ тюрко-татарские племена, носящие название «асы» еще и теперь в Средней Азии, и это тем более вероятно, что из Средней Азии занесены на Северный Кавказ племенные названия «кабарды», «кесек», «черкес», «адыге».

3. Названия среднеазиатских тюркских племен с их родовыми тамгами перешли и на Северный Кавказ. В составе адыгов, балкарцев, карачаевцев имеются роды Айдебуль, Клыч, Қасай и др., занесенные из Средней Азии куманами-кипчаками. (Сравни тамги Абаевых в ауле Хабзе, Айдебуловых в сел. Средняя Балкария, Балкаровых, или Малкаровых, Кучуковых в сел. Чегем и др.).

З. В. АНЧАБАДЗЕ,
кандидат исторических наук
(Институт истории Академии наук
Грузинской ССР)

КИПЧАКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПО ДАННЫМ ГРУЗИНСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XI—XIV ВЕКОВ

Изучение исторической деятельности кипчаков на территории Кавказа имеет большое научное значение не только с точки зрения общей истории кавказских народов в средние века, но и в деле решения проблемы этногенеза некоторых из них, в частности балкарцев, карачаевцев и кумыков.

Однако до сих пор этот важный вопрос не был предметом специального исследования. Одной из причин этого является, несомненно, то обстоятельство, что до нас дошло лишь весьма незначительное количество письменных источников по истории кипчаков вообще и кипчаков Северного Кавказа в особенности. Профессор А. Якубовский писал о кипчаках следующее: «На данном этапе наших знаний, благодаря скудости известий в дошедших до нас источниках, мы не можем дать не только полной, но даже схематической картины социально-политического строя этого общества»¹.

В этой связи не случайным является то обстоятельство, что исследователь исторического прошлого кипчаков К. Кудряшов, посвятивший этому вопросу специальную монографию, почти ничего не сказал о кипчаках Северного Кавказа, хотя и указывает, что «предкавказские кипчаки» представляли собой одну из важных:

---

¹ А. Якубовский. Дешти-Кипчак (Половецкая степь) в XI—XIII вв. до прихода монголов; см. Б. Греков, А. Якубовский. Золотая Орда и её падение. 1950, стр. 18.

групп кипчаков, наряду с другими их группами, которые были определены им по местам их расселения, а именно: подунайские (или лукоморские), запорожские (или приднепровские), приморские в междуречье нижнего течения Днепра и Дона, заорельские (между Орелью и Самарой), донецкие и, наконец, предкавказские².

Таким образом, учитывая крайнюю скудность материалов по истории северокавказских кипчаков, следует придать важное значение тем сведениям о них, которые можно почерпнуть в грузинских средневековых источниках.

Разнообразные сведения о кипчаках содержатся в ряде грузинских летописей и исторических сочинениях XI—XIV вв., т. е. того периода, когда кипчаки играли важную политическую роль на Кавказе и на юге Восточной Европы. Правда, непосредственно о кипчаках Северного Кавказа в грузинских источниках сохранились лишь отрывочные сведения и, главным образом, о кипчаках, которые в 1118—1120 гг. (и позднее) поселились в Грузии; тем не менее целый ряд указаний источников может быть использован для характеристики различных сторон жизни кипчаков Северного Кавказа.

Переходя непосредственно к изложению материалов настоящего сообщения, необходимо остановиться прежде всего на вопросе о времени появления кипчаков на Северном Кавказе.

Как известно, вопрос о времени появления кипчаков в Восточной Европе до сих пор является не решенным. Проф. А. Якубовский по этому поводу писал даже следующее: «Было бы безнадежно искать точной даты появления половцев на территории Юго-Восточной Европы... Крупные политические события связываются с половцами, или кипчаками, только с начала XII в.»³

Но вместе с тем А. Якубовский указал и на то обстоятельство, что, по данным Лаврентьевской летописи, первое соприкосновение кипчаков с Русью произошло уже в 1054 г.

Если нет точных данных для датировки прихода кипчаков в Восточную Европу вообще, то еще труднее

² К. Кудряшов. Половецкие степи. 1948, стр. 146.

³ А. Якубовский. Указанная работа, стр. 18.

датировать время появления их на Северном Кавказе.

Тем не менее определенные косвенные данные по этому вопросу можно почерпнуть в некоторых грузинских источниках XI в., по которым появление кипчаков на Кавказе произошло не позднее второй половины XI столетия.

Прежде всего укажем на то обстоятельство, что анонимный автор исторического сочинения, известного под названием «Матианэ Картлиса» («Летопись Грузии»), в котором описаны исторические события Грузии и отчасти сопредельных с ней стран с конца VIII до 70-х годов XI в., ничего не говорит о кипчаках. Будучи свидетелем событий второй половины XI в., упомянутый автор, надо полагать, обязательно упомянул бы о кипчаках, если бы к тому времени они уже играли какую-либо важную политическую роль на Северном Кавказе.

Однако уже в тот период кипчаки становятся известными Грузии, о чем свидетельствует сочинение Леонтия Мровели «История грузинских царей — первых отцов и родственников», составленное не позднее 60-х годов XI в. В этом произведении кипчаки упомянуты наряду с так называемыми «бун-тюрьками»⁵, под которыми следует, по-видимому, разумеать кавказских болгар (гуннов).

То обстоятельство, что Леонтий Мровели ставит кипчаков рядом с кавказскими болгарями, может быть объяснено как свидетельство бытования кипчаков уже где-то на Северном Кавказе или в ближайшем соседстве с ними.

Первое свидетельство об активном вступлении кипчаков на северокавказскую историческую арену сохранил грузинский историк конца XI в. Джуаншер, который упоминает кипчаков в своем сочинении «Жизнь царя Вахтанга Горгасала».

Здесь необходимо предварительно заметить, что названный автор XI в., описывая жизнь исторического деятеля второй половины V столетия (Вахтанга Горгасала), допускает целый ряд анахронизмов, объявляя, например, печенегов современниками Вахтанга. Тем не менее критический анализ сообщаемых им сведений легко позво-

---

См. «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии»), свод исторических сочинений XI, XII вв., изд. С. Каучшвили, Тбилиси, 1954

⁵ Там же, стр. 17.

ляет восстановить историческую перспективу и действительные факты, связанные с появлением кипчаков на Кавказе.

Вот что пишет Джуаншер об обстановке на Северном Кавказе, которая, по всем данным, происходила в его время. Вахтанг Горгасал со своим войском вступил якобы в печенегскую страну («Пачаникета»), поскольку «тогда Печенегия (непосредственно) граничила с Осетией по реке, которая находится внутри Осетии, и Джикетия тоже была расположена там. В последующее время печенеги и джики во множестве бежали от тюрок и ушли печенеги на Запад, а джики укрепились в конце Абхазии».

Приведенная выписка представляет значительный интерес. Здесь обращает на себя внимание, прежде всего, то обстоятельство, что в прошлом («тогда», «была») политическая обстановка и этническая картина на Северном Кавказе были иными, чем в период жизни нашего автора. Но в последующие времена Джуаншер указывает, что якобы джики (т. е. адыги) были оттеснены на Северо-Западный Кавказ, а печенеги и вовсе вытеснены с Кавказа какими-то тюрками.

Под этими «тюрками», несомненно, нужно иметь в виду кипчаков, ибо, как это известно из других источников, именно кипчаки оттеснили печенегов далеко на запад. А поскольку в приведенной цитате речь идет об оттеснении одних (адыгов) и полном вытеснении других (печенегов), то здесь говорится не об обычном вторжении, а о приходе на Северный Кавказ значительных масс кипчаков на постоянное поселение. Характерна в этом отношении приписка к цитированному месту из сочинения Джуаншера, которая была сделана несколько позднее, в частности во времена, когда кипчаки обосновались на Северном Кавказе. В этой приписке читаем: «И покорил он (т. е. Вахтанг) овсов и кипчаков и построил двери овские, которые мы называем Дарьяльскими. И воздвиг перед ними высокие башни и поместил в них гарнизоны из живущих по соседству горцев, чтобы не могли переходить сюда (т. е. на территорию Грузии. — З. А.) овсы и кипчаки, вопреки воле царя картвелов».

Таким образом, в более поздней приписке «современниками» Вахтанга Горгасала оказались кипчаки. Но для нас здесь важно то, что автор конца XI в. говорит

об осетинах и печенегам, упоминая кипчаков под неопределенным именем «тюрок». Не подлежит сомнению, что «тюрки» Джуаншера и кипчаки приведенной приписки являются одним и тем же народом.

Итак, можно считать установленным, что во второй половине XI в., во всяком случае не позднее конца этого столетия, кипчаки уже обитали на Северном Кавказе.

Теперь уместно поставить вопрос: в какой части Северного Кавказа была расположена область основного расселения кипчаков?

Укажем прежде всего на то обстоятельство, что феодальная Грузия не имела непосредственных границ с кипчаками. Между ними в районе Главного Кавказского хребта были расположены владения алано-осов. Это видно из того, что когда грузинский царь Давид Строитель в 1118 г. направил на Северный Кавказ к кипчакам послов с предложением переселить определенную часть их в Грузию, то те, изъявив согласие, потребовали обеспечить им свободный проход через Осетию.

Значит, если горные и предгорные районы Центрального Предкавказья занимали в то время осетины, то кипчаки располагались где-то к северу от них, в равнинных районах Северного Кавказа и, в частности, на территории позднейшей Кабарды. На последнее обстоятельство указывает, например, тот факт, что в начале XVIII в. одним из переписчиков «Жизни Грузии» (в так называемом «Мачабелевском своде», 1736 г.) в том месте сочинения, где упомянуты кипчаки, сделано такое примечание: «кипчак — это черкес»⁶. Дело в том, что в XVII—XVIII вв. «черкесами» в Грузии называли кабардинцев, в отличие от западных адыгов, которых обычно именовали «джиками». Поскольку к началу XVIII в. этническое имя «кипчак» широкими кругами грузинских читателей было уже забыто, то вполне возможно, что автор указанного примечания, опираясь, очевидно, на определенную историческую традицию, отождествил кипчаков с современными ему кабардинцами (черкесами). Здесь, надо полагать, имелась в виду какая-то историческая и территориальная преемственность между кабардинцами и их непосредственными предшественниками в центральном Предкавказье — кипчаками.

⁶ «Картлис Цховреба», стр. 17, примеч. 3.

Факт обитания основной массы кипчаков в центральном Предкавказье подтверждается и тем обстоятельством, что во время массового переселения кипчаков в Грузию в 1118—1120 гг. они продвигались через Дарьяльский проход, непосредственно связывающий Грузию именно с центральными районами Предкавказья.

Однако центральное Предкавказье не было единственным местом расселения кипчаков на территории Северного Кавказа в XI—XII вв. Определенная часть их обитала и в приморском Дагестане. Эту часть кипчаков грузинский анонимный историк XII в., подробно описавший царствование своего современника Давида Строителя (1089—1125 гг.), называет «дербентскими кипчаками».

Рассказывая о походе Давида Строителя в Дагестан, организованном в апреле 1123 г., этот историк указывает, что Давид одержал победу над «лаками и кипчаками дербентскими». Здесь следует отметить, что в средние века в грузинских источниках термин «лаки» употреблялся в качестве собирательного имени, обозначающего все население нагорной части Дагестана. Значит, под «дербентскими кипчаками» подразумеваются, как это видно также и из самого названия, обитатели приморского Дагестана.

О численности северокавказских кипчаков прямых данных в источниках нет, но некоторые косвенные указания грузинских летописей дают основание полагать, что все те, которые объединялись под именем «кипчаков», составили значительную часть населения Северного Кавказа. Укажем, в первую очередь, на тот факт, что кипчакам вряд ли удалось бы вытеснить с Кавказа печенегов и значительно потеснить алан и джиков, если бы они не составили крупную в военном и количественном отношении силу.

Второй момент, на который в этой связи следует указать, это то обстоятельство, что после своего утверждения на Северном Кавказе и до установления монгольского владычества Кипчакия неизменно фигурирует в грузинских источниках в качестве одной из крупнейших держав на Северном Кавказе (о чем подробно речь будет вестись ниже). Это также свидетельствует о немалом числе кипчакского этнического объединения.⁴

Отметим, наконец, уже не раз упоминавшийся факт переселения на постоянное жительство в Грузию в 1118—1120 гг. около четверти миллионов, кипчаков. Историк Давида Строителя сообщает, что, переселившиеся в Грузию кипчаки выставили 40 тысяч воинов и 5 тысяч отборных бойцов, составивших личную гвардию Давида Строителя («Мона-спа»). И если учесть то обстоятельство, что все они переселились со своими семьями, а на каждую семью определить по пять человек в среднем⁷, то получится, что в Грузию прибыло не менее 225 тысяч кипчаков. Число для того времени довольно солидное.

Как известно, в эту цифру вошли далеко не все кипчаки, обитавшие на Северном Кавказе, где основная масса их оставалась и впоследствии.

Переселения кипчаков в Грузию имели место и в последующие времена. Так, анонимный летописец первой половины XIII в. сообщает, что в период правления Георгия III (1156—1184 гг.) в Грузию переселилось еще несколько десятков тысяч осетин и кипчаков. Характерно, что в период правления грузинской царицы Тамары (1184—1213 гг.) в Грузии существовал термин «новые кипчаки», который мы встречаем у анонимного автора описания царствования Тамары. Описывая встречу ширванского правителя Ахсартана в Тбилиси, историк пишет: «Сперва, когда они выступили из города Тбилиси, направили навстречу им осетин и новых кипчаков».

Под этим термином («новые кипчаки») подразумеваются новые переселенцы из Кипчакии в Грузию в отличие от «старых кипчаков», многие из которых уже именовались «накипчакара», т. е. «бывшие кипчаки». Приведенные данные позволяют заключить, что переселение кипчаков в Грузию на протяжении длительного времени осуществлялось систематически и могло быть допустимо лишь при условии наличия значительного числа кипчаков на Северном Кавказе. Все это делает понятным утверждение историка Давида Строителя о том, что для увеличения своих сил Давид решил использовать «многочисленное кипчакское племя»⁸.

⁷ Н. Джавахишвили. История грузинского народа. 1948, стр. 215—216. (На грузинском языке.)

⁸ «Картлис Цховреба», стр. 367.

Таковы данные грузинских источников о численности северокавказских кипчаков.

Теперь перехожу к данным, освещающим социально-экономический строй кипчаков Северного Кавказа, как это представляется средневековыми грузинскими источниками.

Но перед этим несколько слов по вопросу о внешнем облике кипчаков, поскольку вопрос об их расовом типе до сих пор является не решенным. В грузинских летописях нет прямых указаний по этому поводу, но некоторые косвенные данные позволяют допустить предположение, что кипчаки (или определенная часть их) отличались европеоидными, а не монголоидными чертами. Дело в том, что ни один грузинский автор, в том числе и историк Давида Строителя, подробно описывающий кипчаков на основании личного знакомства с ними, ничего не говорит об их монгололизме.

Особый интерес в этом отношении представляют сведения грузинского историка начала XIV в. («Жантаагмцурели Хронограф»), который в своем сочинении описывает историю монгольского владычества в Грузии. Описывая первое появление монголов в Грузии, названный автор с удивлением и подробно описывает их внешний облик, и в этом описании перед нами предстает типичный облик монголоида. Вместе с тем цитируемый автор хорошо знает, как мы увидим это ниже, Кипчакию и кипчаков, но нигде не говорит об их внешнем сходстве с монголами. Да этого сходства и не могло быть, ибо в противном случае грузины не стали бы удивляться монголоидным чертам носителей этой расы, завоевавшим Грузию в середине XIII в. Можно отметить в этой связи и то обстоятельство, что ассимиляция населением Восточной Грузии нескольких сот тысяч кипчаков не оставила на обитателях этой части Грузии никаких монгольских следов, хотя бы атавистического порядка, что также в известной степени может быть свидетельством европеоидного облика кипчаков.

Кстати, не так давно мне довелось беседовать в Ташкенте с ашхабадским историком С. Агаджановым, специально занимающимся вопросами истории кипчаков, который сообщил мне, что им собран большой материал, свидетельствующий о том, что уже кипчаки являлись тюркоязычными европеоидами. Думается, что и косвен-

ные показания грузинских исторических источников также дают некоторые основания для подобного заключения.

Что касается хозяйственного строя кипчаков, то некоторые довольно определенные показания источников позволяют утверждать наличие у них полукочевого скотоводства эйлажно-вертикального вида. Кипчаки, поселившиеся в Грузии, зимние периоды проводили в Картлийской равнине, где для них по приказанию Давида Строителя специально были отведены места для поселения, а в летние периоды направлялись в горные места.

Грузинские источники делят поселения кипчаков на две категории: «сазамтро» (букв.: «зимнее место») и «сазапхуло» (букв.: «летнее место»). Эти термины адекватны тюркским словам «кышлаг» и «айлаг».

Приведем соответствующие места из источников. Историк Давида Строителя сообщает, что Давид предоставил кипчакам «зимние стоянки» («Сазамтрод Садгури»), велел обеспечить их питанием и во главе их поставил старшин («земдгомни матни»). Другой автор, живший в более позднее время (в начале XIV в.), рассказывая о событиях, связанных с грузинским царем Давидом Строителем, указывает на следующий факт: едучи в Тбилиси, царь Давид повстречал на пути кипчаков, направляющихся «в летние места».

Однако то обстоятельство, что кипчаки охотно переселялись в Грузию, территория которой, как известно, лишена условий для ведения чисто скотоводческого хозяйства, позволяет допустить предположение, что кипчакам, во всяком случае определенной их части, не чужд был и оседлый быт. Поэтому впоследствии, ассимилируясь с грузинами этнически, они вскоре восприняли от них и местные формы земледельческого быта.

Социальные отношения у кипчаков в рассматриваемый период характеризовались ранними формами феодального строя. Интересно в этом отношении одно указание грузинского историка 20-х годов XIII в. (современника царя Георгия Лаша, 1213—1222 гг.). Рассказывая о царствовании царицы Тамары, этот историк подчеркивает, что Тамара сумела установить твердый порядок в своем царстве. Это он подтверждает тем обстоятельством, что «осетины, горцы, кипчаки и сваны не смели

заниматься разбоем»⁹. Здесь для нас представляет интерес тот факт, что кипчаки поставлены в один ряд с осетинами, сванами и вообще с горцами, социально-экономический строй которых, как это хорошо известно, характеризовался различными ступенями раннефеодальных (или патриархально-феодальных) отношений.

О сильных пережитках патриархально-родовых отношений у кипчаков свидетельствует следующее важное указание историка Давида Строителя. Рассказывая о размещении Давидом кипчаков на территории Грузии, он сообщает следующее:

«Он (Давид Строитель. — З. А.) распределил их по родовому признаку (букв.: «по родам» — «гуарад-гуарад») и поставил над ними военачальников и управителей». Как видно, Давид Строитель, поселяя кипчаков в Грузии, оставил без изменения их внутреннюю структуру, по которой каждая родовая единица совпадала и с определенной военной единицей. Во главе этих единиц были поставлены свои же кипчакские правители.

Как и всякие патриархально-феодальные народы, кипчаки отличались исключительной воинственностью, чем, собственно, они и обратили на себя внимание Давида Строителя, который в этот период готовился к решительным схваткам с турками-сельджуками с целью их окончательного изгнания из Грузии и Закавказья. О воинских доблестях кипчаков грузинские летописцы неоднократно отзываются с восторгом. Они указывают также на некоторые особенности военной организации кипчаков. Отметим, например, что кипчакское войско делилось на три части: передовые отряды, основная часть и арьергард. Бой обычно начинали передовые отряды, носившие особое название. Автор «Истории и восхваления венценосцев», повествуя о Шамхорской битве (1195 г.), сообщает: «Начались бои и сражения, но только не всего войска, а передовых лишь частей, которые по-кипчакски назывались «чалаш» и «даснчтда»¹⁰.

У одного из грузинских авторов того времени, Леонтия Мровели, сохранилось конкретное указание на рели-

⁹ «Картлис Цховреба», стр. 369.

¹⁰ «История и восхваление венценосцев», 941 г., стр. 106. (Русский перевод, 1954—стр. 61); «Картлис Цховреба», стр. 17.

гиозные верования кипчаков и их соседей бун-тюрков (болгар). Он, будучи христианским писателем, считает их самыми отъявленными язычниками.

Рассказывая о мнимом походе Александра Македонского в Грузию, Леонтий Мровели заявляет, что в то время население Грузии жило подобно тем жестоким язычникам, которых (ныне) мы называем бун-тюрками и кипчаками.

Кипчакия («Кивчакед») фигурирует в качестве одной из важнейших политических единиц на Северном Кавказе, «Жантаагмцуерели» даже называет ее «Великой Кипчакией» («Диди Кивчакти») ¹¹

Свидетельством большого значения, которое грузинский автор XII в. придавал Кипчакии, является, например, следующее обстоятельство: желая возвеличить героя своего исторического повествования — Давида Строителя, он заявляет: «Под сенью (Давида. — З. А.) были собраны народы, племена и языки, цари и государи Осетии и Кипчакии, Армении и Европы, Ширвена и Персии» ¹². Здесь кипчаки фигурируют в числе важнейших, по мнению автора, политических образований, соседних с Грузией (за исключением Европы).

Цитированный выше «Жантаагмцуерели», сообщая о проведенной ханом Золотой Орды Батыем переписи населения, пишет: «Хан Багу приказал (Аргуну произвести перепись) во всем подвластном его владении, в России, в Хазарии, Осетии, Кипчакии и до самого Севера», «до темной страны» (там же, стр. 81 и 90). И здесь, как мы видим, Кипчакия названа среди тех крупных политических образований, которые вошли в состав Золотой Орды.

По данным грузинских источников, политический строй Кипчакии представлял собой монархию во главе с царем («мере»). Правда, историк Давида Строителя называет правителя Кипчакии Атрака Шарагановича («отрок» — в русской летописи) не царем, а «главнейшим над кипчаками». Но то обстоятельство, что Давид Строитель, которого современник называет «богу равным», снизошел до женитьбы на дочери Атрака или, по

¹¹ «Картлис Цховреба», стр. 17.

¹² Там же, стр. 360.

словам нашего автора, признал ее в качестве своей законной супруги и царицей всей Грузии¹³, свидетельствует о том, что Давид Строитель не считал этот брак морганатическим.

Другие же авторы называют кипчакских правителей «царями». Так, автор «Истории и восхваления венценосцев» не раз называет правителя Кипчакии царем, в одном случае, когда он сообщает о пребывании у него Юрия Боголюбского¹⁴, другой раз, когда он сообщает о нахождении на службе у Тамары «брата кипчакского царя»¹⁵.

В этой связи обращает на себя внимание тот титул, которым величает кипчакского правителя Атрака Шарогановича историк Давид Строитель — «главнейший» («умтавреси»). Этот титул представлял собой превосходную степень от слова «мтавери» — «главный». Это последнее в тот период широко употреблялось в качестве титула для обозначения крупного политического правителя значительной области, находящегося в вассальной зависимости от своего сюзерена, царя. В этом смысле титул «мтавери» противопоставлялся званию «эристави» («воевода»), который был лишь административным чиновником, назначенным царем. Следовательно, наличие на местах правителей, чиновников («эриставов») означало наличие в известной степени централизации государственного управления. Что касается власти мтаверов на местах, то это уже означало сеньориально-политическую раздробленность страны. Следует отметить, что грузинские источники весьма четко различали эристава от мтавера. Поэтому и обращает на себя наше внимание термин «умтавреси», что может означать «мтавер над мтаверами», т. е. «главный над главными». Если такое объяснение соответствует мысли автора «Истории царя Давида Строителя», то в данном случае мы можем иметь дело с указанием на политически децентрализованный строй кипчакской раннефеодальной монархии. Такой вывод вполне естествен, поскольку на основе той

---

¹³ «Картлис Цховреба», стр. 336.

¹⁴ «История и восхваление венценосцев», стр. 102. (Русский перевод — стр. 57.)

¹⁵ Там же, стр. 40, 81.

натурально-хозяйственной системы, на которой базировалось кипчакское раннефеодальное общество, иной политической системы нельзя было ожидать.

Столицей кипчакского государства был город Сунджа, как на это прямо указывает автор «Истории и восхваления венценосцев». По-видимому, город этот был расположен, как на это указывает его название, где-то на реке Сунже, независимо от того, река ли получила свое название от города или наоборот. Во всяком случае полное совпадение этих названий вряд ли является случайным.

Взаимоотношения кипчакского государства с соседними владениями Северного Кавказа носили вначале открыто враждебный характер. Да это и вполне естественно, если учесть, что кипчаки явились на Северный Кавказ в качестве завоевателей, значительно потеснивших аборигенов — осетин, адыгов и других.

Лишь в 1118 г. грузинскому царю Давиду Стронтелю удалось примирить осетин и кипчаков. Историк Давида сообщает, что царь примирил («соединил») оба племени. Установились между ними «любовь и мир, как между братьями»¹⁶. Установление мирных отношений было обусловлено и тем, что осетины не могли, разумеется, вести борьбу одновременно против кипчаков и феодальной Грузии.

Есть в грузинских источниках указания и на русско-кипчакские отношения, которые тоже в основном носили враждебный характер, вследствие постоянного стремления кипчаков укрепиться в южнорусских степях. Не случайно, что именно у кипчакского царя в городе Сундже нашел политическое убежище княжич Юрий Боголюбский, который остался малолетним после отца (Андрея Боголюбского) и, преследуемый дядей своим Савалатом (Всеволод Большое Гнездо. — З. А.), удалился в чужую страну¹⁷.

Особенно подробно представлены материалы по истории грузино-кипчакских отношений, и этот вопрос может послужить темой для специального доклада. Укажу

---

¹⁶ «Картлис Цховреба», стр. 336.

¹⁷ «История и восхваление венценосцев», стр. 81. (Русский перевод — стр. 40.)

лишь на то, что историк Давида Строителя особо подчеркивает то обстоятельство, что военная сила кипчаков оказала Грузии большую помощь в борьбе против иностранных захватчиков.

Таким образом, как мы видели, грузинские источники содержат немало интересных сведений о северокавказских кипчаках.

В. И АБАЕВ,
профессор, доктор филологических наук
(Институт языкознания Академии наук СССР)

ОБ АЛАНСКОМ СУБСТРАТЕ В БАЛКАРО-КАРАЧАЕВСКОМ ЯЗЫКЕ

Я хотел бы, во-первых, поблагодарить гостеприимных хозяев, руководство Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, за честь, которую оказали мне, пригласив на эту, без всякого преувеличения могу сказать, выдающуюся научную сессию.

Институт языкознания Академии наук отнесся с большим вниманием и интересом к данной сессии — послал сюда двух своих сотрудников, Н. А. Баскакова и меня, поручив нам приветствовать вашу сессию и пожелать вам полного успеха в работе.

Я не тюрколог и к основной теме сессии имею косвенное отношение. Вероятно, приглашая меня, руководство Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института имело в виду, во-первых, мое участие в 1929 — 1931 гг. в Балкаро-Карачаевской лингвистической экспедиции Академии наук СССР, во-вторых, то, что в течение ряда лет я занимаюсь проблемой субстрата. Действительно, в этой области у меня имеются кое-какие наблюдения. И если я смогу внести хотя небольшую лепту в наше общее дело, ради которого мы собрались, я буду очень рад. Я говорю «наше общее дело» не для красного словца. Давно прошло то время, когда каждый народ Кавказа жил замкнутой, изолированной жизнью, не интересуясь тем, что делается у его соседей.

Теперь все народы Советского Союза живут одной культурной жизнью и вопросами происхождения каждого народа интересуются все остальные народы. В

частности, когда речь идет о балкарцах и карачаевцах, то надо учитывать, что по языку они относятся к обширной группе тюркских языков.

Носители тюркской речи по количеству говорящих языков занимают в Советском Союзе второе место после славянских народов — от Якутии до гагаузов в Молдавии расселено множество тюркоязычных народов. С другой стороны, карачаевцы и балкарцы географически и как этнографические типы являются кавказскими народами. Поэтому судьба, история, происхождение их интересуют каждого кавказоведа.

Можно сказать поэтому, что проблема, которая стоит перед нами, имеет общесоюзный интерес.

Предыдущие докладчики уже осветили разные стороны этногенеза карачаевцев и балкарцев. На мою долю выпала одна сторона, одна часть этой проблемы, именно вопрос об аланском субстрате балкаро-карачаевского языка. Я должен сказать, что не являюсь пионером в области разработки этого вопроса. Известно, что заслуга установления культурных и языковых связей между балкарцами и карачаевцами, с одной стороны, осетинами — с другой, принадлежит целиком академику Всеволоду Миллеру. Всеволод Миллер в 1883 г. совершил вместе с социологом М. Ковалевским путешествие в ущелья Балкарии. Они посетили все балкарские ущелья, собрали значительный материал этнографического, лингвистического и археологического характера.

Результаты этого путешествия были опубликованы в разной форме. Первый раз — в статье В. Миллера «О поездке в горские общества Кабарды летом 1883 года». Второй раз к этой же теме В. Миллер вернулся в статье, написанной вместе с М. Ковалевским в журнале «Вестник Европы» в 1884 г. И наконец сводку материала В. Миллер дал в третьей части «Осетинских этюдов», где, изложив часть своего материала, делает соответствующие заключения, выводы. Выводы эти сводятся к следующему.

В топонимике Балкарии и Карачая есть отчетливый аланский слой в названиях рек, ущелий, селений, местностей, отчетливо выступают аланские термины.

Так, осетинское *дон* (река), которое в староосетинском должно звучать *дан*, встречается в названиях Балкарии и Карачая, например: Шаудан и т. д.

Осетинское *ком*, староосетинское *кам* (ущелье) встречается в словах *Шаукам*, *Уллукам* и др.

Осетинское *сефцоег* (перевал) в форме *ыпчык*, *ыфчык* встречается в названиях перевалов, например: *Штул фчык* и др.

Осетинское *дор* (камень) встречается в целом ряде названий, например: *Гетандор*, *Утдор* и др.

Далее Миллер установил, что в названиях балкарских и карачаевских праздников и названиях месяцев есть христианские элементы, причем в таких формах, которые встречаются и в осетинском языке (*Тотур Башил*, *Никкола* и целый ряд других).

К сожалению, меньше материала собрал Вс. Миллер по лексике. Он приводил только небольшое количество слов, именно: балкарское *кыржин* (хлеб) — осетинское *кердзын*, особый вид арбы — *дорласын* (на низких колесах, буквально: «на чем возят камни»), *кырдык* (трава), *уанык* (бычок).

Таких лексических параллелей он приводит сравнительно немного — 10. На самом деле их гораздо больше. Балкаро-Карачаевская лингвистическая экспедиция 1929—1931 гг. собрала не десять, а до двухсот общих элементов — осетинских и карачаево-балкарских.

Вопроса лексических связей осетинского и карачаевского языков коснулся финский ученый Густав Шмидт. Он не был никогда в Балкарии и Карачае, но располагал к этому времени материалом по карачаевскому языку, опубликованным венгерским ученым Прёле в 10 и 15 томах журнала «Келети Семле». Прёле сам ездил по Карачаю и Балкарии, собрал там материал как по лексике, так и по грамматике. Опираясь на материалы, собранные Прёле, Г. Шмидт установил 58 лексических сходжений между карачаевским и осетинским языками.

58 слов — это больше, чем материал, который дает Миллер, но всё-таки этот материал недостаточен для того, чтобы говорить, что балкаро-карачаевский язык формировался на аланском субстрате.

После этого вопрос о культурных и языковых связях между балкарцами и карачаевцами, с одной стороны, и осетинами — с другой, был поставлен лингвистической экспедицией Академии наук СССР, снаряженной покойным академиком Марром.

Эта экспедиция работала три года — 1929—1931 гг. В её работе участвовали следующие лица: тюрколог А. К. Боровков, не присутствующий, к сожалению, сегодня на сессии, он мог быть полезен нашей сессии; кавказоведы К. Д. Дондуа и Р. М. Шаумян и я.

В течение трех лет работали мы в Карачае и Балкарии. А. К. Боровков собрал много материала по лексике и грамматике балкарского и карачаевского языков, который, к сожалению, не опубликован. Что касается Р. М. Шаумяна и К. Д. Дондуа, их интересовали связи балкарского и карачаевского народов с кавказскими языками.

На меня была возложена строго ограниченная часть этой общей работы: выяснение языковых связей осетинского с балкаро-карачаевским. Я работал в следующих пунктах: в сел. Уч-Кулан — в Карачае, затем в сел. Тегенekli, в Баксанском ущелье, месяц работал в Балкарском ущелье, в селениях Верхний Хулам, Безенги, Ишканти. Я не посетил только Чегемского ущелья, но наш коллега, покойный Шаумян, который был в Чегемском ущелье, собрал материал и предоставил его в мое распоряжение, и я располагал также чегемским материалом. Конечно, этот материал нельзя считать исчерпывающим, — чтобы собрать достаточно большой материал по лексике, нужно жить годами среди данного народа.

Поэтому я не претендую, что установленные около 200 лексических осетино-балкаро-карачаевских сходжений в какой-то мере исчерпывают материал.

Я прежде всего проверял материал, который в свое время был собран В. Миллером. Я убедился, что этот материал точный и настолько неопровержимый, что нельзя оспаривать ни факты, ни выводы, которые он сделал. А выводы его сводились к тому, что до прихода тюркоязычных племен на территории Балкарии и Карачая жили аланы. Затем произошло смешение двух племен. В результате тюркский язык победил. Но кое-какие следы старого населения в языке остались в топонимике и лексике.

Особый интерес представляет христианская терминология у балкарцев и карачаевцев. В связи с балкаро-карачаевским христианством хочу сделать маленький

экскурс. Арабский географ XIV в. Абульфеда говорит, что на восток от абхазов живут аланы и асы, которые являются турками и исповедуют христианскую религию. Проф. Ванеев, приводя это свидетельство, высказывает сомнение в его ценности. Он считает, что Абульфеда напутал. В самом деле, если аланы и асы были христианами, значит, не могли быть турками; если же они были турками, то не могли называться аланами и асами и исповедовать христианство. Я думаю, что свидетельство Абульфеды представляет результат точной осведомленности и имеет определенную ценность. Он знал карачаевцев и балкарцев под названием алан и асов и правильно называет их турками.

До наших дней за территорией Карачая закреплено название Аланы (в устах мегрелов), а за Балкарией — название Асы.

Что удивительного, если в XIV в. Абульфеда называет их теми названиями, под которыми их знали соседи. Называя их христианами, он тоже прав, так как карачаевцы и балкарцы усвоили к этому времени аланское христианство.

Я считаю, что свидетельство Абульфеды не только заслуживает внимания, но является одним из первых достоверных исторических свидетельств о пребывании карачаевцев и балкарцев на нынешней территории.

Свидетельство это говорит о том, что не позднее XIV в. тюркоязычные предки балкарцев и карачаевцев уже вошли в ущелье, которые они сейчас занимают.

С другой стороны, у меня есть некоторые соображения, что приход тюркоязычных племен совершился не ранее X в., соображения, основанные на анализе балкаро-карачаевского христианства.

Дело в том, что аланы стали христианами только в X веке. Это установлено благодаря письму патриарха константинопольского Николая Мистика абхазскому князю Георгию.

Балкаро-карачаевская христианская терминология ничем не отличается от аланской и несомненно воспринята от алан. А это могло случиться не раньше X в.

Эти соображения позволяют уточнить появление тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев на нынеш-

ней территории: не раньше X в. и не позднее XIV в. н. э.

Я хотел остановиться на одном важном вопросе. Прежние исследователи говорили не об аланском субстрате, а об осетинских заимствованиях в балкарском и карачаевском языке. Объясняется это тем, что теория субстрата разработана как следует только последние десятилетия. До этого четкого разграничения между заимствованием и субстратом не проводилось. Между тем, от этого разграничения зависит наше представление об историческом процессе взаимодействия двух этнических массивов.

При заимствовании это взаимодействие носит внешний характер, при субстрате — более интимный и глубокий. При заимствовании сфера языкового взаимодействия ограничена. Она бывает заметна, когда есть большая разница в культуре. Если же происходит соприкосновение двух народов, одинаковых в хозяйственном, в культурном отношении, большого обмена не происходит, каждый довольствуется своей лексикой.

Иначе говоря, заимствование — это пополнение лексики, а субстрат — это замена элементов одного языка элементами другого. Происходит такая замена потому, что при субстрате бывает период двуязычия, при котором различие «своего» и «чужого» ослабляется.

Если мы взглянем на наш лексический материал, то убедимся, что в данном случае имели место взаимопроникновения элементов, характерные для субстрата.

Другой момент, который нужно учесть, чтобы отличить заимствование от субстрата, — это распределение элементов по всей территории.

Я процитирую свою старую работу:

«Осетинские элементы в балкарском и карачаевском языке не могут быть объяснены распространением из нынешней Осетии.

В этом случае количество этих элементов резко убывало бы с востока на запад и в далеком Баксане или Карачае не могло быть значительным. Между тем, на Баксане и Карачае аланизмов не меньше, причем некоторые из них не встречаются в Верхней Балкарии».

Вывод ясен. Осетинские элементы в балкарском и карачаевском языках не результат заимствования от современных осетин, а наследие старого алано-

тюркского смешения, происходившего во всех ущельях от Черка по В. Кубани до Теберды.

В некоторых случаях в балкарском и карачаевском языках отложились более старые аланские формы чем в современном осетинском: осетинское — *Амистол* (название летнего месяца), балкарское *Абустол* (от слова «апостол»), осетинское *дзакъан*, балкарское *сыгын*, древнеиранское *сакан* (кизяк), осетинское *Урузмаз*, балкарское *Урузман*, армянское *Варазмян* и др.

Еще один момент. Целый ряд слов, которые распознаются как аланские, в осетинском исчез, в балкарском сохраняется: *дорбун* (пещера), *лухдун* (дубина) и др.

Наконец, еще один существенный факт: в Балкарии сохранился древнеиранский десятичный счет, который в осетинском исчез; его удалось зафиксировать только в некоторых дигорских районах у пастухов, которые сами называют его «балкарским» счетом.

В 1955 г. в Ленинграде проходила сессия Института языкознания о субстрате, материал этой сессии вошел в одиннадцатый выпуск «Докладов и сообщений Института языкознания Академии наук». Все, кто интересуется проблемами субстрата, найдут там много интересного. Основной тезис, который там отстаивался: субстрат не есть лингвистическое явление. Субстрат накладывает отпечаток на все стороны этнической культуры, решительно на все, начиная от формы черепа и кончая способом погребения. И мы как раз видим, что схождения балкаро-карачаевского с осетинским выступают не только в языке, но охватывают все стороны жизни.

В заключение могу сказать, что все материалы, которыми мы располагаем, доказывают неоспоримо, что балкарцы, карачаевцы — кавказские народы, они оформились на аланском субстрате, аланский субстрат — это не догадка, не предположение, это не гипотеза, это прочно установленный научный факт, на который может смело опираться каждый, кто занимается историей и культурой карачаевского и балкарского народов.

С другой стороны, ясно, что аланский субстрат не решает проблему этногенеза балкарцев и карачаевцев в целом.

Аланский субстрат вступил в действие где-то между X и XIV вв., когда произошло заселение горных ущелий тюркоязычными племенами.

Что было до этого, кто был носителем этой тюркской речи, какая была их культура до того, как они попали в ущелье, какое место занимает их язык в исторической диалектологии тюркских языков, — по этим вопросам должны высказать свое веское слово наши историки и тюркологи.

А. И. РОБАКИДЗЕ И Р. Л. ХАРАДЗЕ

К ВОПРОСУ О СВАНСКО-БАЛКАРСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

Работа над изучением этнографии сванов привела к необходимости подробно ознакомиться с культурой и бытом народов, являющихся исторически ближайшими соседями сванов, в первую очередь — балкарцев.

С этой целью в 1958 г. состоялась Балкарская этнографическая экспедиция Института истории АН ГССР¹, которая выявила данные, относящиеся и к сванско-балкарским этнокультурным взаимоотношениям.

В настоящем докладе излагаются материалы, главным образом, по генеалогиям, некоторым памятникам материальной культуры, а также отдельные примеры из области топонимики и хозяйственной терминологии в связи с вопросом о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях.

Вопрос о сванско-балкарских этнокультурных отношениях на этнографическом материале в научной литературе специально не ставился, однако в исторических и путевых заметках о Балкарии, а также в отдельных статьях по Сванетии имеется достаточный материал, указывающий на эти взаимоотношения. Такими в первую очередь являются зафиксированные в литературе XIX в. отдельные балкарские и сванские предания, отражающие различные моменты их взаимоотношений.

---

¹ Краткий отчет о результатах работы экспедиции. См. А. И. Робакидзе. По следам одной экспедиции. Газета «Заря Востока» № 44 (10458) за 1958 г.

В экспедиции, помимо работников АН ГССР, принимали участие научный сотрудник научно-исследовательского института Кабардино-Балкарской АССР Адилгери Соттаев и педагог Сагит Шахмурзаев.

Так, например, в записанном В. Миллером известном сказании о двух братьях, Басиате и Бадиляте, содержатся указания о наличии сванского этнического элемента в среде балкарцев².

В. Миллером и М. Ковалевским записано и другое предание, в котором сказано, что «Родоначальник Балкаруковых, Анфако, был родом из фамилии Болатуко, которая до сих пор живет в Абадзехии; разделившись с братьями, абадзех Анфако решил выехать с родины и первоначально пришел в Баксанское ущелье, в верховьях Баксана он застал сванов»³.

Любопытно, что сваны балкарцев называли горцами или сауарами и никогда не называли их татарами. Балкарцы же сванов и рачинцев называли эбзе, что замечено еще Н. А. Карауловым, который писал: «Соседи балкар: сванеты (ibsa), мингрельцы (марган) и абхазцы (кызыл-бек), за Главным хребтом, зоргки (дигор)...»⁴

Таковы некоторые отрывочные литературные данные, основанные на отдельных преданиях, в которых упоминается о наличии сванского элемента на части территории современной Балкарии.

В записанных Б. Нижарадзе легендах отмечается, что в сел. Гагиш Баксанского ущелья ранее проживали выходцы из сел. Гъэшдэр (Парского общества Сванетии), принужденные впоследствии вернуться на свое прежнее местожительство, как здесь сказано, из-за испытываемого ими там недостатка в хлебе. За ними все еще долго сохранялось данное им сванами насмешливое имя цхъамшу мэКидэ — «умирающие от опьяняющего плевела», который преобладал во флоре Баксанского ущелья; подразумевалось, что жители сел. Гагиш вместо хлеба в пищу употребляли плевелы.

² Терская область. Археологические экскурсии В. Миллера. МАК, VIII, в. 1, М., 1888, стр. 79.

³ В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Журнал «Вестник Европы», 1884, стр. 562.

⁴ Н. А. Караулов. Балкарцы на Кавказе. СМОМПК, 38, Тифлис, 1908, стр. 135.

Относительно термина «эбзе» и вообще сванско-балкарских языковых взаимоотношений см. Н. Я. Марр. Балкаро-сванские скрещения. Избранные работы, т. IV, М.—Л., 1937, стр. 197; е го же. Предисловие к книге Б. Ковалевского «В стране снегов и башен», М., 1930, стр. 7.

И. Иванюков и М. Ковалевский, со своей стороны, тоже описывают аналогичный случай, касающийся уже жителей Местийского общества Сванетии по фамилии Гоштелиани, являвшихся выходцами из Чегема. «Куштелиани, — сказано там, — выходцы из Чегема»⁵. Эти факты полностью совпадают с установленными у сванов преданиями о некоторых семьях — выходцах из Балкарии. В этих преданиях, однако, оставалось неясным, являлись ли они по своему этническому составу балкарцами или же сванами — жителями Баксанского и Чегемского ущелий. Такими считаются, например, латальские Хергиани, кальские Хардзани и даже те мулахские Гуджеджиани, часть которых, проживающая в Балкарии, себя относит к сванскому происхождению.

Особое значение с точки зрения нашей темы имеют памятники материальной культуры, главным образом оборонительные башни сванского типа. Сохранившиеся до нашего времени на территории Балкарии некоторые боевые башни сванского типа не могли в свое время не привлечь внимания путешественников и исследователей. И действительно, на этот факт в свое время в литературе было обращено внимание.

Так, например, В. Миллер и М. Ковалевский о Чегемской башне пишут: «Действительно, предания о построении башни в Чегеме говорят, что для ее сооружения обратились к сванетам»⁶. В. Миллер в другом месте говорит то же самое в следующей форме: «См., например, предание о построении башни в Чегеме каменщиками, вызванными из Сванетии»⁷. И далее в той же работе автор пишет: «Другой замок, до сих пор хорошо сохранившийся и обитаемый потомками строителя, посетили мы в ауле Чегеме... Строитель башни Ахтуган, по преданию, сообщенному нам Али-Мурзой Балкаруковым, вызвал для ее постройки мастеров из Сванетии, чем, вероятно, объясняется ее отличие от общераспространенного типа. Судя по числу поколений между Ахтуганом и его потомком Али-Мурзой, башня

⁵ В Сванетии. Из путешествия И. Иванюкова и М. Ковалевского. Журнал «Вестник Европы», 1888, т. V, кн. 8, стр. 604.

⁶ В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Стр. 551.

⁷ Терская область. Археологические экскурсии В. Миллера, стр. 71—72.

Боевая башня в Верхнем Чегеме.

Балкаруковых была построена не более 150 лет тому назад»⁸. Одна из ранних публикаций макета Чегемской башни приведена Г. Бушаном⁹.

В последнее время вопроса о Чегемской башне коснулся Л. И. Лавров в связи с проблемой расселения сванов на территории Северного Кавказа. По словам Л. И. Лаврова, «При слиянии р. Жылгы с р. Чегемом стоит старинная боевая башня, построенная в стиле, который не известен на Северном Кавказе. Она увенчана парпетом, в точности воспроизводящим форму парпета многочисленных башен Сванетии»¹⁰.

И действительно, обмеры этой башни, произведенные нашей экспедицией, и сравнение данных обмера с соответствующими данными сванских башен подтверждают ранее высказанное соображение о полном их сходстве. Габариты Чегемской башни, ее форма, соответствие между горизонтальным сечением башни у основания и у парпета, количество бойниц и их характер, способ закладки высокого фундамента с заполнением всего пространства, в результате чего дверь остается на известном расстоянии от земли, а также техника выведения стен на особом растворе не оставляют сомнения, что эта башня построена руками свана.

Строгая локализованность территории бытования башен данного типа, в частности ее распространение лишь в Сванетии и горной Раче, которая составляла историческую территорию Сванетии, а также в Балкарии и Карачае, является дополнительным аргументом к вышесказанному.

Однако вопрос о конкретных условиях строительства этих башен остается открытым. Л. И. Лавров в вышеприведенном месте цитированной статьи говорит о том, что «Народная молва приписывает постройку этой башни сванским мастерам». В другом месте той же статьи Л. И. Лавров пишет: «То же самое приходится сказать и о Чегемском ущелье, где, кроме башни, построенной в сванском стиле, нет других следов **пребывания сванов**» (подчеркнуто нами. — А. Р., Р. Х.), принимая тем самым

⁸ Указанная работа, стр. 77—78.

⁹ Buschan. Illustrierte Volkerkunde, II. Stuttgart, 1926, рис. № 511.

¹⁰ Л. И. Лавров. Расселение сванов на Северном Кавказе «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952, стр. 337.

паличие в Чегеме сванской башни за факт, подтверждающий присутствие здесь сванского этнического элемента. Вс. Миллер, анализируя предания, связанные с этими башнями, говорит: «... можно думать, что построение Абаевских башен восходит, по крайней мере, за 300 лет тому назад, а башни, построенные туземцами-сванетами (Таулулар) до прихода Басиата, относятся к еще более отдаленному времени»¹¹.

Территория распространения сванских башен в Балкарии не ограничивается Чегемом; они встречаются и в других ущельях Балкарии. Имеется в виду башня сел. Безенги, которая хотя и не сохранила парапета, по всем остальным признакам отличается от других балкарских башен и проявляет несомненное сходство со сванскими башнями. Местное население эту башню именует «Эбзе-къала» (сванская башня) и до сих пор сохранило о ней небезынтересное предание. Со слов столетней жительницы сел. Безенги, Гыдай Аттойланы, вышедшей замуж из сел. Мухол, экспедиция записала следующее: «Отец моего мужа, Улан Аттойланы, рассказывал, что давным-давно тут жили эбзе и они строили эту къала, которую мы называем Эбзе-къала. Они жили в Безенги и были по фамилии Рахайлары»¹².

Предание, связанное с Жабоевской крепостью, считает, что и эта крепость принадлежала Отарларам, т. е. фамилии, которая является ветвью сванских Дадешкелиани-Отаршерами.

В связи с вопросом о памятниках материальной культуры в интересующем нас аспекте определенное значение имеет сообщение А. Фирковича, который описывает одну церковь в районе Безенги «...длиной в 5¹/₂, шириной 3³/₄, высотой 4¹/₄ арш., на стенах которой изображены альфреско 11 ликов угодников божьих и видны

¹¹ Терская область. Археологические экскурсии Вс. Миллера, стр. 79.

¹² В докладе Э. Б. Бернштейна «Об архитектурном стиле балкарцев и карачаевцев», вызвавшем большой интерес сессии богатым иллюстративным материалом, была представлена зарисовка Безенгийской эбзе-къала, выполненная Э. Б. Бернштейном в 1937 г. В то время парапет башни еще не был разрушен, и, таким образом, зарисовка Э. Б. Бернштейна, указывая на типично сванский парапет Безенгийской башни, дает нам возможность говорить совершенно утвердительно о том, что Безенгийская башня также представляет полную аналогию сванской.

полуистертые грузинские надписи»¹³. Этим надписей касаются и Вс. Миллер¹⁴ и Л. И. Лавров, однако первый обходит молчанием значение грузинских надписей, а последний считает возможным объяснить этот наиболее значительный факт, среди разбираемых им в этом случае других источников, наименее вероятными обстоятельствами. В частности, Л. И. Лавров считает, что эти надписи могли быть сделаны «одиноким картвельским строителем, богомазом или священнослужителем»¹⁵.

Вопрос о том, почему этот богомаз местом своего уединения избрал именно Безенги, все-таки остается без объяснения.

Для более позднего периода, в частности уже для XIX в., экспедицией собран материал, указывающий на широкую практику привлечения грузинских (рачинских) мастеров, которые строили дома, главным образом, в Баксанском и отчасти в Чегемском ущельях, заметно отличающиеся, однако, от типичных балкарских домов. характерных для Черекского ущелья.

Наличие грузинской церкви в районе распространения сванских башен, по нашему мнению, говорит в пользу тезиса о наличии на территории современной Балкарии сванских поселений, характеризующихся не завершенным еще процессом ассимиляции, протекавшим на балкарской основе.

Далее, говоря об этнических связях и культурных взаимоотношениях сванов и балкарцев, нужно особо отметить указания на существование торговых взаимоотношений и на установившееся между ними куначество, которое еще больше способствовало созданию добрососедских отношений. Здесь могут быть приведены некоторые любопытные в этом отношении сведения. Так, например, Н. П. Тульчинский в своем описании указывает, что «Главными покупателями рогатого скота являются имеретины Рачинского уезда Кутаисской губернии и соседняя Сванетия. Первые почти ежегодно закупают большие гурты скота и перегоняют их через перевал Штула; вторые,

---

¹³ А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. Труды восточного отделения Археологического общества, ч. III. СПб, 1858, стр. 132.

¹⁴ Терская область. Археологические экскурсии Вс. Миллера. стр. 75.

¹⁵ Л. И. Лавров. Указанная работа, стр. 342.

кроме покупки, состоят в качестве работников у горцев, получают большую часть скота в виде оплаты; главным поставщиком для сванетов — Баксанское ущелье»¹⁶.

Н. Ф. Грабовский также писал, что «скот главным образом сбывается горцами сванетам»; там же говорится относительно обработки шерсти у балкарцев и карачаевцев, о ее специальном назначении: «Баранья шерсть в необработанном виде не идет в продажу, из нее готовятся в горах бурки, туземное сукно и т. д. Излишек этих изделий от удовлетворения домашних потребностей поступает в продажу на плоскость, в Сванетию и преимущественно в Рачинский уезд Кутаисской губернии»¹⁷.

Весьма интересные сведения имеются у М. З. Кипиани, который специально отмечает взаимоотношения сванов с жителями Баксанского ущелья. М. З. Кипиани пишет: «Сванеты находят некоторый заработок в Баксанском ущелье, и их всегда можно найти здесь сотнями». Автор говорит также и о тех отношениях, которые устанавливаются путем найма, целью которого в основном является сближение рачинцев с балкарцами и карачаевцами. «Рачинцы, — пишет он, — отдают даже своих мальчиков в услужение горцам, в особенности карачаевцам, на самых невыгодных для себя условиях. Так, например, мальчик лет 10-ти за семилетнюю службу получает всего около 20 коз и по окончании срока, весьма счастливый, отправляется с ними домой. Весь интерес в данном случае заключается в том, что мальчик изучает язык и заводит знакомство и близкие отношения с карачаевцами, что очень важно для него, так как, опираясь на них, он впоследствии может вести торговлю»¹⁸.

По сообщению В. Тепцова, «Рачинцы имеют даже свои убогие лавчонки в некоторых обществах и нанимаются в батраки к горским узденям»¹⁹.

¹⁶ Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды. «Терский сборник», вып. V, Владикавказ, 1903, стр. 188.

¹⁷ Н. Ф. Грабовский. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. III, Тифлис, 1870, стр. 10.

¹⁸ М. З. Кипиани. От Казбека до Эльбруса. (Путевые заметки о нагорной полосе Терской области.) Владикавказ, 1884, стр. 19.

¹⁹ В. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, в. XIV, 1892, стр. 61.

Установление и сохранение дружеских отношений с соседями было одним из главных дел горских общин. Б. Нижарадзе описывает один инцидент, возникший между сванами и балкарцами. Автор пишет, что однажды пришли в Ушгулу из Балкарии Деветгер Мурзакулов и его дядя с целью ограбления церкви. Деветгер с награбленным скрылся, дядю же сваны задержали и потребовали возвращения всех взятых из церкви ценностей. Вся Малкария (подразумевается Малкар-аузу), пишет Б. Нижарадзе, была возмущена таким поступком Деветгера, так как между ушгульцами и балкарцами должны были после этого испортиться издревле установленные добрососедские отношения, в силу которых они до сих пор имели возможность между собой общаться и свободно пользоваться всеми перевалами. Общий совет Малкар-аузу потребовал от Деветгера немедленно вернуть обратно в храм святой Марии похищенные им отсюда венцы и удовлетворить на месте всех жителей Ушгулу²⁰.

С другой стороны, в сванских исторических документах XIV—XV вв. также говорится об обязательстве всей общины участвовать в выплате виры за причиненный какой-либо ущерб соседям одним из членов общины и о наказании виновника этого ущерба взиманием с него специального штрафа — *hibара*²¹.

Установившиеся между сванами и балкарцами взаимоотношения способствовали разработке местными жителями маршрута через Главный Кавказский хребет в отдельности из каждого общества Балкарии к сванам и рачинцам. Этот вопрос также достаточно был отражен в литературе XIX в. Так, например, Н. П. Тульчинский²² подробно описывает все эти перевалы — Юсенги, Донгуз-Орун, Еспер-Азау и др. М. З. Кипиани дает подробное перечисление перевалов и троп, ведущих из каждого общества Балкарии в Сванетию и горную Рачу²³. Факт этот с точки зрения культурно-исторических взаимоотношений достоин особого внимания. Сванские селения, гра-

---

²⁰ Т. С в а н и. Описание Ушгули. «Иверия», 1888, № 68, стр. 1. (На грузинском языке.)

²¹ П. И н г о р о к в а. Исторические памятники Сванетии, вып. II. Тбилиси, 1941, стр. 44, док. 33. (На грузинском языке.)

²² Н. П. Т у л ь ч и н с к и й. Указанная работа, стр. 191—192.

²³ М. З. К и п и а н и. Указанная работа, стр. 19—20.

ничащие с северной стороны с Балкарией, отделены от нее Кавказским хребтом. Весьма любопытно, что каждое ущелье Балкарии, связанное со Сванетией своими перевалами, соединяло отдельные балкарские «аузу» со сванскими «хев».

Широко был развит между сванами и балкарцами обмен. Сваны и рачинцы переводили в Балкарию лошадей грузинской, в частности мегрельской, породы, ввозили туда грузинский шелк, подковы для лошадей, сушеные фрукты и т. п., а оттуда, как это было видно из приведенных выше литературных данных, перегоняли в сванские и рачинские села крупный рогатый скот.

В связи с вопросом обмена между балкарцами и сванами исключительное значение приобретает сообщение Арсена Ониани²⁴, сделанное им в связи со сванским топонимом, в частности, приведенное им предание о выработке свинца, часть которого отправлялась в Балкарию в обмен на шерсть и шерстяные изделия. Снабжение балкарцев военно-стратегическим сырьем является фактом, подтверждающим наличие общности жизненно важных интересов, не всегда умещавшихся в обычное понятие добрососедских отношений.

Из Баксанского ущелья переходили через Бечойский перевал и Донгуз-Орун в Бечо, а в Местиа попадали через Лекзирский перевал. Самой высокой и трудной была Безенгийская стена, но и здесь жители Хуламо-Безенги связывались с мулах-мужальскими селениями Сванетии через перевал к Цанерскому леднику. Из Черекского аузу Шарифцыкским перевалом переходили в горную Рачу. Этими перевалами и сейчас пользуются, указывая на их особое значение в прошлом, о чем свидетельствуют и вышеприведенные описания.

Имея в литературе XIX в. сведения о добрососедских отношениях сванов с балкарцами и о развитии между ними обмена, торговли и куначества, о перевалах и маршрутах, выработанных веками, нужно, однако, заметить, что совершенно не был в литературе затронут вопрос о процессе взаимной ассимиляции сванов и балкарцев, который продолжался на протяжении веков.

---

²⁴ А. Ониани. Экономическая характеристика Нижней Сванетии. Рукопись Архива отд. этнографии Института истории АН СССР, № 365, стр. 10. (На грузинском языке.)

В этом отношении можно отметить лишь современные нам работы, например работу Х. О. Лайпанова, в которой отмечено, что в основную «группу в течение веков вливались различные мелкие этнические элементы, осетины, кабардинцы, сваны, абазины и г. д.»²⁵. Так образовался, по мнению автора, карачаево-балкарский народ, впитавший в себя много иноязычного элемента.

Установление этого сложного процесса подразумевает тщательное изучение конкретного материала, основанного на генеалогиях как одной, так и другой стороны, что должно было уже стать объектом специального исследования этнографов. Начав изучение генеалогии сванских фамилий и их разветвлений — «самхубов», еще в 1935 г., мы обратили внимание, вместе с преданиями об отдельных выходцах из Карачая и Балкарии, и на ономастикон. В этом отношении особенно выделялись собственные имена Мулахской общины Верхней Сванетии и, в частности, фамилии Гуджеджиани, что было установлено путем систематического изучения на протяжении ряда лет большого числа генеалогий различных фамилий и самхубов как Верхней, так и Нижней Сванетии²⁶. Для примера здесь может быть названа генеалогия самхуба фамилии Гуджеджиани, которая впоследствии оказалась интересной и в другом отношении, о чем более подробно будет сказано ниже. В самхубе Гуджеджиани удалось установить генеалогию, восходящую до VIII колена. Первые три поколения здесь резко отличаются от пяти последующих особенностью ономастикона, который мы здесь частично приводим: Мырза, Алмырза, Атмырза, Шахмырза, Бекмырза, Бимырза, Кемза, Джамбулат, Джауба, Ахым, Кучук и др. Все эти имена, как правило, встречаются в первых трех поколениях самхуба Атмырзаша. С IV поколения картина резко меняется, эти имена почти совсем исчезают, уступая место грузинским.

Указанный сванский ономастикон трех первых поколений близко стоит к балкарскому, где также имеются различные варианты, образованные от Мырза и Кучук,

²⁵ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. 1957, стр. 24

²⁶ Р. Я. Харадзе. Пережитки большой семьи в Сванетии. Тбилиси, 1939. Приложение: генеалогические таблицы. (На грузинском языке)

что устанавливалось нами в Балкарии путем составления генеалогий древних балкарских «тукъумов». С этой целью с помощью стариков составлялись на местах подробные таблицы с указанием села, тукъума, сословия, предания об этническом происхождении, наименования всех имеющих в селе угодий: сенокосов, пахотных участков, пастбищ и выгонов, с обозначением их принадлежности и уточнением формы собственности, а также приведены наименования всех крепостей — къала, по отдельным селам, а иногда и тукъумам.

Там же были выявлены генеалогии отдельных тукъумов, относящихся по преданию к эбзе, что также внесено в соответствующую графу таблицы.

Таким образом, наряду с генеалогиями, указывающими на балкарское происхождение сванских самхубов, существуют предания и о наличии балкарских тукъумов сванского происхождения.

Мы считаем необходимым остановиться в нашем докладе хоть частично и на этом конкретном материале.

Путем сравнительного изучения генеалогий балкарских тукъумов и сванских самхубов установлено, что в Балкарии до настоящего времени продолжали жить потомки сванов, которые, несмотря на ассимиляцию с балкарцами, не теряли память о своем происхождении и не прекращали с последними родственных взаимоотношений, укрепляя их на протяжении веков различными видами обязательств.

К примеру здесь могут быть названы из составленного нами списка балкарских тукъумов, происходящих по преданиям и по отдельным генеалогиям от сванов, в первую очередь Шехмырзалары и Атмырзалары и сванские самхубы — Шехмырзашерал и Атмырзашерал, подтверждающие свое общее происхождение как балкарскими преданиями, так и сванскими һаракI-ами, а также генеалогиями. На генеалогической таблице фамилии Гуджеджиани у нас указаны отдельные разветвления из этой фамилии по самхубам Атмырзашерал и Шехмырзашерал, к которым должны были в свое время принадлежать и Атмырзалары и Шехмырзалары, сохранившие общее фамильное наименование с изменением лишь соответствующего аффикса принадлежности — сванского «шер» и балкарского «лары».

То же самое можно сказать о балкарских Курдала-

ры и сванских Курдианшера; о балкарских Жаболары или Отарлары и о сванских Отаршерах, составлявших ветвь фамилии Дадешкелиани; о балкарских Кучуклары и сванских Кучкиани, а также о балкарских Соттайлары, относящихся по своему происхождению к сванской фамилии Кипиани. О принадлежности Соттайлары к фамилии Кипиани упоминается и в заметках одного из вышеприведенных авторов, М. З. Кипиани, который пишет: «Один из моих однофамильцев, Ахия Соттаев (Кипиани), живущий в ауле Урусбиева»²⁷. И, наконец, то же самое можно сказать и о происхождении Шванлары, которые, помимо преданий, сохранили в своем наименовании сванский этноним в сванском же оформлении. Такие же родственные связи устанавливаются и между балкарцами и горными рачинцами, как например, балкарскими Рахайлары и рачинскими Рехвиашвили, жителями сел. Глола, исторически принадлежащего Сванетии. Привлекает внимание также наличие в Балкарии грузинской фамилии Эристави в форме Эриставлары.

В развитии и укреплении сванско-балкарских связей известную роль сыграли и браки между представителями привилегированных сословий Балкарии и Сванетии. По сообщению А. Н. Стоянова, сестра Тенгиза Дадешкелиани, вышедшая замуж за Адылгирея Урусбиева, «привела с собой несколько сванских семейств»²⁸.

Родственные взаимоотношения между имеющими общее происхождение сванскими самхубами и балкарскими тукъумами оказывались, например, во взаимной помощи, оказываемой ими друг другу во время выдачи виры за кровь, в предоставлении убежища преследуемому однородцу, во взаимном участии в погребальных обрядах, в свадебных пиршествах и т. д. Мы позволим себе остановиться здесь также на одном случае, говорящем о существовании в прошлом общего у балкарцев со сванами родового имущества. Совсем недавно вышеупомянутые нами Шехмырзашералы, делившие в Мулахской общине Сванетии древнее имущество самхуба, прислали за балкарскими Шехмырзалары и просили их присутствовать при разделе родовой башни и винокуренного

²⁷ М. З. Кипиани. Указанная работа, стр. 17.

²⁸ А. Н. Стоянов. Путешествие по Сванетии. Тифлиси, 1876, стр. 367.

чугунного котла, остававшихся у них до тех пор в общем пользовании самхуба, откуда им должна была быть выделена их братская доля. Шехмырзалары им на это ответили, что они «свою долю, так же как и свое сердце, навеки оставляют им». Аналогичные примеры можно было бы умножить, но это заняло бы слишком много времени.

Таким образом, сванские генеалогии, балкарские и сванские предания, ономастикон и сохранившиеся на территории Балкарии памятники материальной культуры свидетельствуют о взаимном вкладе сванов и балкарцев в их культурно-этническую жизнь.

Вышеприведенные материалы относятся к области генеалогий, ономастикона, преданий, и этим определяется их значимость: бесспорным свидетельством для более ранних периодов они служить не могут. Однако подтверждение балкарских преданий сванскими и сванских балкарскими, а также отражение этих традиций в преданиях соседних народов значительно увеличивают их научную ценность. Во всяком случае сам факт столь стойкого бытования взаимно подтверждающих преданий указывает на наличие в сознании этих народов таких представлений, возникновение которых без предположения об общности происхождения было бы трудно объяснить.

Сванско-балкарские связи находят отражение в орогидротопонимике, в хозяйственной терминологии и в некоторых терминах, связанных с жилищем. Не отрицая наличия и значения топонимической номенклатуры осетинского и иного происхождения на территории Балкарии, мы приведем несколько примеров из области сванско-балкарских параллелей. Правда, эти параллели не всегда составляют исключительную принадлежность сванско-балкарской топонимике и относятся к общности более широкого порядка. Вместе с тем в большинстве случаев не удастся проследить за исходной формой топонимических наименований и направлением их распространения. Несмотря на это, думается, что на данном этапе изучения сванской и балкарской топонимике нижеприведенные примеры не лишены интереса.

Этот вопрос уже обратил внимание некоторых исследователей Балкарии, в результате чего мы имеем ряд фактов, подтверждающих наличие сванской топонимике

на территории Балкарии, а также балкарской — на территории Сванетии. К этим фактам относятся, например, такие топонимические данные, как Уччулан — Уштул, Хумара — Цхумар, Лашкута — Лашхети²⁹ и т. д. Однако эти данные относятся почти исключительно к Баксанскому ущелью и к верховьям реки Кубани, а основные и традиционные ущелья Балкарии остаются без внимания.

Балкарская этнографическая экспедиция 1958 г. обратила внимание также на некоторые данные топонимики, имеющие сходство с аналогичными данными Сванетии.

В Баксанском ущелье, в частности, внимание экспедиции привлекло наименование *кылды*, которое ассоциируется со сванским *кхъалдэ*, хотя каких-либо преданий в связи с этим экспедицией не было зафиксировано.

Особое внимание привлекают сванско-балкарские топонимические параллели в районах Балкарии, расположенных восточнее Баксанского ущелья. В этом отношении отличается Чегемское ущелье, в котором засвидетельствовано наименование *Лыуарда* (горное пастбище сел. Эльтюбю), по нашему мнению, также соответствующее мегрельскому *Лэбардэ*, если принять во внимание, что в данном случае *лэ* является типично сванской частью, особенно широко употребляемой при образовании топонимических наименований (*лэ-шукI*, *лэ-чхъуми*, *лэ-сэма* и т. д.), и отсутствие в обычной балкарской топонимике окончания *-да*. Есть основание также поставить вопрос и о взаимоотношении между балкарским и сванским *Къала-Къол* (сенокосы сел. Былым в Чегем-Аузу). Данным наименованием в Сванетии обозначается довольно сильное укрепление в верховьях реки Цхенисцхали, выше сел. Махаши. Б. Нижарадзе в связи с данным пунктом, называемым им Накалакв, говорит, что по этому ущелью проводят, а также, видимо, и раньше проводили большое количество скота из Осетии — Малкар — Дигории для продажи в Лечхуми. Оборонительные башни в этом месте (такие башни, кстати сказать, следуют по обе стороны реки, на значительном расстоянии ниже указанного места) Б. Нижарадзе объясняет наличием здесь таможенного пункта.

²⁹ Л. И. Лавров. Указанная работа, стр. 338.

Наименование реки *Хеу* (около селения Аушигер) сохранило чисто сванскую форму *Кхъэу*, которым обозначается река, ущелье, община. В Сванетии имеется и селение под наименованием *Кхъэ*.

К сфере сванско-балкарских топонимических параллелей относятся также: *Мыхъылдаш* (наименование пастбища в Латали) и балкарское селение *Мухъол*; сванское *Клამыкъ* (наименование покосов в Ушгулу) и балкарское *Къымыкъ*; сванское *Лэсхан* (наименование места в сел. Пакъу) и балкарское *Лэсклэн* и т. д.

В области хозяйственной терминологии встречается наименование *махъар*, которым балкарцы обозначают сорт зерна, вывезенного, по словам балкарцев, из страны эбзе. Этот вид зерна имеет отличительные признаки, в частности, красный цвет муки, клейкое тесто и высокую питательность хлеба.

Терминами *махъа* и *зандури* в грузинском обозначаются древнейшие и эндемные для Грузии хлебные злаки. Эти термины давно привлекали внимание исследователей: они сравнительно хорошо изучены и в ботаническом, и в лингвистическом, и в культурно-историческом отношениях.

В частности, *махъа* (*Triticum macha* Dek. et Men.) обнаружена в археологических культурах на территории Грузии, и это говорит о давности ее бытования у кавказских племен. Отсутствие этого сорта пшеницы в других странах указывает на ее эндемичность³⁰.

Как установлено И. А. Джавахишвили, вышеуказанный термин в различных формах встречается помимо Грузии у многих народов Кавказа³¹. Старший научный сотрудник Института языкознания АН ГССР Отиа Кахадзе этим терминам посвятил специальное исследование³².

Нами установлено, что в сванском языке (Местия) форма *махъар* употребляется в качестве наименования

---

³⁰ В. Л. Менабде. Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Колхиды. Сообщения АН ГССР, т. I, 6, № 9, Тбилиси, 1940, стр. 687—688.

³¹ И. А. Джавахишвили. Наши задачи в области языкознания и истории культуры. Известия ИЯИМК, т. I, Тбилиси, 1937, стр. 5—6. (На грузинском языке.)

³² О. Кахадзе. О некоторых грузинских терминах хлебных злаков. Рукопись. (На грузинском языке.)

одного сорта ячменя. Наличие удлиненного *ар* в сванском термине *махъар* дает основание говорить о том, что в этом случае мы имеем дело с суффиксом множественного числа или так называемым собирательным суффиксом, и, таким образом, сванская *махъар* является вполне закономерной формой картвельского языка.

Сопоставление *махъа*|*махъар* с параллельными формами из области других иберийско-кавказских языков, с одной стороны, и с балкарской — с другой, приводит к небезынтересным выводам. В частности, выясняется, что из всех известных нам дериватов *махъа* в языках Кавказа (*окхъ* — чарский; *макхъа* — дидойский и хваршинский; *укхъа* — ахвахский; *охъ* — бежитинский; *Ю* — хашалхутский; *Юнгъ* — тлядадский; *Юһ* — хунзахский; *мукхъи* — даргинский; *маһар* — кубачинский; *кхъа* — лакский; *мохъ* — лезгинский и *махъа* — арчинский³³) лишь балкарская форма — *махъар* является абсолютно идентичной сванской форме.

То же самое наблюдается и в отношении термина, обозначающего горох полевой, который в Балкарнии, в частности в Баксанском ущелье, представлен в форме *клубыдору*, а в сванском — *гъэдэр*. Аналогичные формы наименования гороха встречаются и в других кавказских языках, в частности *удар*, *удри* (таб.), *удудура* (аг.), *твар* — *тварци* (лезг.)³⁴. Однако и в этом случае наибольшая близость проявляется именно между сванской и балкарской формами.

К этому же ряду явлений относится и балкарское наименование овса — *зынтыхъ*, которое в сванском представлено в форме *зынтхъы*. Это наименование увязывается с грузинским *зандури*³⁵.

О том, что этот термин балкарским (и осетинским) заимствован из иберийско-кавказских языков, нам свидетельствует В. И. Абаев³⁶, но — в частности, из какого? Сванским соответствием *зандури* является *зынтхъ*.

³³ О. Кахадзе. Названная рукопись.

³⁴ М. Гаджиев. Дагестанское языкознание за сорок лет. Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР, ИЯЛ им. Г. Цадасы, Махачкала, 1958, стр. 318.

³⁵ Н. Ломоури. Зерновые культуры. Тбилиси, 1940. (На грузинском языке.)

³⁶ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л. 1949, стр. 59, 295–296.

В кабардино-абазинском мы имеем *зынтхъы*. О. Кахадзе в вышеприведенной статье пишет, что *занд*||*зант*||*зынт* представляют собой основу, а *ур*, *хъ* и *хъы* являются суффиксами соответственно грузинского, сванского и кабардино-абазинского языков.

К этой же общности относится наименование пищевого растения, употребляемого горцами, которое в грузинском и сванском представлено в форме *дуци*, а в балкарском — *дусу* (*Agasyllis latifolia*)³⁷.

Что же касается некоторых терминов, связанных с жилищем, то в этом направлении привлекает внимание балкарское наименование части дома, а иногда и отдельной пристройки — *гуму* и сванское *гуэм* в том же значении, а также балкарское наименование надочажного перекрытия — *цалман* и сванское *цалмаг*.

Особый интерес вызывает балкарское наименование огороженного места для скота — *бау* и сванское наименование параллельной хозяйственной базы, устраиваемой в качестве временной стоянки скота, в той же форме. В сванском мы имеем и производные от *бау*, в частности *лабау* и *бауар* — наименование селения, которое образовано на базе этих параллельных хозяйств.

Таковы некоторые данные, полученные нами в результате изучения этнографии сванов, а также собранные Балкарской этнографической экспедицией в связи с вопросом о сванско-балкарских взаимоотношениях.

Вышеуказанные данные, со своей стороны, подтверждают точку зрения, согласно которой балкарцы являются органической частью исторически сложившейся общности на территории Центрального Кавказа, проявившейся не только в экономических, политических и культурных, но и в этнических связях балкарцев со своими ближайшими соседями.

Этими обстоятельствами объясняются и те многочисленные схождения, которые наблюдаются в различных областях культуры и быта балкарцев и эбзе.

---

³⁷ Об этом сообщил член Балкарской ботанической экспедиции Ин-та ботаники АН ГССР Реваз Гагнидзе, за что приносим благодарность.

Х. А. ПОРКШЕЯН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ В СВЕТЕ ЛЕТОПИСИ ХАЧАТУРА КАФАЕЦИ

Историки до сих пор не располагают точными данными о прошлом балкарцев и карачаевцев. Вопрос о происхождении их всплыл в исторической науке более 300 лет назад и с тех пор изучается и дебатруется историками. Однако до настоящего времени нет общей точки зрения, подкрепленной бесспорными доказательствами.

Трудность этногенеза балкарцев и карачаевцев осложняется еще и тем, что до советизации края они не имели своей письменности, не было у них своих летописцев и их предки не оставили письменных источников о прошлом своего народа.

Плохо обстоит дело и со вспомогательными научными дисциплинами. Не выявлены еще соответствующие памятники материальной культуры. Правда, на территории, занимаемой балкарцами и карачаевцами, есть много памятников старины — могильники. Но, по данным археологии и заключению ученых Максима Ковалевского и Всеволода Миллера, найденные в шиаках черепа и предметы домашней обстановки относятся к более раннему периоду и ничего общего с нынешним населением не имеют¹.

На этой же территории много средневековых церквей и других зданий, большинство которых или разру-

---

¹ Журнал «Вестник Европы», 1884, № 4. Статья — «В горских обществах Кабарды». Из путешествия Всеволода Миллера и Максима Ковалевского. Стр. 558.

шено временем, или пришло в ветхость. Архитектура их несколько не сходна со строительным искусством балкарцев и карачаевцев, и все они относятся к периоду либо греческого, либо гунуэзского влияния.

Историки обычно в трудных случаях прибегают к помощи истории соседних и других родственных народов, изучают их прошлое.

К сожалению, и тут перспектива изучения истории балкарского и карачаевского народов этим путем очень узка. Прижатая к скалам ущелий Кавказских гор, горсточка балкарцев и карачаевцев не имеет по соседству родственников по языку племен. Соседи их — дигорцы и кабардино-черкесы сами находятся в таком же положении, не имеют письменных источников своей культуры. Правда, кабардинцы в XIX столетии имели своего выдающегося ученого и писателя Шору Ногмова. У балкарцев же и карачаевцев до установления Советской власти не было своих ученых-историков, и никто из коренных жителей не занимался изучением родной истории.

Единственным источником для изучения истории Балкарии и Карачая остаются народные предания и песни. Однако при пользовании ими необходимо проявить большую осторожность, ибо они часто противоречивы. Так, например, в Карачае существовало распространенное предание о том, что они, карачаевцы, выходцы из Крыма, откуда ушли от угнетавших их ханов. По другой версии, предводитель Карча вывел их из Турции, а по третьей версии, — из Золотой Орды в 1283 г. и т. д.

Французский ученый и путешественник Клапрот, посетивший Чегем и Карачай в начале XIX в., услышал от карачаевцев, что они выходцы из хазарского города Маджары и заняли свою нынешнюю территорию до прихода черкесов в Кабарду.

Есть предание, что балкарцы и карачаевцы «остались от хромого Тимура».

Существует много других видоизмененных преданий, противоречащих одно другому. Положить какое-либо из них в основу науки без подкрепления неоспоримыми доказательствами невозможно.

Иностранные ученые и путешественники, побывавшие в Балкарии и Карачае, иногда пытались выяснить

их происхождение. Под влиянием мимолетных впечатлений рождались поверхностные суждения, лишенные всякого серьезного значения для науки.

Первые исторические сведения о балкарцах и карачаевцах относятся к XVII в. В 1639 г. посол московского царя Федот Елчин со своей свитой ехал в Сванетию через Баксан. Здесь они застали карачаевцев и остановились у их предводителей братьев Крым-Шамхаловых. Так впервые название «карачаевцы» появилось в отчете русского посла².

Спустя несколько лет, в 1650 г., послы царя Алексея Михайловича Никифор Толочанов и дьяк Алексей Иевлев по дороге к имеретинскому царю Александру проезжали балкарские земли³. В их отчете впервые упоминается название «болхарцы».

В исторической литературе о карачаевцах впервые написал книгу в 1654 г. католический миссионер Арканджело Ламберти, о чем речь впереди.

Серьезное изучение истории Кавказа и его народностей началось с 40-х годов прошлого столетия, сначала военными историками: Бутковым, Сталем, Усларом и другими, а по окончании войны — академиками М. Ковалевским, В. Миллером, Н. Марром, Самойловичем, профессорами Леонтовичем, Карауловым, Ладыженским, Сысоевым и многими другими. Несмотря на это, вопрос о происхождении балкарцев и карачаевцев остается нерешенной проблемой.

Много написано о происхождении этих двух народностей. Еще в 1933 г. Ислам Тамбиев считал, что число существующих мнений, гипотез по данному вопросу составляет не менее девяти. Сам же он, критикуя их, высказал свое собственное, десятое мнение⁴.

Х. О. Лайпанов делит гипотезы о происхождении балкарцев и карачаевцев на семь групп и высказывает

---

² Е. Б. Белокуров. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадиановскую землю (1639—1640). Чтения в Московском императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. II, 1887.

³ М. А. Полуектов. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Иверию (1650—1652). Тифлис, 1926.

⁴ Ислам Тамбиев. Заметки по истории Кабарды. Журнал «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1933, январь-февраль.

совершенно новую точку зрения, которая не соответствует ни одному из этих мнений⁵.

В нашу задачу не входит подробный анализ этих гипотез. Цель настоящего краткого сообщения заключается в том, чтобы познакомить историков и читателей с содержанием летописи крымского летописца XVII в. Хачатура Кафаеци.

По нашему мнению, летописец Кафаеци удовлетворительно разрешает проблему происхождения балкарцев и карачаевцев.

Однако, чтобы сделать вопрос более понятным, выяснить его сущность и пути развития исторической мысли о происхождении балкарского и карачаевского народов, мы должны вкратце остановиться на существующих главных гипотезах.

Гипотеза Арканджело Ламберти. Еще в 1854 г. католический миссионер Ламберти, проживший 18 лет в Мингрелии, написал, что карачаевцы, или кара-черкесы, являются потомками гуннов⁶. Спустя 20 лет к этому мнению присоединился и французский путешественник Жан Шарден⁷.

Ламберти свое заключение основывает на двух предположениях. С одной стороны, карачаевцы «сохранили среди столь многих различных народов чистоту турецкого языка», а с другой — он прочел у Кедрина, что «гунны, от которых происходят турки, вышли из самой северной части Кавказа»⁸.

Раз турки происходят от гуннов, а карачаевцы и турки говорят на одном языке, то, по мнению Ламберти, и карачаевцы происходят от гуннов. О зихах и черкесах он говорит как о двух различных народах, а карачаевцев называет кара-черкесами. Конечно, с таким убогим багажом знаний Ламберти не мог разрешить

---

⁵ Х. О. Лайшанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.

⁶ А. Ламберти. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1913, вып. 43, стр. 192. Эта же работа Ламберти напечатана в «Записках Одесского общества истории и древностей», т. X, 1877, стр. 212—213.

⁷ «Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг.». «Кавказский вестник» № 8, Тифлис, 1900.

⁸ А. Ламберти. Указанная работа, стр. 212—213.

такой сложный вопрос, как вопрос о происхождении балкарцев и карачаевцев.

Не вдаваясь в подробности истории народов Кавказа, достаточно обратиться к истории самих гуннов, чтобы убедиться в несостоятельности гипотезы Ламберти.

Прежде всего необходимо отметить, что принадлежность гуннов к турецкому миру не является в науке общепризнанной и что много сторонников монголизма гуннов, как Ширатори Пиньо⁹.

Гунны жили в центре Азии вдоль китайской границы. Приблизительно в I в. н. э. они стали передвигаться на запад. В семидесятых годах IV в. гунны перекочевали в Европу, они опустошили Кубань, Таманский полуостров, разбили алан и меотов, перешли в Крым, навсегда уничтожили знаменитое Босфорское царство, завоевали пространство между Волгой и Дунаем, продвинулись до Рейна.

Как кочевой народ, гунны долго не задержались ни на Кавказе, ни на других покоренных землях. Они двигались на запад, побеждая сарматов, скифов и германцев. В V в. их прославленный вождь Аттила создал гуннский союз. В 451 г. он опустошил Францию, в 452 г. — Италию, а в 453 г. движение гуннов на запад прекратилось, и гуннский союз вскоре распался.

Таким образом, многочисленный гуннский союз в водовороте истории был стерт с лица земли, а маленькая кучка его, по мнению Ламберти, в течение более 1500 лет сохранялась в Кавказских горах. Невероятность этой гипотезы Ламберти станет более очевидной, если принять во внимание, что Кавказ был ареной опустошительных войн, огромных передвижений народов.

Ламберти свою мысль высказал более 300 лет назад, но она до сих пор не нашла своего хотя бы частичного подтверждения ни в науке, ни в преданиях народа.

Гипотеза Гильденштедта. Путешественник Гильденштедт, посетивший Кавказ в XVII столетии, предполагает, что балкарцы являются потомками чехов. Свое предположение он основывает на сведениях, почерпну-

---

⁹ А. Самойлович. Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926, стр. 2.

тых из одного катехизиса, изданного в Берлине, в предисловии которого сказано, что несколько столетий назад (а по другим данным в 1480 г.) богемские и моравские братья бежали от религиозных преследований и нашли спасение в горах Кавказа. Находя следы древнего христианства и, кроме того, указывая на то, что Богемия и Балкария, также как и Чехия и Чегем, начинаются с одинаковых букв, Гильденштедт считает возможным предположить, что бежавшие из Чехии братья остановились в Чегеме и основали Балкарию¹⁰.

Допустим на одну минуту, что чешские братья действительно прибыли в Чегемское ущелье и со временем потеряли свой язык. Тут невольно возникает вопрос — каким образом они приобрели тюркское наречие, когда по соседству с ними живут кабардинцы, осетины и сваны и никто из них на этом наречии не говорит?

Гипотеза Гильденштедта научно не обоснована, а гаданье его на начальных буквах «б» и «к» не заслуживает серьезного внимания.

Мнение Клапрота. Французский ученый и путешественник Клапрот, посетивший Карачай и Балкарию в начале XIX в., собирал народные предания, знакомился с жизнью, бытом и языком карачаевцев и балкарцев. На основании этих материалов Клапрот приходит к заключению, что карачаевцы и балкарцы — выходцы из хазарского города Маджары, который был разрушен Тимуром в 1395 г. и остатки которого видны и теперь на реке Куме¹¹.

Хазары фигурируют в истории со II столетия н. э. Первоначально это был особый народ со своим языком и довольно высокой культурой. В VI—VII вв. на территории Нижнего Поволжья они образовали большое царство под названием Хазарский каганат.

В VII—VIII вв. хазары жили в низовьях Волги, на Дону и предгорьях Карпатии, они подчинили себе весь Северный Кавказ, Таманский полуостров и Крым. Было поработано много племен и народностей, главным образом тюркских, которые восприняли их культуру, ассими-

---

¹⁰ И. А. Гильденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб, 1809, стр. 384.

¹¹ Клапрот. Мемуары об Азии. Париж, 1824. (На французском языке.)

часть осела в Сарматии. О пребывании «булгар» в Сарматии говорит и Сен-Мартин в своей книге²⁶.

Известный историк и кавказовед Ашот Ноапнисян, не отрицая возможности факта пребывания «булгар» на Северном Кавказе, считает, что на основании одного этого голого факта и скудных сведений армянских авторов невозможно установить связь между сарматскими «булгарами» и современными балкарцами, считать последних потомками первых. Обыкновенно всякое важное событие в жизни народов отражается в народных преданиях и песнях. В народных преданиях и песнях балкарцев не находим следов их «булгарского» происхождения.

Большой вклад в дело изучения истории Кавказа сделали русские ученые-кавказоведы академики Бутков, Услар, Марр, Самойлович, В. Миллер²⁷ и М. Ковалевский²⁸. Два последних ученых, помимо изучения истории всего Кавказа, занимались специально изучением Балкарии.

✓ В 1883 г. В. Миллер и М. Ковалевский совершили совместное путешествие по Балкарии. Они на месте изучали историю народа, собирали народные предания, изучали остатки древней материальной культуры, сами произвели раскопки древних могил — шиаков, приобрели у населения старинные предметы, обнаруженные в шиаках, имеющие историческое значение ✓

Прежде всего им бросилось в глаза то, что Балкария образует как бы островок среди народностей, отличающихся от балкарцев по языку и племени. На востоке она граничит с Осетией и Дигорией, на севере и западе — с Кабардой, а на юге Главный Кавказский хребет отделяет ее от Сванетии²⁹.

Опытные глаза ученых сразу заметили среди населения два господствующих типа: один — напоминающий

---

²⁶ Сен-Мартин. Исторические памятники и география Армении, т. II. Париж, 1819, стр. 451—452. (На французском языке.)

²⁷ В. Миллер. Осетинские этюды. В 3 частях; Материалы по археологии Кавказа и другие работы.

²⁸ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890; Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа. Журнал «Русская мысль», 1883.

²⁹ В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Журнал «Вестник Европы», 1884, № 4, стр. 510—511.

монгольский, со значительно сглаженными чертами, и другой — арийский, сходный более всего с осетинским³⁰.

Как мы уже отметили выше, раскопки шиаков, изучение найденных в них черепов и предметов домашней обстановки показали, что они относятся к более раннему периоду и ничего общего с нынешними поселенцами не имеют³¹.

На основании целого ряда топонимических названий, оставшихся от осетин, наличия многих слов в языке балкарцев осетинского происхождения и местных преданий Миллер и Ковалевский пришли к заключению, что балкарцы застали в горах осетинское население, которое исповедовало христианскую религию³².

Таким образом, по мнению Миллера и Ковалевского, балкарцы — не аборигены своей страны. Придя на настоящую территорию, они нашли здесь местное осетинское население, вытеснили его, а некоторая часть осетин осталась на месте и смешалась с пришельцами. Этим и объясняется, что осетинский тип часто встречается среди балкарцев.

Откуда и когда пришли балкарцы, Миллеру и Ковалевскому выяснить не удалось. Они называют балкарцев кавказскими татарами, без указания их происхождения.

Язык является главным фактором в деле определения происхождения народов. К сожалению, язык карачаево-балкарцев мало исследован. В этой области большое значение имеют исследования лучшего специалиста по языкам тюркских народностей акад. Самойловича. Ученый находит, что «диалекты кумыков, карачаевцев и балкарцев не состоят в близком родстве с диалектами ногайцев, появившихся в южнорусских степях после монгольского нашествия (XIII в.), а имеют между собой некоторые общие черты, которые указывают на связь этих трех диалектов с наречием домонгольских обитателей южнорусских степей — куманов, или кипчаков (половцев)³³.

³⁰ В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Журнал «Вестник Европы», 1884, № 4, стр. 449.

³¹ Там же, стр. 510.

³² Там же, стр. 559.

³³ А. Самойлович. Указанная работа, стр. 4.

Хотя Самойлович и не дает своего окончательного заключения о происхождении карачаево-балкарцев, однако его научно обоснованное высказывание опровергает мнение Сталя, Леонтовича и других о ногайском происхождении карачаево-балкарцев.

Мнение Самойловича о сходстве языка кипчаков и карачаево-балкарцев подтверждает и половецкий словарь, составленный в 1303 г. и изданный впервые Клапротом в 1825 г. В нем встречаются слова, которые ныне сохранились только в карачаево-балкарском языке. Высказывание Самойловича и половецкий словарь являются важным фактором в деле определения происхождения карачаево-балкарцев.

* * *

Изучением Карачая занимался Дьячков-Тарасов (1898 — 1928 гг.). Четыре года он жил в Карачае, на месте изучал язык, историю, географию, этнографию, экономику страны³⁴.

Как и В. Сысоев, Дьячков-Тарасов считает, что карачаевцы переселились на Кубань в XVI в. Ссылаясь на сообщение акад. Палласа о том, что в конце XVIII в. общее число карачаевцев не превышало 200 семейств, сам автор приходит к заключению, что в момент переселения число их достигло едва тысячи человек³⁵.

По его мнению, бассейн верхней Кубани был занят неизвестным народом с довольно развитой культурой. За несколько столетий до прихода карачаевцев этот народ покинул страну.

Вот как Дьячков-Тарасов объясняет происхождение карачаевцев: «Первичная группа предков карачаевцев, говорящая на одном из кипчаковских наречий, организовалась из беженцев. В состав ее входили уроженцы турецких районов: с одной стороны — далекого Востока (Кошгар), Итилия, Астрахани, а с другой — Западного Кавказа и Крыма»³⁶.

Таким образом, по мнению авторов, основой карачаевского народа являются кипчаки. Карачаевцы, поселив-

³⁴ Дьячков-Тарасов. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощь. «Записки ГНИИ», т. 1, Ростов-на-Дону, 1928, стр. 138.

³⁵ Там же.

³⁶ Дьячков-Тарасов. Указанная работа. «Записки ГНИИ», т. 2. Ростов-на-Дону, 1929, стр. 329.

шлись в стране гор, были окружены воинственными соседями — кабардинцами, сванами и другими.

По мнению Дьячкова-Тарасова, карачаевцы охотно принимали в свою среду пришельцев. Автор насчитывает среди одних караузенцев 26 родов, образовавшихся от пришельцев и беженцев: из них — 7 родов имеют русских родоначальников, 6 родов — сванов, 4 рода — абхазцев, 3 рода — кабардинцев, по 1 роду — абазинцы, кумыки, армяне, балкарцы, калмыки и ногайцы.

Вывод этот автор сделал судя по фамилиям родов ³⁷.

Не входя в обсуждение гипотезы о кипчакском происхождении карачаевцев, которая соответствует мнениям многих ученых, мы должны сказать, что нам представляется невероятным такой большой приток из разных далеких стран пришельцев, не связанных экономическими интересами, не знавших друг друга. Непонятно, чтобы маленькое общество, насчитывающее едва 2000 человек, не имеющее своей письменности, развитой национальной культуры, рассеянное и разбросанное маленькими группами по всей территории Карачая, по его труднопроходимым ущельям, в состоянии было ассимилировать, растворить в своем составе столь большое количество иноязычных представителей различных народностей и сохранить чистоту кипчакского языка.

Мы вкратце перечислили все главные гипотезы иностранных и русских ученых о происхождении карачаевцев и балкарцев. Следует познакомиться с мнениями местных историков, коренных жителей Кавказа: Ислама Тамбиева, проф. Г. А. Кокиева и Х. О. Лайпанова.

Ислам Тамбиев, анализируя существующие гипотезы и отрицая некоторые из них полностью, а некоторые частично, приходит к заключению, что «первые предки балкарцев и карачаевцев, взявшие бразды правления в руки и имевшие ассимилирующее влияние на всех остальных пришельцев, — это были хазары-турки или кипчаки» ³⁸.

Дальше сам автор признает: «вопрос о том, к потомству какого народа (хазаров, половцев и т. д.) принад-

---

³⁷ Дьячков-Тарасов. Указанная работа. «Записки ГНИИ», т. 2, Ростов-на-Дону, 1929, стр. 136.

³⁸ Ислам Тамбиев. Заметки по истории Балкарнии. Журнал «Революция и горец», 1933, № 1—2, Ростов-на-Дону.

лежат карачаево-балкарские предки, образовавшие собой первую клетку социального организма, остается пока положительно не разрешенным»³⁹.

В этом расплывчатом мнении нет ничего нового. Оно дублирует частично высказывания Клапрота, частично Сысоева и других, внося в их гипотезы большую путаницу.

Тамбиев совершенно неправильно отождествляет понятия хазар, турок и кипчак.

Вопрос о принадлежности хазар к турецкому миру, как пишет акад. Самойлович, мало разработан⁴⁰, и причисление их к туркам «положение весьма спорное». Выше мы приводили мнение арабского географа и путешественника Ибн-Хаукаля о том, что «язык чистых хазар не похож на турецкий и с ним не сходен ни один из языков известных народов»⁴¹.

Что касается процесса формирования карачаевского и балкарского народов, то Тамбиев относит его главным образом за счет притока инородцев, что полностью является повторением мысли Сысоева, Дьячкова-Тарасова и других.

Проф. Г. А. Кокиев склонен считать карачаевцев и балкарцев если не аборигенами, то во всяком случае древнейшими жителями Северного Кавказа.

Возражая Сысоеву и Дьячкову-Тарасову в их мнении о появлении карачаевцев и балкарцев на Северном Кавказе в XVI в., он утверждает, что расселение их на нынешней территории произошло «задолго до XVI в. и во всяком случае не позже X века»⁴². Мы выше уже говорили об отчете русского посла Елчина, из которого видно, что еще в 1639 г. карачаевцы жили на Баксане и посол со своими спутниками две недели пробыл у них,

---

³⁹ Ислам Тамбиев. Заметки по истории Балкарки. Журнал «Революция и горец». 1933, № 1—2, Ростов-на-Дону.

⁴⁰ А. Самойлович. Указанная работа, стр. 4.

⁴¹ Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 37, Тифлис, 1908, стр. 113.

⁴² Г. А. Кокиев. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории. Газета «Социалистическая Кабардино-Балкарка» № 3840, 1941.

делая ценные подарки их вождям — братьям Крым-Шамхаловым и их матери⁴³.

Этот ценный документ окончательно опровергает выводы Г. А. Кокиева о времени расселения карачаевцев и балкарцев на нынешней территории.

Далее, по мнению Г. А. Кокиева, карачаевцы и балкарцы входили в «аланский союз племен», ибо, как он мотивирует, за исключением кабардинцев, все народы входили туда. Спрашивается, откуда известно автору, что карачаевцы и балкарцы также не могли составить исключение?

Прежде чем дать такое заключение, необходимо было автору выяснить: находились ли на Кавказе сами карачаевцы и балкарцы в эпоху существования аланского союза племен.

Историк Х. О. Лайпанов в своих предположениях идет дальше Г. А. Кокиева. Он в категорической форме утверждает, что «карачаевцы и балкарцы не имели никакой турецкой или крымской прародины, а являются коренными обитателями бассейна Кубани и истоков Терека»⁴⁴.

Дальше автор определяет их месторождение: «Балкарцы обитали, — пишет он, — в степных районах Кумы и Подкумка, а карачаевцы жили в Закубанье, в местностях, называемых Загам, Лаба, Санчар и Архыз»⁴⁵. Однако сам автор признает, что у него по этому вопросу «нет никаких письменных или других источников»⁴⁶.

Нет у него доказательств и о переселении из Закубанья на Баксан карачаевцев, а с Кумы и Подкумка — балкарцев. Переселение это, по его мнению, произошло «не раньше второй половины XV и начала XVI в.»⁴⁷.

Касаясь вопросов происхождения карачаевцев и балкарцев, Х. О. Лайпанов заключает: «основой карачаево-балкарской этнической группы являются кипчаки (половцы) и хазары»⁴⁸.

⁴³ Е. Б. Белокуров. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадьяновскую землю (1639—1640). Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, кн. II, М., 1887, стр. 257—276.

⁴⁴ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, стр. 16.

⁴⁵ Там же, стр. 24.

⁴⁶ Там же, стр. 25.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 24.

Это высказывание Лайпанова совпадает с гипотезой Тамбиева. Кроме того, Лайпанов допускает возможность присоединения к основной хазаро-кипчакской группе одного из племен кубанских болгар и считает, что «осколки полчищ Тимура присоединились к основной массе карачаево-балкарцев и явились предками некоторых современных их фамилий»⁴⁹. Затем автор утверждает, что в течение веков в это хазаро-кипчакское ядро вливались осетины, кабардинцы, сваны, абазинцы и т. д.

Х. О. Лайпанов, отрицая всякое переселение карачаево-балкарцев из Крыма и других мест, считает их аборигенами Северного Кавказа, при этом признает карачаевцев и балкарцев потомками кипчаков-половцев. Всем известно, что кипчаки и половцы не являются коренными жителями Северного Кавказа, их родина Средняя Азия, откуда они перекочевали в Восточную Европу в XI в. н. э. Следовательно, происходившие от кипчаков карачаево-балкарцы никак не могли быть коренными обитателями Северного Кавказа.

Гипотеза Лайпанова о происхождении карачаевцев и балкарцев, помимо того, что основана на исторически неправильных и противоречивых данных, слишком широка и всеобъемлюща. Тут и кипчаки, и хазары, и болгары, и остатки войск Тимура, и почти все кавказские народы.

Можно допустить ассимиляцию со стороны карачаево-балкарцев отдельных пришельцев, инородцев, но в ассимиляцию остатков воинских частей Тимура или целого племени болгар трудно поверить.

Мы привели почти все основные гипотезы о происхождении балкарцев и карачаевцев. Из их краткого обзора можно сделать следующие выводы:

1. Карачаевцы и балкарцы в прошлом жили вместе и носили название народа, от которого они откололись.

2. Впервые название «карачаевцы» встречается в отчете московского посла Елчина в 1639 г., а название «болхары» — в отчете московского посла Толочанова в 1650 г.

Х. О. Лайпанов. Указанная работа, стр. 11.

Верно, в отписках терского воеводы Дашкова за 1629 г. встречается слово «Балкары», но оно употребляется как название местности, как топонимический термин.

3. Карачаевцы и балкарцы не являются обorigенами своих нынешних территорий, они пришельцы и вытеснили отсюда более раннее население.

4. Большинство ученых исследователей основным ядром карачаево-балкарского народа считает кипчаков (половцев).

5. Лингвистические исследования акад. Самойловича и сохранившийся до наших дней половецкий словарь, составленный в 1303 г., свидетельствуют о близости языка карачаевцев и балкарцев с языком кипчаков (половцев).

6. Карачаевцы пришли на нынешнюю территорию в промежутке между 1639 и 1653 гг., ибо в 1639 г. они еще находились на Баксане, о чем свидетельствует отчет русского посла Елчина.

7. Из отчета русского посла Елчина видно, что карачаевцы (следовательно, и балкарцы) находились в стадии перехода к феодальным отношениям, их возглавляли вожди — братья Крым-Шамхаловы, феодалы Карачая.

8. Находящиеся на территории Балкарии древние могильники, шиаки, как показали раскопки, произведенные В. Миллером и М. Ковалевским, ничего общего не имеют с нынешним населением и относятся к более раннему периоду.

9. Среди карачаевцев и балкарцев преобладают два господствующих типа: один тюркский, со значительно сглаженными чертами лица, другой — арийский, напоминающий более всего осетинский.

Вот, по нашему мнению, более или менее научно обоснованные данные, касающиеся истории карачаево-балкарцев, к которым мы пришли путем обозрения существующих главных гипотез и бесспорных доказательств.

Однако, как видим, вопрос о происхождении карачаево-балкарцев, вопросы о том, когда и откуда вышли их предки, когда пришли на Баксан, до сих пор еще научно не выяснены. Историки беспомощны, нет письменных источников, нет и остатков материальной культуры, этих немых, но верных свидетелей прошлого.

балкарцев и карачаевцев проживали в Крыму вместе с караимами и крымчаками и позаимствовали у них эти слова.

Все эти факты и большое сходство языка карачаевцев и балкарцев с языком чагатайцев (или кипчаков) говорит об их выходе из Крыма и их чагатайском (или кипчакском) происхождении.

Остается выяснить еще один вопрос: почему одна часть крымских чагатайцев (или кипчаков) здесь, на Кавказе, стала называться малкарцами или балкарцами, а другая карачайцами? По господствующему среди историков мнению народ карачаевский получил свое название от страны своей — Карачая, что в переводе на русский язык значит «Черная речка». Ламберти карачаевцев часто называет «кара-черкесами», хотя они ничего общего с черкесами не имеют. Он объясняет это не тем, что они черные, а «может быть потому, что в их стране небо постоянно облачное и темное»⁶⁶. К. Ган на основании народных преданий и собственных наблюдений находит, что страна эта называется «Карачай» потому, что реки в этой местности от шиферного песка окрашены в черный цвет⁶⁷.

На карачаевском курорте Теберда есть прекрасное озеро Кара-Кель, что значит «Черное озеро». Вода в нем благодаря подводным черным камням и обильной тени стоящих на берегу ветвистых хвойных и лиственных вековых деревьев-гигантов действительно кажется черной и блестит, как искусно отшлифованный черный мрамор.

По народному преданию, на дне этого глубокого озера живет черная колдунья, владычица всех вод и земель страны, и страна как ее владение называется «Кара-Чай».

Мы отнюдь не намерены спорить, черная ли вода в реках и озерах Карачая или нет, хотя мы и видели в горах чудесные озера зеленого, голубого и других оттенков, хотя сама красавица Теберда с давних пор справедливо носит название «Голубоглазой Теберды». Нам важно выяснить, с каких пор страна эта стала носить

⁶⁶ А. Ламберти. Указанная работа, стр. 192.

⁶⁷ К. Ган. Опыт объяснения кавказских географических названий. Стр. 72.

свое современное название? Как именовалась она до водворения там карачаевцев?

По свидетельству Дьячкова-Тарасова, страна эта за несколько столетий до прихода карачаевцев была покинута неизвестным народом и названия не имела⁶⁸.

Эту свободную территорию заняла часть переселившихся из Крыма и остановившихся временно на Баксане чагатайцев, или карачаевцев. Карачаевцы не могли получить свое название от своей новой родины, ибо до прихода сюда, находясь в пути, еще на Баксане назывались карачаевцами.

Чагатайцы вышли из Крыма 3 мая 1639 г., а 13 октября того же года их застал на Баксане русский посол Федот Елчин, он две недели гостил у их вождей братьев Крым-Шамхаловых⁶⁹.

Как сам посол, так и сопровождавший его священник Павел Захарьев во всех своих официальных бумагах всегда называют их карачаевцами. Это означает, что карачаевцы пришли с этим названием из Крыма, где уже носили это имя.

Летопись Кафаеци называет их чагатайцами по признакам национальной принадлежности. Всем известно, что в Южном Крыму есть река под названием Черная речка, которую местное население называет «Карасу», а иногда и «Кара-Чай». «Карасу» — новое татарское название, а «Кара-Чай» — старое, по-видимому, кипчакского происхождения. Жители всего бассейна р. Кара-Чай назывались карачаевцами. Среди этих жителей были и чагатайцы. Вот эти по происхождению чагатайцы, а по местожительству карачаевцы переселились в Черкесию, которых на Баксане застал Елчин.

Обыкновенно все переселенцы на новых местах жительства, основывая города, села и прочие населенные пункты, дают им имена покинутых ими населенных пунктов. Так поступили и карачаевцы: водворившись на современной территории Карачая, в память своей старой крымской прародины — бассейна Кара-Чая — свою новую родину они также назвали «Карачай».

О балкарцах. Балкарцы носят название и малкарцев. Как удостоверяет Лайпанов, «соседи балкарцев — ка-

⁶⁸ Дьячков-Тарасов. Указанная работа, стр. 187.

⁶⁹ Е. Б. Белокуров. Указанная работа, стр. 257—276.

бардинцы, черкесы и карачаевцы — в прошлом названия «балкар» не знали. Как в прошлом, так и в настоящее время сами балкарцы не называют себя этим именем»⁷⁰.

Сталь в своем очерке о черкесском народе все время называет балкарцев малкарцами⁷¹.

М. К. Абаев считает, что русские чиновники переименовали малкарцев в балкарцев, находя это имя более благозвучным и удобным для официальных бумаг⁷².

Как замечает Лайпанов, различные племена балкарцев носили прежде имена своих ущелий, только жители ущелья Черек называли себя малкарцами. По его мнению, это свидетельствует о том, что малкарцы пришли в это ущелье с установившимся названием. Как многие другие, Лайпанов считает, что название «малкарцы» происходит от названия р. Малки, где как будто раньше жили жители Черек⁷³.

Как увидим дальше, история не подтверждает этого вывода. С. Броневский говорит: «Балкарцы, или малкарцы, жившие на р. Черек, в деревне «Улус-Малкар», получили свое этническое название от р. Малки»⁷⁴.

В. Миллер и М. Ковалевский предполагают, что балкарцы наследовали свое имя вместе со страной, из которой вытеснили более древнее осетинское население⁷⁵. Это предположение ученых в настоящее время, когда опубликованы документы и материалы, относящиеся к кабардино-русским отношениям, полностью оправдалось⁷⁶.

По бесспорным данным летописи Кафасци, чагатайцы, или карачаевцы, вышли из Крыма 3 мая 1639 г. Остановившись временно на Баксане, они расселились.

Как уже видели, одна группа пошла в верховья Кубани, заняла ущелье Зеленчука и Теберды, вторая группа пошла в верховья Терека, расселилась по уще-

---

⁷⁰ Х. О. Лайпанов. Указанная работа, стр. 8.

⁷¹ Сталь. Указанная работа, стр. 93.

⁷² М. К. Абаев. Балкария. Журнал «Мусульманин», Париж, 1911, № 14-17, стр. 586.

⁷³ Х. О. Лайпанов. Указанная работа, стр. 8.

⁷⁴ С. Броневский. Известия о Кавказе, т. II, стр. 216.

⁷⁵ В. Миллер и М. Ковалевский. Статья в журнале «Вестник Европы» № 4 за 1884 г., стр. 510—511.

⁷⁶ «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.», ч. I. Под редакцией Кумыкова и Кушевой, М., 1957.

льям рек Баксан, Безенги, Чегем и Черек, впадающих в Малку. Первая группа сохранила свое название и стране дала свое название — Карачай, а вторая группа в верховьях Терека, в бассейне р. Малки, потеряла свое имя и стала именоваться балкарцами, а территория, занятая жителями всех четырех ущелий, стала называться Балкарней. Каким образом чагатайцы, или карачаевцы, стали балкарцами? По нашим данным, балкарцы под именем чагатайцев или карачаевцев появились на Баксане в 1639 г. и до 1650 г. о них как о суверенном народе ни в русских, ни в иностранных источниках ничего не сказано. Только в недавнее время Т. Х. Кумыков в своем плане-конспекте истории Кабардино-Балкарской АССР⁷⁷, а за ним С. Бабаев, Д. Шабаев в газетной статье заявляют, что первые известия русских источников о балкарцах относятся к 1628 г.⁷⁸ Однако уважаемые авторы ошибаются, топонимический термин принимают за этническое название, наименование местности считают названием народа. Очевидно, источником, на котором основано это заявление, являются документы, опубликованные в книге «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.» под № 76, 77, 78, касающиеся залежей серебряной руды.

В отписке терского воеводы И. А. Дашкова от 11 января 1629 г. в Посольский приказ о разведках залежей серебряной руды сообщается, что «бывали посланы в горы для твоих государевых дел Ковшов-мурза, который привез руду... и местом Балкары владеет его, Ковшов-мурзы, племянник Абшита Вороков»⁷⁹. Из этой отписки ясно видно, что слово «Балкары» есть название места, где искали серебро.

Тот же терский воевода И. А. Дашков в отписке своей от 21 февраля 1629 г. по тому же поводу пишет: «Собравая с ратными людьми, пошли в горы в Балкары в то место, где серебряную руду имели»⁸⁰. Здесь

⁷⁷ Т. Х. Кумыков. История Кабардино-Балкарской АССР, т. I (план-конспект). Нальчик, 1958, стр. 13.

⁷⁸ С. Бабаев и Д. Шабаев. За марксистско-ленинское освещение истории балкарского народа. Газета «Кабардино-Балкарская правда», 1959, № 68.

⁷⁹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Документ 76, стр. 120.

⁸⁰ Там же, документ 77, стр. 125.

также слово «Балкары» употреблено как топонимический термин. Эти документы свидетельствуют о том, что место, где находилось серебро, еще до прихода туда предков современных балкарцев, называлось «Балкары», и весьма естественно, что жители этого района, независимо от национальной принадлежности, носили имя местности и назывались балкарцами. С каких пор так называлось ущелье Черека, мы не знаем, вопрос не изучен, но установлено, что название «Балкары» в 1629 г. уже существовало.

Если Карачай получил свое название от переселенцев-карачаевцев, то «балкары» сами дали свое имя пришедшим из Крыма чагатайцам, или карачаевцам. Скоро они забыли свое старое название и стали называться балкарцами.

Правы были академики Ковалевский и Миллер, когда они, не зная и не имея данных о том, что страна эта называлась «Балкары», писали, что балкарцы имя свое «унаследовали вместе с страной»⁸¹. Топонимическое название стало этническим.

Существует мнение, что только бассейн р. Черек назывался «Балкарами», а жители этого ущелья — балкарцами. Возникает вопрос, каким образом название «балкарцы» распространилось на жителей ущелий Баксана, Чегема и Безенги и вся территория этих рек стала называться Балкарией? Сторонники этой гипотезы говорят, что численное превосходство и большой удельный вес населения Черека — балкарцев в общественной жизни переселенцев всех ущелий выдвинули их на первый план. Им принадлежала руководящая роль в жизни переселенцев, и потому название этого племени со временем перешло ко всем другим племенам, стало общим названием всего народа. Такого мнения был Шора Ногмов, а теперь эту точку защищают Лайпанов и другие⁸².

Комментаторы книги «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.» пишут: «В ущелье Черека находилось упомянутое выше место Балкары» и сейчас же комментируют: т. е. поселения балкарцев. Почему так сузили комментаторы содержание слов «место Балкары», на ка-

⁸¹ В. Миллер и М. Ковалевский. Статья в журнале «Вестник Европы», 1834, № 4.

⁸² Х. О. Лайпанов. Указанная работа, стр. 8—9.

Э. Б. БЕРНШТЕЙН,
художник-архитектор

НАРОДНАЯ АРХИТЕКТУРА БАЛКАРСКОГО ЖИЛИЩА

1. ТИПЫ БАЛКАРСКОГО НАРОДНОГО ЖИЛИЩА

Анализ наиболее характерных образцов балкарского народного жилища дает основание говорить о наличии четырех основных типов, группирующихся по определенным территориальным районам, а именно:

Черекский тип построек, представленный домами Ортая и Буллая Забаковых в Кунюме и домом в Тура-Хабла.

Хуламо-безенгийский тип построек, представленный домами Таукаша Хочуева в Шики, Каплана Гергокова в Верхнем Хуламе и Тану Оттоева в Безенги.

Чегемский тип построек, представленный домами Ахмана Кулиева в Эльтюбе, Тамука Кулиева в Булунгу и Биязирова Ачи в Кала.

Баксанский тип построек, представленный домами Темдара Гулиева в Курму и домами Канапа и Байрамука Абдулаевых.

Как видно из сравнения схем планировки и объемного построения жилищ различных типов, имеются некоторые черты, общие для всех четырех типов жилья: состав и внутреннее устройство помещений, их взаимосвязь, приемы обращения с одним и тем же строительным материалом. В то же время каждый из указанных четырех типов жилищ имеет и такие особенности, которые отличают его от остальных. Так, отдельные типы жилищ при одних и тех же составных элементах отличаются друг от друга организацией пространства, выбором участка, расположением усадьбы на участке, порядком размещения отдельных помещений, использованием различных

строительных материалов, приемами возведения построек и конструктивным решением отдельных частей — стен, кровли, опор, проемов.

Формирование характерных особенностей народных жилищ Балкарии как общих для всех четырех типов, так и тех, которыми они отличаются друг от друга, определяется социально-экономическими, историческими и физико-географическими условиями.

1. Социально-экономические условия

Поскольку в основном характер балкарского жилища различных районов складывался в одних и тех же условиях перехода от родового строя к феодализму усадьбы всех четырех районов по своему составу более или менее одинаковы и типичны для родового быта скотоводства в Балкарии. Главными элементами такой усадьбы в ее окончательно сложившемся виде являются: основное жилое помещение с отгороженным местом для молодняка скота, примыкающая к основному помещению пристройка женской половины — «оттоу», теневой навес перед жильем и примыкающая к жилищу хозяйственная часть усадьбы, состоящая из двора, навесов и зимних помещений для скота. Женская половина, как правило, находится между основным жильем и хозяйственным двором и имеет отдельный от основного жилья вход, а в ряде случаев дополнительный вход в зимнее помещение для скота. Организующим центром жилья является очаг, против которого или под углом в стороне, противоположной входу, располагается почетное место — «тырхык». Эта схема построения усадьбы имеет различные варианты в зависимости от того, на какой стадии развития возникло данное жилище.

Независимо от этих разновидностей, для всего народного жилища Балкарии характерно то, что в нем различие в образе жизни отдельных социально-экономических групп народа не получило такого выражения, как у соседних народов.

В то время как в Северной Осетии переход к феодализму сказался в наличии двух качественно отличных друг от друга видов жилищ — «галуанов», или замков, в которых жили крупные феодалы, и «хадзаров» — жилищ простого народа, — в Балкарии жилища пред-

ком основании решили, что это поселение балкарцев, комментаторы доказательств не приводят. Это их голое предположение, и согласиться с таким толкованием мы не можем. Бесспорно, что топономический термин «Балкары» происходит от названия р. Малка, которая одновременно называлась «Балка», «Балк», «Палк». Осетины, как удостоверяет Кокиев, до сих пор Малку называют «Балки».

Все реки, в ущельях которых живут балкарцы, - Баксан, Безенги, Чегем и Черек --- являются притоками Малки, или Балки, и впадают в нее. Следовательно, все эти реки со своими ущельями, землями, горами и лесами находятся в бассейне р. Малка, или Балка.

Как показали раскопки В. Миллера и М. Ковалевского, во всех этих ущельях, на территории всего бассейна Малки, раньше жили осетины, которых вытеснили пришельцы чагатайцы на юг. Не одно ущелье р. Черек, а весь бассейн Малки, или Балки, назывался Балкары. Название «Балкары» существовало до прихода современных балкарцев, по всей вероятности, оно дано стране еще осетинами, которые Малку называли Балка.

Таким образом, весь бассейн р. Малка, или Балка, вся страна называлась «Балкария» и население всех ущелий, всего бассейна Малки называлось «балкарами» совершенно независимо от названия ущелья Черка и его жителей. Народ получил свое название от страны. Поэтому переселившиеся из Крыма чагатайцы, или карачаевцы, в бассейне р. Малка, или Балка, стали балкарцами.

На основании всех вышеприведенных данных мы смело можем сказать, что карачаевское народное предание об их выходе из Крыма вполне оправдывается данными памятных записей Хачатура Кафаеци. Карачаевцы и балкарцы являются потомками вышедших в 1639 г. из Крыма чагатайцев (кипчаков), они зашли в пределы Черкесии и остановились на Баксане и в окрестностях, а через некоторое время часть их перешла на нынешнюю территорию Карачая, а другая часть осталась на месте и постепенно расселилась в ущельях гор страны «Балкары», названной впоследствии Балкарией.

Никакие гунны, болгары, хазары, никакие остатки войск Тимура, никакие чехи и богемцы не принимали

участия в истории формирования карачаевского и балкарского народов. Никакие массовые притоки иногородцев также не имели места. Мы допускаем возможность притока одиночек из соседних стран, искавших приюта в горах, но массового притока и массовой ассимиляции не было и не могло быть. Быть может, мы не совсем правы в некоторых своих выводах, но не подлежит сомнению, что записи Кафаеци имеют решающее значение в разрешении проблемы о происхождении карачаевцев и балкарцев. Несомненно, что отныне взоры ученых и исследователей должны обратиться к архивам народов, населявших в средних веках Крымский полуостров.

Только глубокие исторические, этнографические и лингвистические исследования могут дать правильный ответ на вопрос о происхождении балкарского и карачаевского народов.

Э. Б. БЕРНШТЕЙН,

художник-архитектор

НАРОДНАЯ АРХИТЕКТУРА БАЛКАРСКОГО ЖИЛИЩА

I. ТИПЫ БАЛКАРСКОГО НАРОДНОГО ЖИЛИЩА

Анализ наиболее характерных образцов балкарского народного жилища дает основание говорить о наличии четырех основных типов, группирующихся по определенным территориальным районам, а именно:

Черекский тип построек, представленный домами Ортая и Буллая Забаковых в Кунюме и домом в Тура-Хабла.

Хуламо-безенгийский тип построек, представленный домами Таукаша Хочуева в Шики, Каплана Гергокова в Верхнем Хуламе и Тану Оттоева в Безенги.

Чегемский тип построек, представленный домами Ахмана Кулиева в Эльтюбе, Тамука Кулиева в Булунгу и Биязирова Ачи в Кала.

Баксанский тип построек, представленный домами Темдара Гулиева в Курму и домами Канапа и Байрамука Абдулаевых.

Как видно из сравнения схем планировки и объемного построения жилищ различных типов, имеются некоторые черты, общие для всех четырех типов жилья: состав и внутреннее устройство помещений, их взаимосвязь, приемы обращения с одним и тем же строительным материалом. В то же время каждый из указанных четырех типов жилищ имеет и такие особенности, которые отличают его от остальных. Так, отдельные типы жилищ при одних и тех же составных элементах отличаются друг от друга организацией пространства, выбором участка, расположением усадьбы на участке, порядком размещения отдельных помещений, использованием различных

строительных материалов, приемами возведения построек и конструктивным решением отдельных частей — стен, кровли, опор, проемов.

Формирование характерных особенностей народных жилищ Балкарии как общих для всех четырех типов, так и тех, которыми они отличаются друг от друга, определяется социально-экономическими, историческими и физико-географическими условиями.

1. Социально-экономические условия

Поскольку в основном характер балкарского жилища различных районов складывался в одних и тех же условиях перехода от родового строя к феодализму усадьбы всех четырех районов по своему составу более или менее одинаковы и типичны для родового быта скотоводства в Балкарии. Главными элементами такой усадьбы в ее окончательно сложившемся виде являются: основное жилое помещение с отгороженным местом для молодняка скота, примыкающая к основному помещению пристройка женской половины — «оттоу», теневой навес перед жильем и примыкающая к жилищу хозяйственная часть усадьбы, состоящая из двора, навесов и зимних помещений для скота. Женская половина, как правило, находится между основным жильем и хозяйственным двором и имеет отдельный от основного жилья вход, а в ряде случаев дополнительный вход в зимнее помещение для скота. Организующим центром жилья является очаг, против которого или под углом в стороне, противоположной входу, располагается почетное место — «тырхык». Эта схема построения усадьбы имеет различные варианты в зависимости от того, на какой стадии развития возникло данное жилище.

Независимо от этих разновидностей, для всего народного жилища Балкарии характерно то, что в нем различие в образе жизни отдельных социально-экономических групп народа не получило такого выражения, как у соседних народов.

В то время как в Северной Осетии переход к феодализму сказался в наличии двух качественно отличных друг от друга видов жилищ — «галуанов», или замков, в которых жили крупные феодалы, и «хадзаров» — жилищ простого народа, — в Балкарии жилища пред-

ставителей разных социально-экономических групп отличаются между собой только в количественном отношении: размерами постройки и особенно мест, отводимых для хранения имущества, в добротности выполнения строительных работ и, наконец, местом, занимаемым жилищем по отношению ко всему селению. В более ранних горных селениях жилища знати как бы завершали собой всю застройку, господствуя над остальной массой домов. Позднее, когда начало происходить переселение на плоскость, оно осуществлялось, прежде всего, знатными фамилиями, которые селились внизу, занимая наиболее удобные земли долин. Поэтому расположенные в долине селения получали часто названия по переселившимся сюда фамилиям, считавшим такие территории своей собственностью. Однако ни эти усадьбы в долинах, ни господствующие над остальными жилища знати обычно не имели характера домов-замков, подобных галуанам Осетии. Очевидно, независимо от того, когда по времени возникли селения Балкарии, формирование их происходило в условиях более ранней стадии развития социально-экономических отношений, нежели те, которые имелись в Осетии. Разложение родового общества еще не привело к скачку, означавшему окончательный переход к феодальным отношениям. При этом, в силу живучести патриархально-родовых отношений и многовековой экономической изолированности Балкарии, эта особенность остается характерной для балкарского народного жилища всех периодов.

2. Исторические условия

а) **Время и процесс застройки, датировка построек.** Сравнение общего характера построек балкарских селений с постройками других районов Северного Кавказа, в частности Сванетии, Северной Осетии, Ингушетии и Дагестана, дает основание говорить о более позднем происхождении существующих ныне балкарских построек. Сохранность древнейших из существующих жилых построек, в особенности деревянных частей их, находящихся в отапливаемых помещениях, в условиях переменного температурного режима, позволяет отнести время их сооружения к XV—XVI вв. При этом, хотя процесс

застройки шел, по всей вероятности, одновременно и параллельно по всем четырем ущельям, сравнение построек разных районов указывает на то, что из сохранившихся поныне наиболее древними являются постройки Черекского ущелья, в которых преобладает естественный камень, а наибольшего развития и совершенства достигло строительство в Чегемском ущелье, для которого характерно смешанное использование в постройках камня и дерева. В Баксанском ущелье, где первоначальное строительство было деревянным, сохранность построек оказалась наименьшей и по мере истребления лесных массивов в дело употреблялись все менее и менее надежные материалы, в результате чего существующие постройки относятся к более позднему времени — к концу XVIII — началу XIX в., а ранние постройки очень редки (отдельные ячейки Абдулаевского поселка и первоначальная часть дома Темдара Гулиева в Курму).

б) О традициях, влияниях и самобытности. Поскольку балкарские селения располагались по ущельям, ведущим через перевалы в районы, заселенные другими народами, в каждом ущелье сложились особые условия, наложившие свой отпечаток на местное строительство.

С одной стороны, заселение глубоких ущелий, разделенных горными хребтами, привело к обособленности друг от друга селившихся в отдельных ущельях самостоятельных родовых обществ. Отсюда — отсутствие широкого взаимообмена строительным опытом и традициями между отдельными районами Балкарии. С другой стороны, расположение поселений в ущельях, соединявших различные области Северного Кавказа, способствовало занесению сюда определенных влияний соседних народов. Так возникло полное сходство крепостных построек Кунюма с боевыми башнями в Северной Осетии (в селении Донпор Куртатинского ущелья), башен Верхнего Чегема с аналогичными постройками Сванетии, явная общность архитектурных форм могильников Эльтюбе со склепами Ингушетии.

Наконец, если общий облик и принципы построения такого селения, как Шики, весьма сходен с аулами Дагестана, то селения Баксанского ущелья очень схожи с соседними карачаевскими. Еще разительнее сходство отдельных фрагментов построек. Так, над воротами дома Салаха в Шики можно видеть ниши, сходные с такими же

в ауле Анды в Дагестане, где они предназначались для установки придорожных поминальных досок в память о погибших на чужбине. В жилищах Дагестана, например, в доме Гаджиева в сел. Гогаб дверные и оконные проемы решены так, как это распространено по всей Балкарии и особенно в Чегемском ущелье. Вкрапление кладки «в елку» как орнаментальный мотив, примененное в постройках Шики, весьма развито в постройках Дагестана, использующих тот же строительный материал (например, в ауле Хоор).

Впрочем, признаки общности архитектуры народного жилища Балкарии с архитектурой других народов Кавказа в большей степени объясняется не влиянием соседства, а аналогичностью условий, в которых складывались строительные традиции в отдельных районах Балкарии и соседних с ней областях, подсказывающих одинаковое решение одних и тех же задач. Так, например, абсолютно одинаковое устройство кровли балкарских и осетинских жилищ является, конечно, результатом не взаимных влияний, а простого приспособления к одинаковым физико-географическим условиям при одинаковой степени развития строительной техники. Поэтому же не приходится удивляться и тому, что в Балкарии, в домах аулов Булунгу и Безенги, можно увидеть точно такую же переносную лестницу-бревно, какие делались не только в соседней Сванетии, но применяются до сих пор и на острове Сицилия, а пристенный очаг в Эльтюбе не только похож на очаги Дагестана, но выглядит как прототип великолепных каминов итальянских палаццо.

Более того, в памятниках архитектуры народного жилища Балкарии, относящихся к XVI—XVIII вв., можно обнаружить ряд признаков, характерных для самой начальной стадии развития античной архитектуры. Естественно, что если в архитектуре Балкарии XVI—XVII вв. обнаруживаются черты, по которым можно судить о том, как зарождались формы античной архитектуры, достигшей вершин совершенства еще в V веке до нашей эры (о которой балкарцы не имели ни малейшего представления), то это объясняется тем, что в Балкарии в позднейшее время сложились условия, сходные с условиями, в которых за много веков до этого зарождалась античная архитектура. Именно в силу этих

мостью, которая породила черты безусловной самобытности в зарождающейся архитектуре народного жилища.

3. Физико-географические условия

Важное значение в формировании конструктивных и композиционных особенностей каждого из четырех типов балкарских жилищ имела неодинаковость физико-географических условий отдельных ущелий Балкарии — их рельефа, растительности, горных пород и микроклимата.

Ущелья, расположенные южнее (Черекское, Хуламо-Безенгийское), более узки и глубоки, чем северные (Баксанское, Чегемское), склоны их более круты и скалисты, растительность беднее. Чем севернее ущелья, тем чаще в них встречаются обширные долины с отлогими склонами, покрытыми лесами. В климатическом отношении ущелья, расположенные севернее, отличаются большим количеством выпадающих осадков, более низкими среднегодовыми температурами, более резкими и частыми колебаниями их. Соответственно всему этому различны облик и конструкция построек разных ущелий, так как строители стремились как можно лучше применить к данным конкретным условиям климата и рельефа местности и к особенностям горных пород и растительности, используемых в качестве строительных материалов.

На крутых скалистых склонах Черекского ущелья постройки врезались в самый массив скал. В высеченном в скале уступе получалась горизонтальная поверхность пола и вертикальная — задней стены. В этом же массиве скалы высекалось вдоль задней стены почетное место для гостей «тырхык» и углубления-ниши для текущего запаса дров, а в полу яма для хранения ячменя или картофеля. Камень, вынутый при устройстве уступа, шел на кладку лицевой и боковых стен и ограждения усадьбы. Открытая горизонтальная территория хозяйственных дворов получалась за счет крыши нижележащего дома.

На мягком грунте более пологих склонов Баксанского ущелья то же террасообразное расположение селений (Былым, Нижний Баксан) достигалось иным путем.

Здесь ступени, на которых располагаются жилища, не высекаются в склоне, а устраиваются посредством сооружения на склоне нескольких рядов подпорных стенок из камней, собранных в долине реки. Эти подпорные стенки удерживают насыпной грунт, образующий горизонтальные площадки, на которых строятся дома, а внешняя сторона такой стенки образует заднюю стену нижележащего дома. Лицевая и боковые стены сделаны из обмазанного толстым слоем глины плетня или сложены из естественного камня. Навес перед домом опирается на деревянные столбы небольшого диаметра. В целом постройки этого типа в Баксанском ущелье легче и менее монументальны, чем потеррасные постройки Черска. Между постройками этих двух типов есть примеры промежуточного характера как например, постройки аула Шики и Думала, где жилища располагались на склонах ущелий, частично врезааясь в них, а частично используя уступы, искусственно образованные подпорными стенками, что видно на примере дома Таукаша Хочуева в Шики.

Итак, мы рассмотрели две разновидности потеррасных построек: первая — жилища, соорудившиеся на крутых скалистых безлесных склонах Черекского ущелья, и вторая — жилища, строившиеся не столь скученно на мягком грунте более пологих склонов Баксанского и отрогах Чегемского ущелий.

Жилища третьего типа характерны для селений, расположенных на рельефе, имеющем еще менее значительный подъем. В них лишь частично используется в качестве задней стены вертикальный срез склона или естественный уступ рельефа, но при этом для получения необходимой высоты задняя стена иногда наращивается, остальные три стены выкладываются на всю высоту.

В четвертом типе жилищ, располагавшихся на горизонтальной поверхности высокогорных плато или в котловине каньона, стены искусственно возводились на всю высоту по всему периметру помещений, иногда на неглубоком фундаменте. При этом первоначально вся постройка выполнялась из мощных стволов дерева, а позднее, по мере истребления лесных массивов, стены частично, а затем и целиком складывались из камня. Этот процесс постепенной замены дерева камнем виден

на примере жилого комплекса в Курму. Древнейшая его часть — жилище Тимудара Гулиева — выполнена целиком из дерева (грубообработанный четырехгранный сруб и по нему двухскатная деревянная крыша). В пристройках, производившихся позднее, по мере роста семьи, стены на две трети каменные и по ним два — три венца из бревен, а в самых поздних стены целиком из камня, лишь поверху положен один ряд бревен в виде мауэрлата, и только кровля остается деревянной, но стволы, несущие ее, также значительно тоньше, чем в кровле первоначальной части постройки. Наряду с плоской кровлей в третьем и четвертом типе построек встречается устройство и двухскатной кровли с наклоном скатов от весьма незначительного (1:5), полученного за счет сгиба несущих балок, до более значительного (1:3), образованного за счет подъема конькового бруса на коротыши, опирающиеся на поперечные прогоны. Устройство двухскатной кровли и высота ее подъема связаны с особенностями климатических условий данного района ущелья — большим количеством выпадающих здесь осадков. К тому же при расположении жилищ в одном уровне нет необходимости в устройстве плоской кровли, как дополнительной территории для вышестоящих домов. Вообще для построек двух последних типов характерна более свободная их группировка. Жилища обращены не в одну сторону как в потеррасных селениях, а в разные стороны или лицом друг к другу (Абдулаевский поселок). Иногда они разбросаны отдельными группами по склонам возвышенности, как например, в Верхнем Хуламе, или объединены в единый массив под одной крышей, как в родовом селении Булунгу.

Из сказанного видно, что наибольшее влияние на формирование отличительных особенностей каждого из четырех типов имели физико-географические условия. Именно тем, что в разных ущельях эти условия оказались различными, объясняется наличие у одного народа нескольких различных типов жилищ. Исторические условия лишь содействовали тому, что эти отличительные особенности, прочно сохраняя свою самобытность, получили формы, отдаленно роднящие их с подобными же постройками соседних народов. Зато социально-экономические условия, единые для обществ всех четырех ущелий, явились причиной того, что при всех отличитель-

ных особенностях отдельных типов жилья все они схожи в отношении планировки и состава помещений и в своем развитии прошли одинаковые этапы.

II. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ЖИЛИЩА В БАЛКАРИИ

Рассматривая отдельные жилища балкарских селений и сопоставляя их плановое и композиционное решение, можно проследить, как шло развитие балкарского жилища от простейших первобытных форм — пещеры с защищенным зевом (в горах) и ямы, защищенной примитивным покрытием (на плоскости) до построек, возведенных по определенной конструктивной и композиционной системе.

О первобытных формах жилища можно судить по единичным примитивным постройкам пещерного типа, ныне используемым как хозяйственные, встречающимся в Верхнем Хуламе и Думала, и по некоторым постройкам, напоминающим первоначальное жилище — яму с невысоким обрамлением из камня, на котором покоится дерево-земляная кровля (например, в Булунгу и в сел. Шаурдат). Кроме того, об этих первоначальных, самых примитивных формах жилища можно судить по устройству пастушеских кошей, которые хотя по времени сооружения и являются позднейшими, но по своей примитивности воспроизводят самые древнейшие виды жилища. Вообще зачастую примеры, характеризующие разные стадии, не совпадают хронологически с временем сооружения того или иного жилища, так что объекты, типичные для более ранней формы строительства, по времени постройки относятся к позднейшим.

Следующей стадии развития соответствуют постройки, в которых плановое решение остается еще элементарно простым, но приемы возведения уже представляют определенную сложившуюся каноническую систему. Эти простейшие формы жилищ, возведенных по определенным принципам, но не имеющие еще какой-либо дифференциации внутреннего пространства, в чистом виде почти не сохранились в современных селениях. Обычно они входят в состав усадьбы, как ее первоначальное ядро, окруженное более поздними пристройками. Взятые же отдельно, они могут дать представление о том, как

выглядело первоначально все жилище. Таково, например, жилое помещение в доме Тану Отгоева в Безенги. По примененным материалам, по устройству и расположению этой части усадьбы видно, что это ее старейшая постройка, а все остальное пристраивалось к ней после. Внутреннее ее пространство представляет собой неправильной формы несколько вытянутый прямоугольник, образованный четырьмя стенами, из которых две являются вертикальным срезом в уступе скалы, а две другие сложены из естественного камня. Несколько столбов в середине помещения подпирают потолочные балки, несущие кровлю. В одной стороне между столбами расположен очаг, являющийся центром жилой части помещения, другая часть внутреннего пространства предназначалась под зимнее содержание скота. Таким образом, вся постройка представляла собой единое пространство, не разделенное на отдельные жилые и хозяйственные помещения. Здесь же видно, как в едином помещении начинает намечаться разделение на жилую и хозяйственную зоны посредством невысокого плетня, устанавливаемого между стеной и средними столбами. Между столбом и противоположной стеной остается свободный проход. Такое выделение зон (а не изолированных помещений) встречается в старых домах и других селений (Верхний Хулам), затем низкий плетень заменяется плетнем-перегородкой на всю высоту помещения (дом Ачи Биязирова в Кала). И, наконец, происходит разделение одного внутреннего пространства на два отдельных помещения — зимнее помещение для скота и собственно жилище. В доме Таукаша Хочуева, который первоначально был одноэтажным, собственно жилище находится за зимним помещением скота и отделено от него каменной стеной. Затем в переднем помещении, где находится скот, в сложенной из камня лицевой стене, усиленной деревянными столбами, несущими кровлю, закрывающиеся наглухо ворота заменяются простым проемом в стене, а потом исчезает и вся каменная кладка стены, остаются лишь опорные столбы. Так это переднее помещение превращается в глубокий навес перед жильем. Скот в нем оттесняется в сторону от прохода в жилище, но так как при этом места для скота оказывается недостаточно, для него отводится еще пространство рядом с жильем, а навес перед

лицевой стеной жилища становится основным местом хозяйственных работ в летнее время. Примером такого типа построек является дом Буллы Забакова в Кумие, усадьба которого состоит из жилища, теневого навеса перед ним и глубокого навеса для скота рядом с жильем.

Само жилище также постепенно дифференцируется. Как происходит этот процесс в начальной стадии, можно проследить на примере дома Ахмана Кулиева в Верхнем Чегеме. Дом этот, представляющий собой вообще очень характерный образец жилища патриархальной большой семьи, отличается очень значительными размерами как по площади внутреннего пространства (64 кв. метра), так и по высоте (более 5 метров). Хотя сейчас все внутреннее пространство составляет единое целое, но по пазам в прогонах, пересекающих помещение на разных уровнях, можно представить, что раньше под одной крышей, опирающейся в центре на громадный деревянный столб, располагалось целое большое хозяйство. По средней оси находился обширный крытый хозяйственный двор. Слева от него — помещения для скота, а справа — жилая часть, состоящая из основного помещения с очагом у стены и нескольких отдельных помещений, соответствующих числу брачных пар младших поколений, находившихся в подчинении главы семьи.

Снизу приставная лестница вела во второй ярус, расположенный над жилыми помещениями. Там, как в месте менее доступном, находились склады для хранения имущества и запасов. Значительность рода, владевшего усадьбой, подтверждается наличием на ее территории остатков домашней оборонительной башни. Как видно на другом примере дома Тамука Кулиева в Булунгу, в родовых селениях более позднего происхождения, когда глава рода уже не имел такого влияния, его жилище по своему устройству хотя и повторяет вышеописанный образец, но размеры его значительно меньше (примерно 20—25 кв. метров). Такое же квадратное помещение с несущим столбом посередине и очагом возле него имеет антресоли для хранения имущества, но уже никак не расчленяется в плане. По мере роста семьи ее члены уже не остаются возле родительского очага, а выделяются в пристройки, примыкающие к первона-

чальному дому. Поскольку скот при этом остается общим, хозяйственные и бытовые интересы отдельных членов рода еще тесно связаны, новые жилые ячейки, пристраиваемые друг к другу возле первоначального жилья, группируются вокруг общих помещений для скота и соединяющих их коридоров. И хотя каждый из них имеет свой очаг, все они еще тесно связаны друг с другом, образуя единый, постепенно разрастающийся массив под одной кровлей, состоящий из целого лабиринта крытых коридоров, с рядом жилищ по сторонам, чередующимся с пространствами, отводимыми для содержания скота.

В дальнейшем разрастание рода сопровождается еще большим ослаблением взаимосвязи его членов, предвещающая неизбежное превращение родства в соседство. Чрезвычайно характерным примером жилищ и целых жилых комплексов, сложившихся на этой стадии развития, является Абдулаевский поселок Верхнего Баксана.

Если в Булунгу среди всей массы лепящихся друг к другу жилых ячеек еще легко можно отличить по монументальности и размерам первоначальное ядро основателя рода, имевшего еще какое-то влияние на остальной род, то здесь первоначальная постройка, от которой пошел весь поселок, обнаруживается только по второстепенным признакам. Это такое же жилище, как и все его окружающие. Размеры его, как и соседних с ним, уже совсем невелики и составляют примерно 12—15 квадратных метров, в связи с чем уже нет необходимости в промежуточных опорах в виде центрального столба. Очаг перемещается вплотную к стене. Но самым важным в планировке всего комплекса является то, что отдельные его ячейки, примыкая друг к другу и составляя по-прежнему единый монолит, между собой изолированы и обращены выходами не к одному центру или проходу, как в Булунгу, а в разные стороны. Это стремление к обособленности приводит к тому, что самая поздняя постройка поселка — дом Магомета Абдулаева — строится совсем отдельно от остальных, даже стенами не соприкасаясь с ними. В области хозяйственной еще сохраняется общность интересов всего рода. Помещение для скота остается единым, но, в отличие от предыдущих стадий развития, вся хозяйственная часть (двор, загоны для скота) располагается отдельно от жилищ. Происходит дальнейшая дифференциация и самого

жилища. Из основного жилого помещения выделяется в самостоятельную пристройку женская половина — «оттоу». В процессе дальнейшего распада и дробления рода происходит и хозяйственное разделение. Вместо общих помещений для скота при каждом жилище устраивается свой хозяйственный двор с навесами-загонами для скота. Однако закрытые помещения для скота при этом зачастую уже не устраиваются, а вместо этого в жилище отгораживается место для молодняка. С лицевой стороны жилища кровля выступает в виде теневого навеса, опирающегося на деревянные столбы.

Жилища этого вида постепенно становятся наиболее распространенными и знаменуют собой сформирование окончательной схемы построения балкарского жилища.

Самым совершенным образцом этого окончательно сложившегося типа постройки является дом Хаджимурата Кулиева в Эльтюбе. Хотя в плановом и композиционном отношении он во многом близок к тем постройкам Кунюма и Безенги, которые относятся к ранним стадиям развития балкарского жилища, но именно из сравнения с ними можно видеть, какой путь был пройден между этими постройками и какого совершенства и своеобразия достигло балкарское народное зодчество. Ясно, что это было не простым возвращением к прежнему, а свидетельством развития и прихода к исходным принципам на новой, высшей основе. Конечно, не все постройки, возводившиеся по такому принципу, отличались теми же достоинствами.

В доме Хаджимурата Кулиева достижения и традиции, порожденные опытом, соединились с безусловной особой одаренностью неизвестного строителя, так что можно смело говорить об этой постройке, как о памятнике народной архитектуры Балкарии. Другие подобные этой постройке, возводившиеся позднее, говорят об упадке строительного искусства, сопровождавшем дальнейшее развитие социально-экономических отношений. К тому же в распоряжении строителей более позднего времени не было таких строительных материалов, как лес, применявшийся при постройке дома Хаджимурата Кулиева. Ведь столбы, пошедшие в нем на опоры, поддерживающие навес, на коньковый брус и на пластины

для кровли, имели в диаметре до 60 сантиметров и отличались исключительной добротностью. В других же подобных постройках на эти цели употреблялись жерди и столбы диаметром 15—20 сантиметров, и обработка их была гораздо примитивнее.

Итак, оглядываясь на все стадии развития народного жилища Балкарии, мы видим, как первоначально происходили чисто количественные изменения. Жилище обрастало новыми, подобными ему же пристройками. По мере такого разрастания новые образования теряли свою соподчиненность, дальнейший рост вел к распаду целого и дроблению на части, становящиеся все более обособленными и существенно отличающимися от первоначальных, т. е. количественные изменения постепенно приводили к изменениям качественным самой структуры жилья.

Соответственно этому общему процессу развития жилья, его планового и композиционного решения идет развитие с отдельных конструктивных элементов постройки и прежде всего устройство очага.

III. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КОНСТРУКТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЖИЛИЩА

1. Очаг

Очаг в балкарском народном жилище, как было отмечено раньше, является организующим центром всего внутреннего пространства дома. С очагом связаны важнейшие моменты жизни обитателей дома. Возле него происходит приготовление пищи. Здесь собираются члены семьи, происходят прием и угощение гостей. Поэтому в балкарском народном жилище, как и у других народов Кавказа, очагу придавалось особое значение.

Видоизменения очага, его размеров, расположения в жилище и устройства дымника над ним прошли через целый ряд стадий от простого костра первобытного жилья до своеобразной формы пристенного камина.

Если очаг первобытного жилища нетрудно представить себе как обычный костер в середине, все дальнейшие видоизменения его можно проследить на примере

ряда сохранившихся жилищ, в которых устройство очага соответствует различным стадиям его развития.

Примером наиболее примитивного (после костра) устройства могут служить очаги в доме аула Тура Хабла и в доме Тану Оттоева в Безенги. Очаг дома Тура Хабла, расположенный в середине жилища между двумя опорными столбами, отличается наибольшими по сравнению с другими размерами, занимая площадь более 2 кв. метров. Место очага обрамлено каменными плитами, сложенными с двух сторон в виде низких скамей, образующих кунакский круг, над центром которого с жерди, лежащей между двумя столбами, свисает надочажная цепь. Выше к столбам прикреплена еще пара перекрещивающихся жердей, на которые положена громадная, плоская плетеная корзина для солода, покрытая, как и вся поверхность верхней части помещения, толстым слоем блестящей копоти. Никакого отверстия в крыше для выхода дыма нет, только в стене имеется небольшое неправильной формы отверстие в кладке, через которое выходит дым и проникает слабый дневной свет.

В доме Тану Оттоева в Безенги при тех же размерах и также топящийся по-черному очаг имеет более правильную форму четырехугольника со сторонами 120×150 сантиметров. Внутри кунакского круга выделено меньшее углубление — место для огня. Очаг в доме Ортая Забакова в Кунюме, расположенный в центре жилья, еще больше по размерам и имеет форму четырехугольника со сторонами 150, 160, 165, 145 сантиметров. По сторонам этого четырехугольника на низких каменных подставках размером 25 сантиметров уложены доски-скамьи. В крыше над очагом имеется отверстие, обрамленное камнем-плитняком, закрываемое от непогоды шиферной плитой. Таким образом, после первых двух примеров очагов по-черному в этом уже имеется простейшее отверстие для выхода дыма. Следующим звеном является устройство над отверстием плетеного дымника, как это видно в доме Биязирова Ачи в ауле Кала. Над отверстием кровли устанавливается круглый, сужающийся кверху плетень, снаружи обмазанный глиной и побеленный. Но такое устройство дымника практиковалось недолго. Среди множества обследованных объектов оно встретилось только в одном вышеприведенном случае. Очевидно, укрепление основания трубы дымника

непосредственно на кровле, над отверстием в ней, было нецелесообразно как в смысле пожарном, так и конструктивном. Нужно было сделать его независимым от конструкции крыши. Поэтому дымник увеличивают по высоте так, что, проходя сквозь отверстие в крыше, он нижней своей частью опускается над очагом внутри помещения примерно на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ высоты жилища, опираясь основанием на положенные клеткой жерди, укрепленные на промежуточных столбах. Такое устройство очага получает широкое распространение и встречается в большинстве старых домов, имеющих очаг в середине жилища. Так он выглядит в доме Каплана Гергокова в Верхнем Хуламе.

Когда над основным жильем устраивается во втором этаже летнее помещение, дымник наращивается по высоте, проходя сквозь второй этаж, не имеющий своего очага. Примером такого решения является очаг в доме Таукаша Хочуева в Шики, где высота дымника равна 4 метрам. При этом в двух последних примерах можно заметить, что по мере того, как меняется конфигурация плана жилища и вместо квадрата он приобретает форму вытянутого прямоугольника, расположение очага между столбами по оси помещения становится затруднительным из-за узости пространства между продольными стенами. Размеры очага сокращаются. Сперва он разделяется на две части — место для огня и место для хозяйственных работ. Затем вторая часть устранивается. Иногда в жилищах, имеющих внутри не два, а один несущий столб, очаг располагается не в середине между столбами, а между стеной и центральным столбом (дом Тамука Кулиева в Булунгу).

Наконец, когда размеры жилищ еще более сокращаются и в середине их больше не ставится подпирающих кровлю столбов, очаг переносится вплотную к стене. Обычно он устраивается у лицевой стены дома, а нависающий над ним дымник укрепляется сперва на уложенные поперек жилья жерди, а потом на консоли, закрепляемые в теле лицевой стены. Так устроено большинство очагов в аулах Баксанского ущелья. По мере совершенствования этой конструкции консоли для прочности начинают делать из поставленных на ребро пластин, по ним горизонтально укладываются доски, на которые упирается дымник, а выступающие плоскости их об-

разуют полки для посуды. Для большей прочности зонта и ограждения очага от стен по бокам его устраиваются косяки из вертикально поставленных досок, подпирающих консоли. Иногда доски эти делаются расширяющимися кверху, приобретая подобие кронштейнов. По этому принципу устроены очаги в домах Канапа Абдулаева и Магомета Абдулаева в Абдулаевском поселке и в доме Хаджимурата Кулиева в Эльтюбе. В ряде случаев для защиты от задувания очаг со стороны двери закрывается специальной стенкой из плетня, как это сделано в одном из домов аула Кала. Если лицевая стена дома деревянная, в месте расположения очага она защищается от огня вертикально прислоненной к ней шиферной плитой.

Перемещение очага от центра жилища к стене завершается тем, что очаг выносится за пределы жилища в виде ниши в лицевой стене, выступая наружу крупным объемом, врезающимся в теневой навес, как это видно в двухэтажной части дома Тамука Кулиева в Булунгу. Тут важно отметить, что дымник над очагом, проходящий сквозь второй этаж, выполнен не из плетня, а из досок, поставленных вертикально. Досчатые дымники встречаются и в других постройках, причем в Абдулаевском поселке и в Курму досчатые дымники имеют наиболее древние части дома, так что можно предположить, что здесь именно так они и устраивались первоначально. И только позднее их стали делать из плетня. В ранних досчатых дымниках доски ставятся на ребро горизонтально с довольно искусной врубкой углов. От жара очага доски быстро коробились и такие дымники плохо сохранялись, а затем полностью были вытеснены плетеными дымниками.

Выше отмечалось, что дымник очага в большинстве жилищ являлся одновременно и единственным источником проникновения дневного света внутрь помещения. Такое понимание роли дымника нашло характерное выражение при переустройстве его в одном из домов Былыма. Когда со временем обычный очаг жилища был заменен чугунной переносной печкой, дымник старого очага не был уничтожен, над ним была устроена односкатная крыша, а в вертикальной стенке вырезано отверстие и вставлена оконная рама. Таким образом дымник превратился в световой фонарь над домом, который дает гораздо больше света, чем окно в лицевой стене, затенен-

ной выступающим перед ней навесом. Устройство обычных окон в балкарских жилищах мы рассмотрим в разделе, посвященном дверным и оконным проемам. Теперь же перейдем к описанию других конструктивных элементов жилища: стен, опор, кровли.

2. Стены балкарских жилищ

Говоря о влиянии физико-географических условий отдельных ущелий на формирование типов жилищ, мы подробно останавливались на разных приемах возведения построек и используемых при этом строительных материалах. Было установлено, что основным материалом для искусственного возведения стен являлись естественный камень разных пород и в некоторых случаях дерево.

К сказанному остается добавить, что искусство возведения стен из различных материалов, как и все строительство в целом, прошло в своем развитии также через ряд этапов. Возникшие при этом разновидности приемов можно увидеть на примере ряда конкретных объектов. Искусство каменной кладки в жилищах Балкарии может быть представлено разными образцами — от самой примитивной кладки, подобной простому нагромождению, до циклопической кладки на связующем растворе и насухо, достигшей определенной степени мастерства. При этом наиболее примитивная форма кладки характерна для построек Баксанского ущелья, где первоначальное строительство было деревянным и поэтому опыт каменного строительства был беднее, да и породы камня менее пригодны для строительства. Все же наиболее характерным примером примитивной каменной кладки можно считать стены, идущие по периметру родового селения Булунгу. Полная высота внутренних помещений здесь получается за счет некоторого заглубления построек против нулевого уровня почвы и идущего по краю невысокого каменного барьера стены, сложенного насухо из валунов различной величины. Там, где к этой стене примыкают жилые помещения, она имеет глиняную обмазку снаружи и внутри. Такой же хаотический характер имеет кладка стен хозяйственных помещений в Курму и ограды вокруг каждой усадьбы. При всей кажущейся беспорядоч-

ности в этой кладке уже соблюдается определенное элементарное условие: более крупные камни кладутся вниз, поменьше — вверх, происходит приблизительный подбор формы естественного камня, позволяющий достигать более плотного прилегания отдельных камней друг к другу. Следующим этапом является циклопическая кладка на связующем растворе. Слои связующего достигал такой величины, что часто камни как бы втапливались в массу раствора. В качестве связующего использовалась глина, а затем известковый раствор большой прочности. Стены, сложенные на таком растворе, достигают весьма большой толщины, которая, например, в доме Ахмана Кулиева в Эльтюбе равняется 1,2 метра. Снаружи и внутри поверхность стен не выравнивалась, но снаружи производилась побелка по слою обмазки. Внутри помещений, отапливаемых по-черному, да и во всех прочих, стены со временем покрываются толстым слоем сажи, которая с годами приобретала такую крепость и блеск, что кажется, будто все внутри дома на высоте 1 метра от пола и выше покрыто густым слоем черного лака. Иногда на внутренней стороне стены производилась грубая обтеска камня или затирка.

Дальнейшее совершенствование каменной кладки видно на устройстве подпорных стенок потеррасных селений, таких как Думала и Былым. Здесь размеры камней значительно меньше. Для кладки выбираются более плоские камни, в результате чего внешняя поверхность стены получается довольно ровной. Наконец, наибольшего совершенства достигает кладка стен в Хуламо-Безенгийском ущелье в ауле Шики, где для этого употребляется плитняк, дающий возможность добиться гораздо большей тщательности кладки. Кладка стен построек этого селения отличается следующими особенностями: выполняется кладка насухо, без применения раствора. Размеры камней больше внизу и меньше наверху. В кладке заметно стремление добиться перевязки швов. Камни укладываются вразбежку, с тщательным подбором их. Соблюдается частичная горизонтальность рядов. По наружной стороне производится частичная обтеска поверхности камня. В щелях между более крупными камнями используется в качестве заполнителя мелкий щебень. В стенах, как указано было раньше, встречается вкрапление узорчатой кладки. В некоторых случаях в толщу стены за-

кладываются деревянные жерди, играющие роль связи. Особой тщательностью подбора и перевязки камней отличается кладка внешних углов стены.

В районах, когда-то богатых лесом, стены построек вначале делались целиком из дерева. Затем дерево использовалось только в верхних частях стены, как основание для кровли. Интересно сочетание дерева с камнем в уже описанном ранее доме Ахмана Кулиева. Каменные стены 2-го яруса значительно тоньше стен первого этажа, имеющих толщину 120 сантиметров. Эта верхняя стена с внутренней стороны усилена шестью венцами бревен, образующих сруб, как бы вставленный в каменные стены, нависший над первым ярусом и подпираемый вертикальными стойками.

Кроме целых бревенчатых срубов или деревянной верхней части стены, среди описанных выше построек есть пример использования дерева как стенового материала не в виде целых бревен, а в виде пластин, досок, из которых сделаны надстройки 2-го этажа в двух жилищах Булунгу. В них можно отметить умело сделанную врубку углов. В ряде случаев дерево как стеновой материал используется для перегородок, в которых доски ставятся вертикальным рядом, как например, в коридорах Булунгу. Говоря о конструкции и приемах возведения стен в балкарских жилищах, нужно особо отметить, что каменная кладка обычно в них выполняется только как средство ограждения и защиты от внешней среды, а не несущий элемент, способный воспринимать нагрузку от кровли или междуэтажного перекрытия. Для этой цели — восприятия вертикальных нагрузок — применяются деревянные опоры.

3. Деревянные опоры

В зависимости от размеров и формы помещений, несущие столбы расставляются в них как посреди помещений в пролете балок, так и по краям, вдоль стен. В середине столбы устанавливаются в один или два ряда или устраняется один центральный столб круглого, реже квадратного сечения. Опоры вдоль стен иногда делаются из толстых пластин, имеющих вид пилястр.

В балкарских жилищах, кроме столбов, принимающих на себя всю нагрузку, применяются опоры, передающие

часть нагрузки на стену, к которой они прислонены, или опоры в виде сложенных клетью коротких стволов. Такая конструкция устраивается в тех случаях, когда из-за большого пролета и значительного веса кровли нельзя рассчитывать на достаточную прочность обычного столба. Сами по себе столбы опор также имеют ряд разновидностей. Наиболее примитивные представляют собой ствол дерева, не подвергнутый никакой обработке. На нем сохраняются даже сучья, используемые для подвески различной утвари. При этом в дело идут и кривые стволы, лишь бы они могли выдержать приходящуюся на них нагрузку. Выбираются для опор те части ствола, которые имеют сверху разветвления, удобные для укладки на них потолочных балок. Такой вид опоры применен в доме Биязирова Ачи в Кала и в крытом дворе дома Таукаша Хочуева в Шики. В постройках более развитого типа ствол столба обрабатывается чище. В домах Кунюма и Безенги характерной особенностью опор является то, что они имеют конусообразную форму и устанавливаются расширением вверх. Для этого берется ствол с комлевой частью, в которой древесина отличается особой прочностью. Установка столба комлем вверх позволяет создать большую площадь среза для укладки потолочной балки, состоящей из двух брусьев. Часто такое расширение верха опоры придает ей подобие капители. В других случаях ствол опоры имеет утончение диаметра кверху и книзу. Наконец, в самых совершенных постройках, таких как дом Хаджимурата Кулиева, опоры имеют все признаки архитектурной отделки настоящей колонны. Круглый ствол обтесан на 16 граней. Начиная от $\frac{1}{3}$ высоты он утончается кверху, так что верхний диаметр колонны на $\frac{1}{6}$ меньше нижнего. Во всех случаях деревянные опоры для предохранения их от гниения ставятся на каменную подставку. Размеры такой подставки бывают различны. Обычно соотношение диаметра ствола и каменной подушки под ним, примерно, равно 1:2, в некоторых случаях размеры подушки значительно больше. В доме Таукаша Хочуева в Шики камни, подложенные под столбы диаметром в 30 сантиметров, имеют в поперечнике 80 сантиметров и образуют вокруг столба нечто вроде сидения или подставки для различной домашней утвари, котлов, кадок и т. д. В верхней части столбов устраиваются гнезда и пазы для укрепления в них горизонталь-

но положенных жердей, несущих дымник. Если с одного конца жердь втыкается в выдолбленное в столбе круглое гнездо, то с другого конца жерди в столбе выдалбливается 2-образный паз, позволяющий свободно завести в него и уложить неподвижно жердь так, чтобы она не выпадала из этих гнезд. В редких случаях встречается украшение столба повешенным вверху его черепом с рогами, говорящее о бытующих здесь остатках культа животных.

4. Кровля

По сравнению со всеми другими элементами народно-го жилища кровля отличается тем, что конструктивное решение ее во всех ущельях Балкарии почти одинаково. В общем ее устройство везде сводится к следующему. Поперек помещения укладываются балки диаметром 25 — 35 сантиметров, подпираемые в пролете и на концах стойками. По ним в перпендикулярном направлении укладывается сплошной накат из жердей диаметром 10—15 сантиметров. На этот накат накладывается либо плетень, либо хворост, прижимаемый камнями, покрытыми соломой или мхом и засыпанный слоем плотно утрамбованной земли, иногда также перемешанной с соломой. Со временем смываемый дождями и выветривающийся слой земли наращивается и в некоторых случаях достигает такой толщины, которую не могут выдержать несущие опоры. В результате — ряд случаев обрушения кровли. Однако обычно такие катастрофы предотвращались своевременным укреплением и заменой стоек. Устроенные таким образом кровли в селениях разных ущелий иногда отличаются друг от друга только диаметром применяемых для наката жердей и разным соотношением количества камня и земли, покрывающих кровлю; в Кунюме встречаются постройки, по настилу которых камень-плитняк уложен в несколько слоев без последующей засыпки землей, а в Баксанском ущелье, наоборот, — в ряде случаев по плетню, уложенному на накат, насыпан слой земли без прокладки из камня. Кроме того, в ряде случаев вместо наката из жердей укладывался досчатый настил, а балки, несущие кровлю, делались из двух рядом положенных брусьев, если диаметр бревен был недостаточен.

В большинстве случаев кровля делается плоской и в селениях, где постройки располагаются потеррасно, по-

верхность крыши одного дома используется как основание вышестоящего дома и открытая площадка перед ним. В тех местах, где дома располагаются на одном уровне или, во всяком случае, не один над другим, если обилие выпадающих осадков требует этого, устраивается двухскатная кровля с уклоном скатов от едва заметного до 1:3. В этих случаях коньковый брус кладется выше мауерлатов, или боковых прогонов, для чего он либо опирается на поперечные потолочные балки, либо подпирается коротышами, стоящими на этих балках. В остальном такая кровля выполняется так же, как и плоская. По краю крыши, особенно со стороны теневого навеса, плетень, лежащий на настиле, несколько приподнимается «корытом», для чего по краю под него подкладывается либо ряд камней, либо дополнительный прогон. Делается это для предотвращения сползания слоя земли с крыши.

Видоизменения в устройстве кровли, по мере развития жилища, от примитивных к более совершенным сводились, главным образом, к более тщательному выполнению отдельных ее элементов — к замене круглых жердей досчатым настилом, применению вместо хвороста и соломы прутьев, связанных в виде плетня, к переходу от плоских покрытий к двухскатным. Впрочем, возможно, что там, где была в этом необходимость, двухскатные кровли устраивались с самого начала.

5. Дверные и оконные проемы

Устройство дверных проемов в балкарских жилищах также осуществлялось во всех типах примерно по одному принципу. Обычно в проем каменной кладки устанавливалась деревянная колода из брусьев круглого или квадратного сечения, причем в брусьях косяков выбиралась четверть. Двери, закрывающие проем, как правило, делались двухстворчатые. Полотно каждой створки выполнялось из одной целой деревянной пластины или доски толщиной до 5—7 сантиметров и шириной от 40 до 60 сантиметров. Каждая такая створка с одной стороны, сверху и внизу, имеет кругло отесанные выступы — шиши. Эти шиши вставлены в гнезда, выдолбленные в пороге и затяжке колоды, и на них створка вращается без каких-либо петель. Такой прием укрепления створок дверей настолько удобен, что он применен не только в самых ран-

них постройках, но даже в совсем недавних, для которых могли быть использованы металлические петли. Кстати нужно сказать, что не только в устройстве деревянных дверей и окон, но и вообще во всем строительстве народных жилищ Балкарии совершенно отсутствует применение каких-либо металлических креплений: гвоздей, петель. Железные скобы, скрепляющие в некоторых случаях балки со стойками или венцы бревен между собой, поставлены в самое недавнее время с целью укрепления слишком обветшалых частей дома. Только в единичных случаях, например, в доме Таукаша Хочуева в Шики, где ворота, ведущие во двор, двери и окна дома сделаны одностворчатыми, полотнище ворот составлено из нескольких досок, сплоченных друг с другом с помощью поперечины, к которой они пришиты гвоздями. Но этот створ сделан, очевидно, недавно и без нужных навыков, поэтому он почти поломался, в то время как более древние части построек долго и хорошо сохраняются. Никаких скоб или запоров дверные створки не имеют. Каждая створка делается немного шире половины ширины проема, так что закрываются они как бы внахлестку. В одной из створок проделывается круглое отверстие для удобства открывания ее. Для запираания дверей используется жердь или какой-либо брус, вставляемый в пазы в косяках, которым дверь закрывается изнутри. В конструкции дверных проемов особо следует остановиться на перекрытиях их и устройстве затяжки. Поскольку толщина стены обычно больше ширины дверной колоды, внутри помещения проем перед колодой перекрывается положенными над ним деревянной пластиной или двумя — тремя рядами жердей. Эта деревянная перемычка, концами защемленная в кладке стены, сверху не загружается камнем: каменная кладка над проемом делается так, что по бокам проема камни выпускаются навстречу друг другу, а между ними остается пространство. В следующем ряду кладется перекрывающий его большой камень. Таким образом, над проемом каменная кладка сходится ступенями, образуя подобные арки, в основании которой лежит перемычка. Так над каждым дверным проемом в стене получается ниша, закрытая с наружной стороны, с полкой-перемычкой, не испытывающей напряжения на изгиб от вышележащих камней. Такой прием перекрытия дверного проема соблюдается во всех постройках Бал-

карии независимо от того, к какому типу строительства они относятся. Под затяжкой перед дверными створками врезается еще вертикально поставленная доска с вырезом по дуге или полукругу, создающем впечатление арочного обрамления проема. Она предназначена для того, чтобы препятствовать открыванию створок дверей наружу. Закругленный вырез в лобовой доске позволяет не уменьшать высоту и в то же время создает определенный декоративный эффект. Последнее надо особо подчеркнуть, так как это является единственным декоративным мотивом во всей архитектуре народного жилища, имеющей во всем остальном исключительно утилитарный характер (если не считать еще вкрапленной кое-где в каменные стены узорчатой кладки «в елку»). Тут следует кстати сказать, что если вообще по деревянным конструкциям балкарских жилищ можно судить о том, как зарождались формы, получившие свое высшее развитие в каменной архитектуре, то в обрамлении дверного проема можно видеть, как каменные архитектурные формы повторялись и развивались в деревне. Хотя ранее нами было отмечено, что традиции возведения монументальных сооружений, сохранившихся на территории Балкарии, не нашли существенного отражения в архитектуре местного народного жилища, некоторые признаки такой преемственности все же можно заметить. Так, рассмотренное нами устройство лобовой доски с арочным вырезом в деревянном обрамлении дверных и оконных проемов весьма близко по форме к обрамлению дверного проема боевой башни Верхнего Джераха (Северная Осетия). Вход ее перекрыт большой каменной плитой с высеченной в ней снизу аркой. Арочный вырез в монолите одного камня, перекрывающего пролет, является, конечно, сам по себе чисто внешним подражанием арочным перекрытиям более древних построек других областей (может быть, Грузии). В нем происходит смешение принципов балочного архитравного перекрытия со сводчатым арочным, причем, поскольку арка состоит не из отдельных заклиненных камней, а из одного, имеющего вырез снизу, такое решение только ослабляет конструкцию перекрытия проема, так как камень, и без того плохо работающий на изгиб, ослаблен здесь искусственно сделанным вырезом. Этот прием чисто декоративного решения в камне, перенесенный и повторенный в деревянном обрамлении проемов

балкарских построек, оказался в них несравненно органичнее, так как деревянная лобовая доска с таким вырезом не работает на изгиб и вообще не является несущей конструкцией. В то же время устройство выреза в деревянной доске вполне естественно, причем заделка ее концами в толще стены препятствует выгибанию ее и деформации. Таким образом, преемственность здесь означает несомненное совершенствование.

Оконные проемы имеются далеко не во всех жилищах Балкарии. В первоначальных постройках они вообще не делались. Иногда в жилищах, отапливаемых по-черному, оставлялось в стене отверстие для выхода дыма. Оно не имело определенной формы, было очень небольшим по размеру и устраивалось под самым потолком. Затем в такое отверстие вставлялась колода со ставней. Одним из наиболее древних примеров такого проема, служившего не столько для освещения, сколько для выхода дыма в отапливаемом по-черному жилище, является окно в доме Тану Оттоева в Безенги, расположенное на высоте 150 сантиметров от уровня пола; оно имеет в свету размер 38×50 сантиметров и закрывается одной досчатой створкой. В других случаях этот проем делается ниже и больших размеров, превращаясь в обычное окно. Поскольку для устройства такого окна используются брусья той же толщины, что и для дверных проемов, а размеры его значительно меньше, соотношение колоды, составляющей обрамление оконных и дверных проемов, и общего размера проема придает очень точную масштабность этим элементам и всему сооружению в целом. Это особенно хорошо видно на уже приводившемся доме Хаджимурата Кулиева в Эльтубе.

Со временем тщательность и массивность выполнения дверных и оконных проемов значительно снижаются, в чем можно убедиться из сравнения дверных и оконных проемов указанного дома с теми же деталями в доме Джандара Толгурова в Быльме.

Чтобы понять все значение описанных здесь приемов решения основных элементов балкарского жилища, следует учесть, на каком уровне развития строительной техники происходило их формирование. Для этого достаточно вспомнить, что при имевшихся у строителей технических средствах возможности, например, обработки дерева были настолько ограничены, что при устройстве сруба

или укладке балок кровли бревна оставались той длины, какую имели после повала леса, ввиду особой затруднительности поперечной рубки. По выступающим на разную величину концам этих бревен видно, что для получения их дерево не перепиливалось, а подрубалось (см. дом Тимудара Гулиева в Курму). Там, где концы бревен срезаны, по свежести среза видно, что они отпилены в недавнее время. Продольное разделение стволов хотя и было легче осуществимо, производилось также самым примитивным способом — расщеплением с помощью клиньев, загонявшихся в трещины, — дававшим возможность получения из одного бревна двух пластин.

Как мы видели, на том же уровне находилась и техника обработки камня, возведения каменных стен и т. д. Тем не менее анализ сложившихся в этих условиях приемов строительства свидетельствует о чрезвычайно развитом в народе интуитивном «чувстве материала» и его тектонических возможностей. Об этом говорит последовательное соблюдение условия, являвшегося как бы правилом, — повсеместное применение для восприятия нагрузок только деревянных опор и использование каменной кладки только как заполнения и средства ограждения, поскольку примитивность каменной кладки не обеспечивала ее надежности в качестве несущей конструкции. В то же время там, где не было стволов достаточной толщины, применяется остроумная система распределения нагрузки между деревянной опорой и каменной кладкой, при которой опора как бы укрепляет кладку (см. опоры в доме Магомета Абдулаева в Курму). О том же наличии природной находчивости строителя говорит описанное выше устройство опоры клетью там, где нагрузка кровли слишком велика для вертикально поставленной деревянной стойки. Наконец, о том же свидетельствует использование расширения кромля ствола для укладки на колонну балки из двух рядом лежащих брусьев, совершенствование конструкции дымохода, решение дверных и оконных проемов, перекрытие проемов в каменной кладке стен. Кстати, насколько верно учитывались создателями балкарских построек свойства применяемых материалов, можно судить по тому, как положен камень над проемами стен. Чтобы перекрыть каменной плитой более значительный, чем обычно, пролет входа в конюшню дома Буллы Забакова в Кунюме, взят неотесанный ка-

мень неправильной формы, имеющий размеры $2 \times 0,70 \times 0,40$. Но, если обычно такие камни укладывались плашмя, здесь он поставлен на ребро, так что плоскости слоев в нем вертикальны и тем самым увеличено сопротивление на изгиб.

Этот прием, когда-то подмеченный Шуази при исследовании храмов на острове Эгине и в Пестуме, считался им признаком высокого понимания греческими зодчими свойств материала и вполне заслуживает такой же оценки при изучении построек балкарских жилищ.

Вообще из приведенного выше описания основных конструктивных элементов балкарского народного жилища видно, что по их конструкции, форме и постепенному развитию можно, как было сказано вначале, судить о том, как зарождались классические архитектурные формы.

Обычно, чтобы представить, как выглядели те деревянные опоры, от которых произошла ордерная система классики, обращаются к изображению архаической деревянной колонны, высеченному на архитравном камне Львиных ворот в Микенах. Показанный на нем столб, несущий перекрытие в виде балки с лежащим на ней рядом жердей, прижатых камнями, является памятником тех деревянных конструкций, которые не сохранились от времени, отдаленного от нас почти тремя тысячами лет. Но вот мы рассмотрели ряд опор балкарских жилищ, и при этом оказывается, что несущие столбы в доме Буллы Забакова в Кунюме, сооруженном не ранее XVI в., почти полностью повторяет указанное изображение. Причем здесь эту опору мы видим не изображенной по исчезнувшему образцу и не открытой археологами под наслоениями эпох, а реально существующей и несущей нагрузку, для поддержания которой она была когда-то установлена. И если сопоставить кунюмскую опору с микенской, опору в доме Масарби Малкарова в Тура Хабла со столь сходной с ней пальмовидной колонной Египта или взглянуть на четырехгранный деревянный центральный столб жилища дома Тамука Кулиева в Булунгу, то кажется, что все они созданы специально для того, чтобы проиллюстрировать и подтвердить слова Альберти о том, что «Сначала колонны были деревянные и круглые, какими даровала их природа, а затем применение их привело к тому, что в некоторых местах стали появляться и четы-

рехугольные» (см. Лсон-Батиста Альберти, «Десять книг о зодчестве», кн. 1, гл. 10). Наконец, если взять четыре опоры навеса дома Хаджимурата Кулнева в Эльтюбе, каждая из которых обтесана на 16 граней, имеет утонение ствола кверху, начинающееся с $\frac{1}{3}$ высоты, а вся высота которой составляет 6 диаметров и сравнить их с двумя колоннами гробницы Хнемхотепа в Бени Хасане, имеющими также 16 канелюр, то же утонение ствола (энтазис) и то же соотношение диаметра к высоте, — трудно поверить, что последние датируются между 2770-ми и 2560-ми годами до нашей эры, а первые созданы в горах Кавказа не ранее XVIII в. А ведь именно колонны Бени Хасана считаются самым ранним первообразом греко-дорического ордера. Форма этих колонн с их карнизом и высеченными в скале подражаниями торцам балок рассматриваются как древнейшее свидетельство деревянного происхождения этого ордера. Но в истории мировой архитектуры нет такого памятника деревянного зодчества, который по своим формам так непосредственно примыкал бы к этому древнейшему воплощению в камне предшествующих ему форм деревянной конструкции и в котором бы уже имелись выполненными в дереве все элементы архитектурной обработки, повторенные в камне в гробницах Бени Хасана. Правда, колоннада дома Хаджимурата Кулнева появилась не до гробниц Бени Хасана, а через 3000 лет после них, но ведь она была бы точно такой же, если бы этих гробниц вообще не существовало, и поэтому вполне может рассматриваться как памятник архитектуры предшествующей стадии развития.

То же высоко развитое интуитивное чувство материала, его свойств и возможностей можно заметить по тому, как осуществлялось не только жилищное, но и другие виды строительства: дорожное строительство (начиная от опознавательных знаков на перевалах и кончая высеченными в скалах и укрепленными подпорными стенками дорогами селений), строительство мостов в виде деревянных консолей, закрепленных в каменной кладке на противоположных берегах, строительство мельниц, устройство водопровода в виде желобов, выдолбленных в стволах дерева и уложенных на каменные подставки с соблюдением уклонов, как это было принято еще в римских акведуках.

Заканчивая на этом обзор и характеристику балкарского народного жилища, можно считать его главными особенностями:

1) наличие в балкарском жилище разновидностей или нескольких типов, обусловленных физико-географическими историческими условиями;

2) единство основных характерных особенностей, присущих всем видам балкарского жилища, обусловленное общими социально-экономическими отношениями, в которых происходило его формирование;

3) безусловная самобытность архитектуры балкарского народного жилища;

4) наличие ряда стадий в развитии архитектуры балкарского народного жилища — от простейших до окончательно сложившихся форм композиционного и архитектурно-конструктивного решения.

Все это позволяет говорить о том значении, которое имеют балкарская народная архитектура и ее исследование.

Во-первых, изучение ее дает исключительно богатый материал для выяснения многих вопросов истории балкарского народа, важность которого усугубляется крайней недостаточностью других материальных, литературных и архивных данных.

Во-вторых, как было сказано выше, знакомство с отдельными элементами балкарской народной архитектуры дает возможность особенно реально представить себе, как происходило зарождение архитектурной и строительной культуры вообще, причем позволяет судить об этом наиболее ясно, поскольку здесь эти зачаточные формы существуют не как археологические остатки, а действующие элементы еще обитаемых построек.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Г. К. ДЖАНБЕРИДЗЕ

(Научно-исследовательский институт
экспериментальной морфологии
Академии наук Грузинской ССР)

Целью нашего сообщения является демонстрация тех антропологических материалов относительно карачаевско-го и балкарского народов, которые были нами собраны осенью 1958 г. При этом все сопоставления мы будем строить на абсолютно унифицированном материале, так как группы, с которыми мы будем сравнивать (как-то: осетины, кабардинцы, черкесы, абазины, ногайцы, сваны, горные рачинцы и др.), изучены нами же в продолжение последних десяти лет.

Еще в 1954 г. при изучении сванских групп и сравнении их с данными В. И. Левина было обращено внимание на то, что западный сектор кавказского антропологического варианта обнаруживает признаки сходства со своими северокавказскими тюркоязычными соседями — карачаевцами и балкарцами. Поэтому, кроме прочих изученных нами северокавказских групп — кабардинцев, абазин, черкесов, адыгейцев и ногайцев, — было решено изучить карачаевцев и балкарцев.

Осенью 1958 г. антропологической экспедицией Института экспериментальной морфологии Академии наук Грузинской ССР им. А. Н. Натишвили были изучены карачаевцы и балкарцы.

Группы изучались по 100 человек в селениях Карачаево-Черкесской АО и Кабардино-Балкарской АССР¹. При собирании антропологического материала изучались

---

¹ Карачаевцы были изучены в Усть-Джегутинском районе в селениях: Сар-Тюз, Эль-Теркач, Джегута; балкарцы — в Эльбрусском районе в сел. Гунделен.

По выступанию skulls имеем ту же картину. У карачаевцев и балкарцев скулы выступают менее, чем у ногайцев, у которых они резко выражены, как у типичных монголоидов.

Обращает на себя внимание и разница в окраске радужины. Особенно резко это выражено в проценте темных глаз, который достигает у ногайцев 37,6%, тогда как у карачаевцев он составляет 4% и у балкарцев 15%. Причем нужно отметить, что карачаевцы выделяются среди северо-кавказских групп довольно высоким процентом светлых и довольно низким процентом темных глаз.

Между прочим, высокий процент светлых глаз в некотором отношении отличает их от ближайших южных соседей — сванов и горных рачинцев, приближая в этом отношении их к представителям восточного сектора горнокавказских групп, как-то: тушин, хевсур, пшавов и осетин.

Таким образом, по рассмотренным основным признакам, таксономически важным для разграничения монголоидной и европеоидной рас, по складке века, по волосяному покрову на лице и на теле, горизонтальной профилировке лица, пигментации, у карачаевцев и балкарцев нужно исключить монголоидную примесь и определить им место среди прочих кавказских групп, представителей южной ветви европеоидной расы.

Это положение зиждется не только на приведенных признаках, но и на целом комплексе таковых, и лишь объем нашего сообщения не позволяет представить его в более развернутом виде.

Нельзя не отметить, что замеченное другими авторами, в их числе В. П. Алексеевым, отсутствие наличия монголоидных элементов среди карачаевцев и балкарцев еще раз находит подтверждение и в наших новых материалах.

Разграничение карачаевцев и балкарцев от ногайцев, группы с явно монголоидными признаками, не является трудной задачей. Значительно сложнее пойти наиболее близкие к ним типы на окружающей их территории.

С целью выявления групп, близко стоящих в антропологическом отношении к карачаевцам и балкарцам, нами была проведена этнотерриториальная дифференциация всех признаков на сопредельной с Карачаево-Балкарской территорией, что прежде всего дало возможность выявить

таксономически наиболее существенные признаки для изучаемых групп. Как показал анализ, таковыми являются: длина тела, поперечный диаметр головы, головной указатель, скуловой диаметр, наименьшая ширина лба, нижнечелюстной диаметр, высота носа, кончик и основание носа, профиль носа, цвет глаз, профиль лица и др. Анализ этих признаков показал, что наиболее близкими к балкарцам и карачаевцам являются разные группы, населяющие Кавказский хребет. Для примера можно привести дифференциацию некоторых из этих признаков.

Длина тела. На Кавказе длина тела — таксономически ценный признак. Это особенно выявляется при сравнении горных групп с прочими. Как известно, горные группы с обеих сторон Кавказа характеризуются высоким ростом. Они выше, чем южные группы Грузии, кабардинцы, черкесы, абазины и др. Карачаевцы и балкарцы по этому признаку характеризуются довольно высоким ростом, приближаются к горным группам Кавказа и превосходят кабардинские, черкесские и абазинские группы. Нельзя не заметить здесь же, что карачаевцы и балкарцы отличаются также от более низкорослых ногайцев.

По диаметрам мозговой коробки карачаевцы и балкарцы характеризуются большими размерами, особенно резко выделяются поперечным диаметром, карачаевцы — 161,6, балкарцы — 161,3, так же как и у горных групп Кавказа, тогда как у кабардинцев, черкесов и абазин он гораздо меньше, а у населения Адыгейской АО он еще меньше.

Карачаевцы и балкарцы характеризуются большими величинами широтных диаметров лица (наименьшая ширина лба), скулового диаметра и нижнечелюстного диаметра. Особенно нужно обратить внимание на скуловую ширину, которая достигает в горных группах Кавказа максимальных величин. Скуловой диаметр — это важнейший признак для изучаемой территории. Поэтому признаку в основном удалось выделить группы кавкасионского антропологического варианта. Карачаевцы и балкарцы (147,0; 145,0) по этому важному признаку близко стоят к группам кавкасионского варианта — к сванам, горным рачинцам, осетинам и другим и отличаются от кабардинцев, черкесов и абазин, у которых лицо значительно уже. Особенно резко отличаются от них наиболее узколикие

индивиды мужского пола от 19—20 до 60 лет и старше (разбитые на три возрастные группы).

Изучался лишь тот, который считал себя карачаевцем или балкарцем, у которого отец и мать были представителями этой же этнотерриториальной группы.

Для сравнения использованы группы, изученные экспедициями антропологического отделения Института экспериментальной морфологии АН ГССР по той же методике и полной антропологической программе, так что материал полноценен и вполне сравним, причем изучение велось одними и теми же исследователями.

Сравнительный материал состоит из горных групп Грузии восточного и западного секторов: сванов, горных рачинцев, мохевцев, хевсур, пшавов, тушин, а также осетин как северных, так и южных, из северокавказских групп: кабардинцев, черкесов, абазин и ногайцев.

Прежде всего следует рассмотреть вопрос о наличии монголоидного элемента среди карачаевского и балкарского народов. Вопрос в этом разрезе ставится потому, что тюркский язык карачаевцев и балкарцев дал основание многим исследователям считать их потомками монголоидных групп, пришедших на Кавказ с Востока. Из северокавказских групп изученные нами ногайцы Икон-Халкского района Карачаево-Черкесской АО, а также по данным Н. И. Миклашевской — ногайцы Бабаюртовского района Дагестанской АССР относятся к монголоидным группам, несущим на себе черты метизации с европеоидным элементом.

Монголоидной группой, говорящей на тюрко-монгольском языке, на Кавказе в настоящее время являются лишь ногайцы, изученные нами же в 1954 г. в Икон-Халкском районе Карачаево-Черкесской АО. Для выявления наличия монголоидности карачаевского и балкарского народов, конечно, наиболее целесообразным является их сравнение с изученной нами ногайской группой, что даст возможность не сомневаться в действительности существующих между ними различий.

Работы А. И. Ярхо, Т. А. Трофимовой, Н. И. Миклашевской и других советских антропологов показали, что при выяснении антропологических особенностей тюркоязычных народностей следует установить отношение их к двум, большим расам — монголоидной и европеоидной — или промежуточным и смешанным типам.

В соответствии с этим и надо рассмотреть изученные нами группы.

Нами с этой целью проведен тщательный анализ всех изученных признаков. Этот анализ не оставляет сомнения в том, что монголоидных элементов среди карачаевского и балкарского народов нет. Чтобы не быть голословным, приведем несколько признаков, вполне очевидно доказывающих означенное положение.

Складка верхнего века является наиболее характерным монголоидным признаком. При сравнении карачаевцев и балкарцев с ногайцами разница получается весьма реальная. Во-первых, процент наличия складки верхнего века у ногайцев очень высок (96%), во-вторых, интенсивность выраженности складки века среди ногайцев значительно большая, чем у карачаевцев и балкарцев.

Эпикантус, т. е. монгольская складка, у ногайцев встречается в очень большом количестве (34,7%), тогда как у карачаевцев был отмечен всего в двух случаях (2% — в первой возрастной группе), а у балкарцев он вовсе не встречается.

Итак, по этому, таксономически очень важному, признаку карачаевцы и балкарцы, как видим, существенно отличаются от ногайцев, сближаясь с некоторыми группами Кавказа.

Уже не раз отмечалось, что волосяной покров на теле и на лице у кавказских народностей развит очень сильно. Особенно резко он выражен в Грузии. В кавказском варианте он немного слабеет, но все же довольно высок. Средний балл 2,88; 2,42. У карачаевцев и балкарцев волосяной покров на груди, как и у многих групп Кавказа, развит очень сильно, тогда как у ногайцев он развит слабо (1,38). По развитию бороды мы имеем аналогичную картину.

Таким образом, и по этому очень важному признаку карачаевцы и балкарцы близки к группам Кавказа и резко противопоставляются ногайцам.

Не менее наглядная картина получается и по горизонтальной профилировке лица и выступанию скул. Лицо у балкарцев резко профилировано, а у карачаевцев чуть меньше, так же как у верхних сванов (балсземоури) и у осетин Джавского района, типичных представителей кавказского варианта. У ногайцев же более слабая горизонтальная профилировка.

группы Адыгейской АО: абадзехи, чемгуи, бжедуги, шапсуги кубанские.

Таксономическую ценность представляют также особенности строения носа.

По литературным данным и по нашим материалам на севере Кавказского хребта встречаются более прямые, а южнее более выпуклые формы носа. В горных кавказских группах такие формы чуть меньше, чем в Южной Грузии, но горнокавказские группы все же намного превосходят и кабардинцев, и черкесов, и абазин по этому признаку.

Карачаевцы и балкарцы характеризуются выпуклыми формами носа. Особенно ярко это видно по костному профилю носа. Итак, по этому признаку балкарцы и карачаевцы приближаются к горнокавказским группам.

Аналогичную картину сходства карачаево-балкарских групп с горнокавказскими группами показывают и поперечный диаметр, головной указатель, высота носа от переносья, кончик и основание носа, профиль лица и другие, подробный анализ которых мы не имеем возможности передать в настоящее время.

На основании рассмотренных признаков по длине тела, по диаметру головы, головному указателю, широтным диаметрам лица, профилю носа и по многим другим признакам карачаевцы и балкарцы приближаются к горным группам Кавказа: к верхним сванам Лентехского района, горным рачинцам Онского района, к осетинам Ирафского, Гизельдонского, Джавского районов, к хевсурам, тушинам, пшавам и другим горным группам Грузии, объединенным в один антропологический кавкасионский вариант, и в этом масштабе отличаются от кабардинских, черкесских и абазинских групп.

Как видно из этнотерриториальной дифференциации антропологических признаков, по таксономически наиболее важным признакам и морфологической характеристике карачаевцев и балкарцев нужно отнести к кавкасионскому антропологическому варианту. Поэтому генезис карачаевцев и балкарцев непосредственно связан с генезисом кавкасионского варианта вообще.

По поводу генезиса кавкасионского антропологического варианта вообще в антропологической литературе существует положение об его автохтонном происхождении. В недавно опубликованной работе А. Г. Абдушелешвили, специально посвященной некоторым вопросам антрополо-

гических своеобразий кавкасионского варианта, было показано с полной очевидностью, что аналогичные формы этого варианта не встречаются ни севернее, ни южнее расселения горнокавказских групп. А это в свою очередь наводит на мысль о том, что неоткуда было прийти представителям этого варианта.

Это своеобразный антропологический островок, ограниченный с севера адыгейскими, черкесскими, кабардинскими и дагестанскими группами, а с юга грузинскими группами, живущими на изменности.

Как видно, антропологический состав кавкасионского варианта един, и отдельных представителей этого варианта связывает не простое антропологическое сходство, а глубокое генетическое родство, ибо о конвергентном происхождении такого сходства не может быть и речи. Не подлежит сомнению и то, что этот генетически связанный субстрат вошел в состав разных этнических объединений, как-то: грузинских, осетинских, и, как видно в настоящее время, в карачаевские и балкарские группы. Однако это ни в коем случае не означает, что изначальная форма этого антропологического субстрата может именоваться грузинским, осетинским, карачаевским или сванским именем. Ибо все они являются этническими или национальными, а не антропологическими категориями.

Как известно, в состав каждой нации входят представители разных рас и племен. Мы в настоящем сообщении стремились лишь показать пути становления карачаевцев и балкарцев из представителей кавкасионской антропологической группы, что, между прочим, не подлежит сомнению. А каковы были пути формирования других этнических элементов карачаевского и балкарского народов, выходит за пределы нашего сообщения, и мы пока предпочитаем воздержаться от дальнейших этногенетических обобщений наших антропологических данных.

Н. А. БАСКАКОВ,
доктор филологических наук
(Институт языкознания Академии наук СССР)

Каждый народ, прежде чем сформироваться в определенную народность, нацию, прошел весьма сложный путь своего развития, входя последовательно в различные объединения или союзы родов и племен и сталкиваясь в процессе своего развития с различными родственными и неродственными племенами и народами.

Поэтому определение этногенеза, происхождения какого-либо народа представляет собой весьма трудную задачу. Обычно существует столько теорий происхождения данной народности, сколько основных этнических компонентов ее составляют.

Так, например, по изучению проблемы происхождения азербайджанского народа существует три основные теории: мидийская, албанская и огузо-тюркская. В отношении этногенеза чувашского народа существуют угрофинская, тюркская и монгольская теории. В отношении болгар — славянская и тюркская теории.

То же следует сказать и в отношении карачаевского и балкарского народов, о происхождении которых существует гуннско-болгарская, кипчакская, аланская, славянская и другие теории. Вместе с тем определение каждой народности связывается с тем языком, на котором говорит данный народ. Ни у кого нет сомнения в том, что азербайджанцы, чувашаи и балкарцы являются тюркскими народами, а болгары — славянским народом. Следовательно, как бы по безмолвному соглашению, все историки, этнографы, антропологи, археологи и лингвисты признали господствующим и первичным признаком определения данного конкретного народа его язык. Однако все ученые отдают себе отчет в том, что азербайджанцы по своему антропологическому типу, по своей культуре и по неко-

торым элементам языка почти не имеют ничего общего с якутами, хакасами, чувашами и т. д., хотя все эти народы относятся к тюркской группе. Таким образом, язык как бы неполностью определяет этногенез данного народа, хотя бы потому, что его культура, антропологический тип, археологические находки в значительной мере отличаются от тех же признаков родственных по языку народов. И все же при определении принадлежности народности к той или иной группе антропологический тип, культура, быт и т. д. признаются в качестве второстепенных, вторичных признаков. Прежде чем перейти к выявлению этногенеза карачаево-балкарцев, возьмем для примера несколько тюркских народов и определим их родственные отношения внутри той группы народов, к которой они относятся.

Якуты и тувинцы являются, как известно, тюркскими народами. Тюркскими же народами, от которых они произошли, являются древние уйгуры, древние огузы и древние киргизы, язык которых представлен в известных енисейско-орхонских и древнеуйгурских памятниках. Якуты, тувинцы и карагасы сохранили некоторые фонетические, лексические и грамматические особенности своего языка, общие только с древнеогузским, древнеуйгурским и древнекиргизским языками; следовательно, господствующими в этногенезе этих народов компонентами являются древние уйгуры, древние огузы и древние киргизы. Однако, как известно, тувинцы, а также родственные им карагасы в процессе развития этих народностей были тесно связаны с угро-финнами и самоедами, с одной стороны, и монголами, с другой стороны, от которых они получили свои вторичные признаки. Более того, в составе тувинцев, карагасов имеется много самоедских родов, на основании чего некоторые исследователи находили в них отуреченных самоедов. Однако господствующим компонентом, победителем при скрещивании тюркских и самоедских племен и родов, остается все же тюркский, по которому они и относятся к тюркской группе. Точно так же, как якуты, несмотря на значительное участие в их формировании монголов, тунгусов палеоазиатов, остались также тюрками. Таким образом, угро-финны, самоеды, монголы, палеоазиаты и тунгусы определили только вторичные признаки таких народов, как якуты, тувинцы и карагасы. Предками и близкородственными народами

азербайджанцев, турок, туркменов, гагаузов прежде всего являются огузы, причем для турок и азербайджанцев посредствующим звеном был огузо-сельджукский союз племен, в то время как гагаузы входили последовательно в болгарский и кипчакско-половецкий союзы, которые оставили свои следы как в языке, так и в этническом составе, но не изменили его огузской основы. Что же касается некоторых субстратов этих народов, то они были различны для каждого народа: для азербайджанцев иранцы и албанцы, для турок — те же народы и греки, для гагаузов — славяне, романцы и для туркмен — массагеты, парфяне и персы.

Каково же происхождение карачаевского и балкарского народов и их языка? Как уже было отмечено, эти народы представляют собой результат длительного формирования, результат образования особой народности, которая корнями своими уходит в древние времена и которая на пути своего развития приобрела целый комплекс признаков, являющихся в некотором отношении общими и с болгарами, и с кипчаками, и с огузами, и с аланами, и с адыго-черкесо-кабардинцами, и со сванами.

Однако основные и решающие признаки и, в первую очередь, язык определяют, прежде всего, общее и признанное, видимо, представителями всех наук, положение о том, что карачаевцы и балкарцы являются тюркским народом, а не иранским, иберийско-кавказским или славянским. В этом отношении могут возражать разве только антропологи, которые, впрочем, и среди современных русских могут найти группы населения, относящиеся и к средиземноморскому, и к балтийскому, и ко многим другим типам, что объясняется естественным смешением народов и рас.

Определяя принадлежность карачаево-балкарцев к тюркским народам, мы тем самым устанавливаем как основные (эндогенные) этнические компоненты, так и второстепенные (экзогенные) его субстраты. К близкородственным народам — предкам карачаево-балкарцев — могут быть последовательно от более древних к более новым племенным союзам и народам отнесены гуны и образовавшиеся из гуннских племен болгары и хазары, огузы и, наконец, кипчаки, т. е. тюркские племена, которые находились на территории Восточной Европы в период формирования карачаево-балкарцев. К народам же,

которые косвенно определяли некоторые черты карачаево-балкарской народности, относятся аланы, сваны и адыго-черкесо-кабардинцы.

Нет никакого сомнения в том, что все указанные выше народы и племена в той или иной степени участвовали в формировании карачаево-балкарцев. Причем постольку наиболее сильный компонент всегда побеждает в развитии той или иной народности, а в развитии карачаево-балкарцев таким компонентом оказался тюркский, постольку карачаево-балкарцы оказались в большей степени тюрками, чем аланами или адыго-черкесо-кабардинцами, а следовательно, основными их предками следует считать тюркские народности и племена, аланы же, сваны и адыго-черкесо-кабардинцы, оказав также большое влияние на формирование карачаевцев и балкарцев и их языка, являлись народами неродственными, оказавшими внешнее влияние на карачаевский и балкарский народы, на их антропологический тип, на культуру и отчасти язык, который сохранил, однако, свои тюркские черты.

Оставляя в стороне отношения карачаевского и балкарского народов к неродственным народам, оказавшим на них, так сказать, только ocasionальное влияние, постараемся определить место карачаевцев и балкарцев в истории всей системы тюркских народов и племенных союзов.

Исторические памятники отмечают три основные волны миграции тюркских племен на территории Восточной Европы и Кавказа с востока и северо-востока: хуннов, или гуннов (смешанные племена с господствующими племенами оногуров, котригуров, отургуров, сарогуров и пр., из которых позже образовались союзы болгар и хазар), вторжение которых, по китайским источникам, относится к III в. до н. э., огузов, торков, берендеев, печенегов и пр., появление которых относится к IX—X вв. н. э., и кипчаков (половцев), основная масса которых пришла в Европу в XI в., и одной волны — с юго-востока — огузов XI—XII вв., которые тоже легли в основу турок и азербайджанцев.

Все языки тюркских народов, живущих ныне в Восточной Европе и на Кавказе, в разной степени содержат элементы гуннского (т. е. хазарского и болгарского), огузского и кипчакского языков, оставаясь в своей

основе либо болгарскими, либо огузскими, либо кипчакскими языками.

Итак, в зависимости от господствующих признаков языка, все тюркские языки Восточной Европы и Кавказа относятся либо к болгарским, либо к огузским, либо к кипчакским языкам.

Все современные классификации тюркских языков по основным и господствующим признакам относят чувашский язык к болгарским языкам, турецкий, азербайджанский и гагаузский — к огузским языкам и татарский, башкирский, ногайский, кумыкский, караимский и карачаево-балкарский — к кипчакским языкам.

Но кроме господствующих признаков, существуют и дополнительные языковые признаки, характеризующие взаимодействие языков одной группы с языками других групп. Так, среди огузских языков, т. е. языков с господствующими огузскими признаками, есть языки, содержащие частичные болгарские черты и еще в меньшей мере кипчакские элементы. К таким языкам относятся, например, гагаузский язык и некоторые другие языки Балканского полуострова (юруки, ганджалы, кызылбаши и пр.), составляющие особую подгруппу огузо-болгарских языков. Среди кипчакских языков есть языки, обладающие значительными болгарскими чертами, например, татарский и башкирский языки, которые составляют особую кипчако-болгарскую подгруппу. Наконец есть такие кипчакские языки, которые, являясь в своей основе кипчакскими, в слабой мере содержат болгарские и в большей степени огузские элементы; к этим языкам относятся такие, например, языки, как кумыкский и карачаево-балкарский.

Наличие тех или иных господствующих и дополнительных черт не является случайным и обуславливается историческими причинами.

Так, гагаузский язык, язык гагаузов, народа, живущего ныне в Молдавской ССР, Украинской ССР, а также в Румынии и Болгарии, сохранил свою огузскую основу от узов и печенегов и приобрел болгарские особенности благодаря длительному пребыванию в среде дунайских болгар. Татарский и башкирский языки, сохраняя свою кипчакскую основу, имели своим основным субстратом болгарский язык, который и оказал на них весьма сильное влияние, что исторически вполне оправдано тем,

что кипчаки, осевшие на территории Болгарии, были отчасти ассимилированы болгарами, причем кипчакская основа их языка все же сохранилась.

Наконец, кумыкский и карачаево-балкарский языки весьма близкие между собой, являясь кипчакскими языками, прошли такой же исторически длительный путь своего формирования. Как известно, в XI в. на территорию Восточной Европы, занятую болгарскими племенами и потерявшими к тому времени свою мощь хазарами, а также многочисленными огузскими племенами (печенегами, узами, берендеями, ковуями и т. д.), пришли половцы.

За период с XI по XIII в. половцы в зависимости от территории своих кочевий частично сохранили свою кипчакскую основу языка, а частично приобрели, помимо своих кипчакских характерных черт, черты болгарские и огузские благодаря тому, что территория Восточной Европы была заселена главным образом болгарами, находившимися в Среднем Поволжье, черными булгарами (по-видимому, в основном смешанными с огузированными племенами, жившими в Крыму и отчасти на Кавказе) и огузами (узами, печенегами и проч.), кочевавшими в южнорусских степях.

Таким образом, часть кипчаков (половцев), находившаяся на крайнем Востоке, сохранила основные черты кипчакского языка и составляла основную часть населения Дештикипчак (из которой позже образовались казахский и каракалпакский союзы). Другая часть приобрела в своем языке болгарские черты (из этой части кипчаков образовались позже татары и башкиры), и наконец, третья часть половцев, имевшая своей территорией южнорусские степи, а позже и некоторые районы Крыма и Кавказа, смешалась с огузами и огузированными уже тогда черными булгарами. Известный половецкий памятник «Codex Cumanicus», представляющий собой записи миссионерами итальянскими и немецкими монахами половецких текстов, некоторых образцов фольклора и главным образом латино-ирано-половецкого словаря, и отражает язык именно этой части половцев. Как свидетельствуют сами тексты и слова этого памятника, половецкий язык того времени (конец XIII и начало XIV в.) не был единым, но был представлен по крайней мере двумя основными диалектами, один из которых отража-

ет значительные огузские элементы (ср., например, наличие в памятнике параллельных форм: кипчакской *тау* и огузской *таг* — гора; кипч. *туу* и огузской *ту*²/*тог* — родиться; *бууун* и *богун* — сустав и проч.).

После нашествия монголов основная масса кипчаков, как известно, эмигрировала в Египет, а часть оттеснена на запад — на территорию Балкан и Центральной Европы, некоторая же часть половцев осталась на Кавказе, где и была ассимилирована местными аборигенами — аланами-ясами, но сохранила свой язык, который подчинил себе и язык ясов.

Интересна в этом отношении находка венгерским тюркологом Ю. Неметом небольшого списка яеских слов в селении ясов, на территории Великой Кумании (современная Венгрия), которое существовало еще в XV в. Эта находка указывает на то, что ясы находились в тесном общении с половцами и после своего переселения на территорию Центральной Европы. Оставшиеся на Кавказе смешанные кипчако-аланские племена и составили ту этническую основу, из которой образовалась позже карачаево-балкарская народность. Точно так же, как и в Дагестане, колония половцев, смешавшись с местным населением, но сохранившая основу своего языка, образовала народность кумыков.

Убедительным доказательством того, что карачаевцы, балкарцы и кумыки являются ближайшими наследниками половцев, служит поразительная близость кумыкского и, в особенности, карачаево-балкарского языков с языком половцев. Наличие же в этих языках весьма слабых признаков языка болгар, вероятно, объясняется тем, что «черные болгары», находившиеся в южнорусских степях в Крыму и на Кавказе еще до половцев были ассимилированы узами, благодаря чему и получили название «черных болгар» по примеру «черных уйгуров» на Дальнем Востоке, принявших взамен своего тюркского монгольский язык.

Современная тюркология обладает, правда, весьма незначительными, но позволяющими судить о типе языка, сведениями о болгарском языке и более полными материалами о половецком или кипчакском языке, что в полной мере позволяет определить отношение к ним карачаево-балкарского языка.

Остановимся сначала на очень краткой характеристике болгарского языка.

Основными источниками, позволяющими определить главные особенности поволжско- и дунайско-болгарского языка, как показали исследования и публикации памятников этого языка западноевропейскими, русскими и советскими тюркологами, обобщенные недавно в книге немецкого профессора О. Прицака¹, служат: а) болгаро-славянский именник, в котором перечисляются, главным образом, собственные имена, названия должностей и другие болгарские слова; б) эпиграфические памятники до XI в., найденные на территории старого Булгара; в) названия годов двенадцатилетнего животного цикла; г) названия месяцев и болгарские числительные и д) болгарские слова в древних венгерских хрониках. Вот примерно весь перечень основных, весьма фрагментарных памятников болгарского языка.

Однако и на основании этих памятников можно уже судить об основных фонетических и отчасти лексических особенностях этого языка, которые заключаются в весьма характерных закономерностях:

1) в характерном вокализме, общем также и для современного чувашского, татарского и башкирского языков;

2) в наличии палатализованных согласных, которые, кроме чувашского, встречаются также и в современных караимском и гагаузском языках;

3) в характерном явлении так называемого ротацизма, по которому согласные *з, с* всех тюркских языков (кроме чувашского) замещаются *р*. Например:

Болгарский яз.	Др. тюркские языки
<i>тахар</i> (девять)	<i>токуз, докуз, тогуз</i>
<i>укир</i> (бык)	<i>хокуз, окуз, огуз</i>
<i>тенгер</i> (море)	<i>тен,из ден,из</i>

4) в характерном явлении лямбдаизма, по которому согласный *ш* всех тюркских языков (кроме чувашского) замещается *л*. Например:

Болгарский яз.	Др. тюркские языки
<i>джал</i> (год)	<i>джаш, йаш, жас</i>
<i>чул</i> (камень)	<i>таш, даш</i>
<i>пилек</i> (пять)	<i>беш, биш, бес</i>

¹ О. P r i t s a k. *Die bulgarische Fürstenlist und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.*

Указанные явления характерны для болгарского языка перечисленных выше памятников и источников, из всех современных языков встречаются только в чувашском языке, из древних, как это можно судить по весьма скудным остаткам, — в хазарском языке.

На этом основании все тюркологи без исключения к болгарской группе языков относят только древнеболгарский, хазарский и современный чувашский языки.

Так, в современном чувашском закономерности ротацизма и лямбдаизма являются весьма последовательными. Например:

а) явления ротацизма:

<i>варан</i> (<i>узун</i>) (длинный)	<i>пар</i> (<i>бүз</i>) (лёд)
<i>варах</i> (<i>узак</i>) (долго)	<i>хер</i> (<i>кыз</i>) (девушка)
<i>йер</i> (<i>из</i>) (след)	<i>хур</i> (<i>каз, газ</i>) (гусь)
<i>кер</i> (<i>хуз</i>) (осень)	<i>щур</i> (<i>саз</i>) (больно)

б) явления лямбдаизма:

<i>телек</i> (<i>туш</i>) (сон)	<i>хел</i> (<i>кыш, кыс</i>) (зима)
<i>шал</i> (<i>тиш</i>) (зуб)	
<i>алак</i> (<i>эшик</i>) (двери) и т. д.	

Отсутствие этих характерных особенностей в каком-либо другом языке указывает на то, что данный язык не относится к болгарскому языку.

Тюркологам известно, что в карачаево-балкарском языке нет ни одного из перечисленных здесь признаков, что и позволило отнести карачаево-балкарский язык (во всех существующих многочисленных классификациях тюркских языков) к языкам кипчакским.

Что же собой представляет кипчакский язык? Если памятники болгарских языков заключаются только в отдельных словах, в количестве, может быть, нескольких сотен (если считать болгарские заимствования в венгерском языке с характерными явлениями ротацизма и лямбдаизма), то памятники кипчакского (куманского, половецкого) языка представлены весьма полно и разнообразно.

В настоящее время наука обладает не только относительно полными словарями кипчакского языка, но и грамматиками, написанными, главным образом, арабскими филологами. Перечислим здесь только основные.

Все памятники кипчакского языка могут быть подразделены на памятники домонгольского и памятники послемонгольского периодов.

К памятникам кипчакского языка домонгольского периода относятся:

а) словарь Махмуда Кашгарского — XI в.; б) кипчакские слова и собственные имена в русских летописях до XIII века; в) кипчакские слова в венгерских хрониках и г) некоторые слова, встречающиеся в «Слове о полку Игореве».

К памятникам языка кипчаков послемонгольского периода относятся: а) анонимный словарь кипчакского языка — 1245 г. н. э., изданный Т. Хоутсма; б) половецкий словарь, опубликованный в 1850 г. М. Оболенским, а затем В. Бангом; в) известный трехязычный словарь с текстами «Codex Cumanicus» конца XIII и начала XIV в.; г) словарь Абу-Хайяна-Аль-Гарнати, относящийся к началу XIII в.; д) анонимная грамматика кипчакского языка XV в., изданная венгерским ученым С. Телегди, и многие другие памятники, на основании которых можно в полной мере судить о характере языка кипчаков XI—XV вв.

Каковы же особенности кипчакских языков?

1. Характерное для кипчакских языков соответствие в начале слова *й||дж||ж* при господствующих звуках *ж* или *дж*, т. е. *джол||жол* (вместо *йол*) — дорога; *джер||жер* (вместо *йер*) — место и т. д.

Для карачаево-балкарского языка является нормой *дж* (*ж*), т. е. наиболее характерный признак для кипчакских языков, как об этом свидетельствовал еще Махмуд Кашгарский в XI в.

2. Отсутствие в конце слов велярного *г*, характерного для огузских и карлукских языков, и замещение его звуком *у*, например: *тау* (вместо *таг||даг*) — гора; *сау* (вместо *саг*) — здоровый и т. д.

Для карачаево-балкарского языка является нормой *у* (*тау*), т. е. признак, опять-таки характерный для кипчакских языков.

3. Отсутствие явлений ротацизма и лямбдаизма, характерных для болгарских языков, т. е. наличие везде *о* вместо *р* и *ш* вместо *л*, например: *токуз* (вместо *тахар*) — девять и *кыш* (вместо *хел*) — зима. Карачаево-

балкарский язык по этому признаку также относится к кипчакским языкам.

В карачаево-балкарском языке характерны кипчакские *к* и *т* (*кун, тау*).

Для кумыкского языка, где больше заметно огузское влияние, характерны *г* и *т* (*гун, но тау*).

Особенно характерны кипчакские языки в отношении морфологии, например, для кипчакских языков характерна активизация формы имени действия на *уу*: *алуу* (взятие), *келуу* (приход), и многие другие признаки, отмеченные еще в XI в. Махмудом Кашгарским.

Из весьма краткого обзора особенностей болгарского и кипчакского языков мы с полной очевидностью видим, что карачаево-балкарский язык является одним из характерных кипчакских, но не болгарских, огузских, карлукских и прочих тюркских языков.

Отношение его к кипчакским языкам подчеркивается также поразительным его сходством с языком половецкого памятника «Codex Supaticus» как в фонетическом, так и в морфологическом и лексическом отношениях, что и позволяет отнести карачаево-балкарский язык к общей с половецким языком кипчакско-огузской подгруппе тюркских языков.

Вместе с тем карачаево-балкарский язык имеет и своеобразные черты, отличающие его от других кипчакских языков, что объясняется воздействием других субстратов, чем, например, в кумыкском языке, и в первую очередь аланского, адыго-черкесо-кабардинского и, может быть, сванского.

Карачаево-балкарский язык еще недостаточно изучен. Отсутствуют пока и полная научная его грамматика, слабо изучены его диалекты, нет и полного карачаево-балкарского словаря.

Однако имеющиеся уже исследования позволяют установить некоторые характерные особенности карачаево-балкарского языка и его диалектов.

К основным исследованиям карачаево-балкарского языка, кроме упомянутых уже здесь в выступлениях некоторых товарищей работ Н. Караулова, В. Прёле, В. И. Абаева, Г. Шмидта, В. И. Филоненко и др., относятся следующие: грамматика карачаево-балкарского языка Умара Алиева (1930); грамматика карачаевского

языка У. Байрамкулова (Кисловодск, 1930); «Карачаево-балкарский язык» А. К. Боровкова (яфетич. сборник, VII, Л., 1931); «Очерки карачаево-балкарской грамматики» А. К. Боровкова (см. «Языки Северного Кавказа и Дагестана», т. I, М., 1935); «Балкарская лексика» Р. Шаумяна (там же); Русско-карачаевский словарь И. Анбаева (Баталпашинск, 1926); Кумыкский и балкарский словарь Ю. Немета (Будапешт, 1911), а также обобщающая статья проф. О. Прицака в недавно изданном справочном издании «Филология Турцие фундамента» (Висбаден, 1959), где дана довольно полная библиография.

Обладея общими признаками с другими языками кипчакско-огузской или половецкой подгруппы, карачаево-балкарский язык имеет следующие отличительные особенности:

1. В фонетической структуре: а) наличие в диалектах карачаево-балкарского языка перехода $ч > ц$, напр.: *кац* вм. *кач* (убегать), *ахцыц* вм. *ачкыч* (ключ), *куцук* вм. *кучук* (щенок), *быцак* вм. *бычак* (нож) и проч.; б) переход $ж, (ж) > з$, напр.: *зуз* вм. *жуз* (сто), *зыл* вм. *жыл* (год) и проч.; в) спирантизация звуков $б/п > ф$: *уруф* вм. *уруп* (ударив), *цаф* вм. *чап* (сказать) и $г/к > х$: *ах цефхен* вм. *ак чепкен* (белое сукно) и др; г) исчезновение начального *й* в некоторых словах, напр.: *ахиы* вм. *йахшы* (хороший), *Ахйа* вм. *Йахйа* (собственное имя Яахйа) и др.; д) выпадение конечного *н* в некоторых аффиксах, напр.: *-ма/ -ме* вм. *-ман/ -мен* (местоименный аффикс I лица ед. ч.); *-са/ -се* вм. *-сан/ -сен* (местоименный аффикс II лица). Например: *келеме* вм. *келемен* (я приду) и др. и *р* в аффиксах множ. числа, например: *атла* вм. *атлар* (лошади) и др.

2. В грамматической структуре: а) усеченный аффикс родительного падежа, совпадающий по форме с аффиксом винительного падежа *-ны/ -ни* вм. *-нын, / -нин*; б) особый двадцатеричный счет имен числительных количественных и др.

3. В словарном составе — своеобразная лексика и наличие элементов заимствования из аланского и соседних кавказских языков.

Все другие черты карачаево-балкарского языка являются общими с другими кипчакскими языками кипчакско-огузской подгруппы, а в том числе и некоторые реф-

лексы далеких связей кипчакских языков с болгарским и другими гуннскими языками, которые выражаются в тех же характерных закономерностях, например, ротацизма и лямбдаизма.

Но если эти фонетические законы являлись главными и действенными для болгарского языка в его отношении к другим языкам, то в кипчакских языках, а в том числе и в карачаево-балкарском, они остались пережитками и использовались в языке как внутренние средства словообразования.

Для примера могут быть приведены следующие случаи: а) явления ротацизма, например, в словах *кѣз* (глаз) и *кор* (видеть); *из* (след) и *йерт* (следовать, идти по следу за кем-либо); *тус* (вид), *тур* (вид, образ); *боз* (бледный, серый) и *боро* (светло-серый) и некоторые другие;

б) явления лямбдаизма: *йыл* (год) и *йаш* (год, возраст); *беш* (пять) и *билек* (рука, локоть до запястья) (ср. чувашское *пилек* (пять)); *быш-* (мешать, взбалтывать) и *булга-* (взбалтывать, смешивать) и некоторые другие.

Как видно из примеров, эти фонетические закономерности носят иной характер, чем в болгарском языке, но являются, безусловно, пережитками тех же закономерностей.

Итак, все исторические и лингвистические данные со всей очевидностью указывают на то, что карачаевцы и балкарцы являются ближайшими наследниками кипчаков (половцев, куманов, хардешей), а карачаево-балкарский язык, несмотря на некоторые его специфические черты, полученные им в процессе своего развития и связи с родственными (огузским и болгарским) и неродственными (аланским и адыго-черкесо-кабардинским) языками, в полной степени сохранил свою кипчакскую основу.

Таким образом, основными задачами изучения карачаево-балкарского языка являются, прежде всего, изучение его истории, анализ его генеалогических связей с такими родственными ему языками, как язык болгарско-хазарский, язык огузский и язык кипчакский, а также продолжение так прекрасно уже проведенных академиком В. Ф. Миллером и проф. В. И. Абаевым исследований в области связей карачаево-балкарского языка с языком алан и пока еще слабо представленных исследований в

области адыго-черкесо-кабардинских, сванских, абазинских и прочих заимствований.

Эта задача может быть выполнена только после углубленного диалектологического изучения карачаево-балкарского языка, составления большого карачаево-балкарского словаря, где будут отражены вся диалектная лексика и разработка полной научной его грамматики.

В заключение позвольте пожелать успехов Кабардино-Балкарскому и Карачаево-Черкесскому научно-исследовательским институтам в выполнении этих задач и поблагодарить руководство Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института за радушное гостеприимство и прекрасную организацию настоящей сессии, которая безусловно послужит некоторым импульсом в расширении и развитии исторических исследований в области карачаево-балкарского языка.

У. Б. АЛИЕВ

(Кабардино-Балкарский государственный университет)

Можно ли считать современных балкарцев и карачаевцев представителями одной и той же народности? Карачаевцев и балкарцев на современном этапе развития считать одной и той же народностью нельзя, так как после их территориального расчленения, приблизительно в XIII—XIV вв., этноэкономическая и культурно-историческая связь предков карачаевцев и балкарцев была прервана недоступными отрогами гор Кавказа и народами, закрывавшими выходы из ущелий на равнину. Дальнейшее развитие карачаевцев и балкарцев проходило отдельными друг от друга путями, обусловившими те различия, которыми характеризуется язык, общественный строй, этнический состав карачаевцев и балкарцев.

Если балкарцы, расселившиеся по ущельям юго-восточной части северного склона Кавказского хребта, были больше связаны в течение многих веков со сванами, осетинами, кабардинцами, которые обусловили этническое, экономическое, языковое и общественно-политическое своеобразие жизни балкарцев, то карачаевцы, расселившиеся по ущельям северо-западной части северного склона Кавказского хребта, были больше связаны с абхазами, абазинами, черкесами, убыхами, шапсугами, ногайцами, кавказскими греками, сванами, грузинами и русскими, которые обусловили этническое, экономическое, языковое и общественно-политическое своеобразие жизни карачаевцев. Этим можно объяснить те незначительные различия, которыми характеризуются язык, этнический состав, особенности в экономическом укладе карачаевцев и балкарцев до 1917 г.

Известно, что феодальные отношения в Балкарии были больше развиты, чем в Карачае. Все пять ущелий,

которые занимали балкарцы с начала своего появления у Кавказского хребта, имели своих биев, которые владели лучшими землями, имели много скота и эксплуатировали большую часть населения Балкарии. Развитые феодальные отношения в Кабарде и Осетии, очевидно, и определили более скорый распад родовой общины, которая была основным экономическим укладом при появлении балкарцев на той территории, где проживают современные балкарцы. Этнический состав современных балкарцев характеризуется большим, чем в Карачае, числом выходцев из Кабарды, Осетии и Сванетии. Наблюдения показывают, что кабардинских, осетинских, сванских заимствований в балкарском языке больше, чем в карачаевском. Экономический уклад карачаевцев до начала XIX в. характеризовался еще крепкими патриархально-родовыми отношениями, поддерживаемыми политически и экономически сильным духовенством.

К началу разложения патриархально-родовых отношений и зарождения феодальных подоспели буржуазно-капиталистические. В результате патриархально-родовые отношения не были ликвидированы, феодальные отношения остались в зачаточном состоянии, а кулацко-помещичьи элементы, вышедшие из среды крестьян-горцев и поддерживаемые царскими приставами, особенно после присоединения Карачая к России в первой половине XIX в., определили характер экономического уклада карачаевцев второй половины XIX и начала XX в., вплоть до 1917 г.

Специфика социально-экономических отношений Карачая, нужно думать, была обусловлена особенностями социально-экономического уклада русского казачества, влияние которого карачаевцы испытывали с начала XIX в. Немалую роль в этом отношении, очевидно, играл социально-экономический строй и других соседей карачаевцев — абхазцев, абазин, шапсугов, убыхов, адыгейцев, черкесов и ногайцев, у которых феодальные отношения не имели той степени развития, которая была у кабардинцев и осетин.

Этнический состав карачаевцев характеризуется наличием в нем представителей абхазского, абазинского, ногайского, русского, шапсугского, убыхского, черкесского, адыгейского, грузинского и других соседних народов. В языке карачаевцев больше абхазских, абазинских,

убыхо-шапсугских, адыгейско-черкесских и русских заимствований, чем в балкарском. Всё это определило свой путь складывания карачаевцев и балкарцев как двух, очень близких друг к другу народностей, с одним единым источником происхождения, с одним единым языком.

Когда, где и как образовались карачаевская и балкарская народности?

Карачаевцы и балкарцы как отдельные народности образовались, несомненно, на той территории, на которой эти народности живут сейчас. Это подтверждается их этническим составом, психическим складом, антропологическими признаками и др.

Адыгские племена пришли в предгорья Кавказа в XIV—XV вв. Если бы предки карачаевцев и балкарцев пришли на современную территорию после перемещения кабардино-черкесских племен из районов Приазовья и Причерноморья в предгорья Кавказского хребта с северо-западной до юго-восточной его части, то предки карачаевцев и балкарцев не были бы в состоянии прорвать фронт адыгских племен и пройти в горы; они в этом случае остались бы на равнине. Следовательно, предки карачаевцев и балкарцев в горы пришли до прихода кабардинцев и черкесов на ту территорию, на которой эти народности живут сейчас. Если допустить это предположение, то карачаевцы и балкарцы живут на современной территории с XIII—XIV в. и пришли они сюда, очевидно, под давлением более сильных народов, следовавших по пятам предков карачаевцев и балкарцев.

Язык карачаевцев и балкарцев является тюркским в наиболее чистом виде. Звуковой состав языка карачаевцев и балкарцев является тюркским. Карачаево-балкарский язык сохранил тот фонетический состав, который мог быть в источнике тюркских языков. Это же можно сказать и о лексике, и о грамматике.

Языки, которые окружали карачаево-балкарский язык, оказали на него только лексическое влияние.

В силу каких-то причин тюркоязычное лингвистическое ядро, разбившись на две группы, попало в горы нынешней Балкарии и Карачая. Оно могло быть и не таким многочисленным, но потом стало обрастать выходцами из племен, в окружении которых оно оказалось;

Х. Г. ГИМАДИ,
кандидат исторических наук
(Зав. сектором истории Казанского
филиала Академии наук СССР)

Вначале мне хотелось бы подчеркнуть важность созы ва данной научной сессии. Результаты ее работы и выводы будут иметь большое значение не только для изучения истории балкарского и карачаевского народов, но и для других народов. Поэтому инициативу Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института надо всячески приветствовать.

Мы, историки и языковеды Татарской АССР, в свое время тоже находились в очень затруднительном положении при изучении истории своего народа и его языка.

А между тем в 1944 г. ЦК ВКП(б) вынес специальное постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в котором перед нами была поставлена задача создания научной истории татарского народа.

При решении этой задачи мы сразу натолкнулись на серьезное препятствие. Неясен был вопрос этногенеза народа. В исторической литературе бытовали самые различные и противоречивые взгляды. Одни (И. Н. Смирнов, Г. И. Перетяткович, Н. И. Веселовский и др.) утверждали, что казанские татары — это потомки монголо-татар времен Чингисхана и Батыя, которые основали Золотую Орду. Эту «теорию» великодержавных историков впоследствии подхватили и буржуазно-националистические татарские историки («вернуть былые времена Чингисхана»). Другие авторы единственными прямыми предками казанских татар считали волжских болгар, появившихся на Волге в VII в. Они совершенно игнорировали другие этнические компоненты, которые вошли в

состав казанских татар. Была также «теория» кипчакского происхождения татарского народа и др.

Естественно, без ясного представления вопроса о происхождении татарского народа нельзя было и думать о написании его истории.

В 1946 г. Отделение истории и философии Академии наук СССР совместно с Казанским филиалом созвало в Москве специальную научную сессию, посвященную происхождению казанских татар. На сессии выступили известные советские историки, археологи, этнографы, лингвисты, антропологи (Б. Д. Греков, С. П. Толстов, Н. К. Дмитриев, С. Е. Малов, А. Ю. Якубовский, Н. И. Воробьев, А. П. Смирнов, Л. Залая, Т. А. Трофимова и др.).

К какому же выводу пришла данная научная сессия? Прежде всего она опровергла антинаучные взгляды, которые длительное время господствовали в нашей литературе, в первую очередь о монголо-татарском происхождении казанских татар. На основе многочисленных материалов языка, археологии, этнографии, антропологии и других смежных наук сессия сделала вывод, что казанские татары как народность сформировались на месте их современного обитания из аборигенного населения и тюркоязычных болгарских и отчасти кипчакских племен, получивших общее наименование «булгар», а впоследствии «татар» Поволжья. Таким образом, татарская народность рассматривалась как историческая категория, на формирование которой в различные периоды развития влияли многие этнические группы. В то же время из отдельных болгарских племен, включая и местных угро-финнов, сформировалась здесь и другая народность — чуваш.

Конечно, некоторые вопросы на сессии еще не получили своего решения. Это особенно касается, например, вопросов языка и отчасти этнического состава населения Булгарии в XII—XV вв. Здесь был прав академик Б. Д. Греков, который подчеркнул, что «каждый новый этап в науке вызывает целый ряд вопросов и требует новых решений».

Но в целом результаты работы конференции были положительными. Выступивший на ней член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов сказал: «Тот факт, что исследователи, работавшие в различных учреждениях и в значительной степени независимо друг от друга, пришли к

чрезвычайно сходным выводам, мне кажется, не может не сделать это заключение особенно убедительным»¹.

После этих кратких замечаний я хочу остановиться на некоторых этапах формирования «казанских татар». Начну с вопроса наименования. Это очень важно, так как этноним «татары» часто являлся источником всякого рода путаницы. Как известно, до Октябрьской революции «татарами» именовались многие народы Поволжья, Кавказа, Сибири и т. д., хотя происхождение их коренным образом отличалось друг от друга. Термин этот пришел с монгольским нашествием. В числе монгольских племен меркетов, керейтов, джамугов и др. имелись и татары, которые, очевидно, были близки к тюркам, о чем говорит Қашғари. В русских летописях именем «татар» окрестили все народы, жившие на Востоке, в том числе и предков казанских татар, которые себя вплоть до XX в. не называли татарами. Они именовали себя «булгарии», «булгарлык», «казанцы», «мусульман». Об этом говорят и исторические документы (XIII—XVI вв. и позднейшие), например, «Казанский летописец». Интересную мысль высказал еще в XIX в. акад. В. В. Григорьев. «Нынешние татары, — писал он, — в воспоминание древней славы, иногда еще с гордостью величают себя булгарлыком, булгарством».

Мы не сторонники полного отождествления современных казанских татар с булгарами. Всем ясно, что на свете «чистого» народа нет. Каждая народность — категория историческая, она результат длительного общения и взаимосвязей с другими народностями.

Но это не значит, что мы должны игнорировать основные компоненты, сыгравшие решающую роль в формировании народа. А между тем некоторые историки идут не по этому пути. Они со счетов сбрасывают многовековую историю, которая предшествовала монгольскому или иному завоеванию. Обычно они смешивают название народа с его происхождением и его историей. На это совершенно правильно указал в свое время известный советский востоковед А. Ю. Якубовский. Он подчеркивал, что «следует всегда отделять историю народа от истории его имени».

¹ Материалы сессии опубликованы в сборнике «Происхождение казанских татар», Казань, 1948, и в журнале «Советская этнография», 1946, № 3.

«Это вещи разные. Иногда мы из имени делаем фетиш, следуем за ним и сокращаем время существования народа, а то и извращаем историю того или иного народа в области его этногенеза». Об этом же говорил и С. П. Толстов.

Так же «сокращали» некоторые историки историю татарского народа, начинали изучение его истории с периода Золотой Орды. Исследования советских ученых показали беспочвенность такого подхода к делу, так как еще до монгольского нашествия предки казанских татар, жившие в Поволжье и Прикамье, имели богатую историю, создали свою культуру и язык.

Казанские татары, прежде чем сформировались в народность, прошли сложный и длительный путь развития. Они, как и другие народности, являются исторически сложившейся общностью людей, связанных общей экономической жизнью, общей культурой, общим языком в результате совместной жизни из поколения в поколение. Длительная же жизнь, особенно оседлого населения, невозможна без общей территории. Этой территорией явилось Среднее Поволжье и Прикамье, т. е. приблизительно место современного обитания казанских татар.

Древнейшим компонентом для образования всех народностей Поволжья, в частности казанских татар, явились угро-финские племена, жившие еще в Поволжье в эпоху бронзы и железа, т. е. Анапийская и Пьяноборская культуры (II в. до н. э. и VI в. н. э.). Проведенные за последние годы многочисленные археологические исследования (А. В. Збруевой, А. П. Смирнова, Н. Ф. Калинина, А. Х. Халикова и др.) говорят о том, что край в первые века нашей эры был заселен многочисленными оседлыми и полуоседлыми племенами, которые находились в стадии разложения родового строя и становления классового общества. В закамские районы просачивалась и волна тюрков-кочевников, особенно с III в. н. э., т. е. с времен так называемых гуннских нашествий. Однако археологическими материалами это прослеживается очень слабо. В середине I тысячелетия н. э. на территории Среднего Поволжья появились тюркоязычные булгарские племена, которые до этого обитали в степях Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Болгары-кочевники быстро смешались с местным населением и перешли к оседлому образу жизни. Об этом говорят уже источники X в. (Ибн-Фадлан,

Иби-Русте и др.), а также данные археологии. В языковом отношении болгары ассимилировали местных аборигенов, т. е. более развитый тюркский язык одержал здесь победу.

Однако следует подчеркнуть, что болгары еще не являлись единым народом. Слово «болгары» в это время скорее являлось собирательным наименованием для родственных по языку и происхождению ряда племен. (Даже значительно позднее, в X в., арабские писатели Иби-Русте, Ибн-Фадлан и другие указывают, что болгары делятся на собственно болгар, эсгель, бесула и т. д. В составе болгарского конгломерата были «сувары» — довольно крупное племя. Очевидно, это племя и явилось одним из важнейших компонентов при формировании чувашей.

Вот эти болгарские племена, явившиеся предками казанских татар и чувашей, создали в X в. большое государство волжских болгар. По сравнению с кочевниками — кипчаками и монголами — болгары находились на более высоком уровне экономического и культурного развития. Предки казанских татар уже в X в. приняли ислам. У них появилась письменность, образованность, литература и искусство. Образцы их языка зафиксированы в словаре Кашгари (XI в.), в произведении Гали «Юсуф-Зулейха» (начало XIII в.), в эпиграфических памятниках XIII—XV вв. и т. д. На формирование их языка оказали влияние и кипчаки, о чем уже говорил Н. А. Баскаков. (Булгарский и кипчакский языки были родственны между собой) Это хорошо прослеживается по материалам половецкого языка, сохранившихся в «Кодексе Куманикус». Влияние это объясняется тем, что уже в XI в. между булгарами и кипчаками поддерживались близкие экономические и политические отношения. Иногда половецкие князья вмешивались в междоусобную борьбу болгарских феодалов, как например, в 1183 г. Нельзя забывать и тот факт, что в период Золотой Орды в Булгарию проникали отдельные группы кипчаков и смешивались с местным населением. Может быть, это и содействовало образованию в татарском языке так называемого мишарского диалекта. Н. А. Баскаков преувеличивает роль кипчаков в образовании татарского языка. Разве можно преуменьшить роль болгарского языка, создателем которого был народ, имевший свою письменность, государственность, богатую

историю и культуру? Мне кажется, что нет. Поэтому я полностью разделяю мнение тех лингвистов, которые утверждают, что татарский язык развился на базе болгаро-кипчакских языковых элементов. И в этом направлении должна идти работа по изучению истории татарского языка. К сожалению, языковеды еще в этой области сделали крайне мало.

Теперь несколько соображений относительно происхождения балкарцев. Здесь прежде всего надо исходить из положения марксизма о том, что на свете «чистого» народа не бывает. Каждая народность — продукт определенной эпохи истории. Затем надо отделять два понятия: «предки народов» и сам «народ». Предками казанских татар, например, мы считаем волжских болгар и родственных им кипчаков (последних главным образом по языку), но в число предков вошли отюреченные финны. Что касается народа «татарского» как этнического понятия, то он сформировался уже в новых исторических условиях, когда после распада Золотой Орды образовалась национальная феодальная государственность татар — Казанское ханство. Оно возникло в XV в. на базе бывшего болгарского государства. Так происходил процесс образования народов и в других областях.

Нам кажется, что правы те товарищи, которые подходят приблизительно так же к образованию балкарского народа. Конечно, было бы большой ошибкой считать древних болгар или кипчаков единственными предками современных балкар или карачаевцев. Кавказ с незапамятных времен был заселен человеком. Эти древние компоненты в образовании современных народов должны быть учтены, так же как и позднейшие этнические наслоения. Мне кажутся убедительными выводы гг. Кумыкова, Бабаева, Алексеевой и других о том, что основными компонентами в формировании предков современных балкарцев были аланы, болгары и кипчаки. Ввиду того, что болгары и кипчаки в языковом отношении были родственны, победу здесь одержал тюркский язык, в основу которого могли лечь болгаро-кипчакские языковые элементы!

Язык, конечно, важный фактор в определении понятий «род», «племя» и «народ». Но он не единственный. К сожалению, некоторые наши многоуважаемые лингвисты хотят языковой материал выставить как единственный

фактор при определении этнического состава населения области. Понятно, язык — продукт многих эпох, он устойчив, но мы знаем из истории, как на одном и том же языке говорят различные народы (на испанском — в Южной Америке, английском — Северной Америке и т. д.). При изучении вопроса этногенеза мы не можем игнорировать и данные этнографии, антропологии, археологии, а также письменных памятников, о чем уже говорили в своем вступительном слове т. Берикетов, а также наши докладчики.

Одно замечание относительно лингвистического материала, приведенного т. Бабаевым. Это о «древнебулгарских» словах, которые бытуют будто только у балкарцев. Он оперировал главным образом словами XIII—XIV вв., которые приводятся по историческим документам, опубликованным у нас в Татарии. Например, он приводил пример из надгробных плит 1297 г., найденных под Казанью, с надписью «Алтын бертек» (золотая крупинка), а также слова: *кыз, аяк, ай, сата, ага, акча, оч(юч), он(ун), эцете* и другие.

Все эти слова т. Бабаев считает характерными только для балкарцев. Отсюда он делает вывод: «балкарский язык гораздо ближе стоит к древнеболгарскому языку, чем чувашский, татарский и другие языки». Известно ли т. Бабаеву, что все эти слова в настоящее время бытуют и в татарском языке?

Я хотел бы сказать еще несколько слов о выступлении уважаемого т. Поркшеяна. Его вывод о происхождении балкарского и карачаевского народов состоит в следующем. Они пришли на Северный Кавказ из Крыма только в XVII в. Причем эти народы, по его мнению, происходят от чагатайцев. С этими выводами трудно согласиться. Во-первых, никакими историческими источниками нельзя подтвердить существование так называемых чагатайцев в XVII в. Во-вторых, такой народности вообще нет, а есть условное понятие о чагатайском языке времен Тимуридов XIV—XVI вв. («Староузбекский язык»). В-третьих, какая же была надобность балкарцам и карачаевцам покинуть благодатные края Крыма и переселиться в ущелья Кавказа? Никакой.

И наконец, неужели не заметили бы переселение этих двух народов кабардинцы, осетины и другие? Если переселение из Крыма было в XVII в., безусловно, это

нашло бы отражение в источниках, в фольклоре, песнях и т. д.

В целом я разделяю вывод т. Кумыкова и других о том, что «карачаево-балкарская народность образовалась из местных северокавказских племен, смешавшихся с пришлыми ираноязычными, скифо-сарматскими и тюркоязычными племенами. Из последних наибольшее значение в процессе формирования балкарцев и карачаевцев имели, видимо, болгары и в особенности одно из западнокипчакских племен. Таким образом, балкарцы и карачаевцы являются древними обитателями Северного Кавказа и имели общие с другими горцами исторические пути, которые обусловили общую со всеми горцами психологию, быт и культуру».

Считаю необходимым отметить, что конференция прошла на высоком научном уровне. Она дала много нового материала и поставила ряд гипотез, над разрешением которых стоит поработать.

Сессия показала, что в республиках Кавказа выросли многочисленные кадры научных работников, способных решать сложные вопросы исторической науки. Это — результат победы ленинской национальной политики и заботы Коммунистической партии и Советского правительства.

М. А. АБАЗАТОВ

(Зав. сектором истории Чечено-Ингушского
научно-исследовательского института)

Наш институт и мы, участники данной сессии, от души благодарим Кабардино-Балкарский НИИ за приглашение.

На данной сессии обсуждается важный исторический вопрос — происхождение балкарцев и карачаевцев. Постановка этого вопроса нам тем более радостна, что в известные годы культа личности мы вместе с балкарцами и карачаевцами мечтали о сегодняшнем счастье, которое нам принес исторический XX съезд КПСС.

Еще 25 лет назад Коммунистическая партия Советского Союза в своем историческом решении указывала на необходимость создания действительной истории народов СССР, показывая в ней подлинную связь экономической, политической и культурной жизни в их развитии. Сама история народов требует этого, ибо иначе невозможно научно разрабатывать историю. История народа, оторванная от истории окружающих его народов, — это не научная история, а косная, субъективная писанина, не имеющая ни политического смысла, ни воспитательного значения.

Координация научной работы НИИ народов Кавказа и взаимопомощь ученых Кавказа и Российской Федерации помогают решать задачи, стоящие перед учеными по разработке важнейших исторических проблем.

Отсюда вывод:

Важнейшие вопросы истории народов Кавказа надо решать сообща, общими усилиями, со всесторонним и глубоким анализом исторических фактов. Практически это значит организовать подобные данной научные сессии по важнейшим вопросам истории народов

Кавказа, как это сделано в Дагестане и теперь в Кабардино-Балкарии.

Работники Чечено-Ингушского НИИ с большим интересом выслушали выступление ученых тт. Берикетова, Кумыкова, Бабаева, Лайпанова, Абаева, Алборова, Анчабадзе, Харадзе, Баскакова и многих других.

Следует отметить, что некоторые выступления были прямо противоречивы. Это говорит о сложности обсуждаемого вопроса, о запутанности письменных, археологических и лингвистических данных, о необходимости еще и еще работать над проблемой этногенеза балкарцев и карачаевцев.

Мы не беремся обсуждать эти выступления, но из докладов наиболее убедительными нам кажутся доклады тт. Бабаева, Лайпанова и ораторов, поддерживающих их точки зрения об этногенезе балкарцев и карачаевцев.

Летопись, археология, этнография, антропология и лингвистика в вопросе этногенеза балкарцев и карачаевцев ведут в основном к убеждению, что предков балкарцев и карачаевцев надо искать только среди тюркских племен, но не среди ногайцев, татар и монголов, не среди гуннов, чехов и хазар, а в союзах племен, выступавших под именем половцев или болгар (булгар).

Наиболее правдоподобные и убедительные данные истории показывают, что карачаево-балкарский народ как исторически единое, этническое целое образовался еще задолго до татаро-монгольского нашествия, а также еще до того, как половцы стали известны на Руси, жили на Северном Кавказе, занимая в основном ту территорию, на которой они жили и живут до сих пор.

Нам кажется, что эту концепцию можно доказать полностью, если еще глубже и всестороннее изучить и письменные источники и памятники материальной культуры истории, учитывая при этом, что среди противоречивых письменных данных могут быть и тенденциозно-субъективистские записи писцов и летописцев, а некоторые археологи могут делать стандартные обобщения, не затрудняя себя поисками частного, особенного, специфического в памятниках старины карачаево-балкарского народа. В частности, в вопросе о методе проведения лингвистических анализов вполне прав т. Лайпанов, когда он рекомендует метод искания не только общего в языках карачаевцев, балкарцев, болгар, половцев и других, а и

то, что принадлежит только собственно карачаевцам и балкарцам, т. е. терминов, которых нет в языках других племен.

Если о происхождении народа судить только по языковым данным и по некоторым совпадениям археологических и антропологических данных, то можно говорить, что чечено-ингушский народ происходит от алан, от таттаро-монголов, от арабов. Однако мы и близко не допускаем такие мнения в решении этногенеза чечено-ингушского народа. Можно привести сотни терминов тюркских и арабских, которые вошли в чечено-ингушский язык.

Для интереса перечисляю десяток терминов, названных на этой сессии ораторами и вошедших не только в карачаево-балкарский, но и в чечено-ингушский язык:

ринжа — *ринха* — тропинка

шавдан — *шовда* — родник

шете — *сете* — *шит* — слюна

бец (ос.) — *бесни* — лицо, щeka

кхаймакх — *кхаймакх* — сливки по-чеченски

шакар — *шекер* — сахар

хъал — *хъал* — состояние, положение

халык — *халых* — народ

байракх, *байракх* — флаг, знания.

Много таких заимствованных слов в чечено-ингушском языке.

Но подавляющее большинство слов, основной словарный фонд чечено-ингушского языка, совершенно самостоятельно и не совпадает ни с одним языком других народов. Ни один ученый не пошел дальше того, что сказал акад. Марр, что чечено-ингушский язык относится к яфетической группе языков.

Выслушав выступления ученых, мы не только разобрались в ряде важных вопросов истории Кавказа, но дополнили свои знания по методике изучения вопросов истории, в частности вопроса о происхождении народа.

Ведь этот вопрос в скором будущем будет стоять и на повестке дня Чечено-Ингушского НИИ. Решать его будет широкий круг ученых братских республик Кавказа.

Решение вопроса об этногенезе балкарцев и карачаевцев поможет нам в поисках предков чечено-ингушского народа.

Я думаю, что участникам данной сессии интересно знать, что известно на сегодняшний день о происхожде-

нии чечено-ингушского народа. Об этом можно кратко сказать следующее:

1. Чеченцы и ингуши — это исторически единый народ, они мало чем отличаются друг от друга.

2. Чечено-ингушский язык по языковым данным относится к яфетической группе языков..

3. Чечено-ингушский народ и в прошлом и в настоящем является самым многочисленным народом Северного Кавказа.

4. Этот народ—автохтонное население Северного Кавказа.

5. Из более достоверных исторических источников, особенно из грузинских, известно, что чеченцы и ингуши издревле живут на современной территории.

По грузинским источникам, предков чечено-ингушского народа называли дзурдзуками, которые известны грузинскому народу еще до н. э. как сильный племенной союз. Конечно, название предков чечено-ингушского народа не ограничивается именем дзурдзуков. Известны и названия «мичики», «кистф» и др.

Все эти положения о чечено-ингушском народе ныне находятся в стадии глубокого изучения, чтобы имеющиеся научные предположения убедительно обосновать и сделать правильный научный вывод об этногенезе народа.

Мы надеемся, что ученые Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии совместно с учеными других братских республик сумеют научно верно решить вопрос об этногенезе карачаево-балкарского народа. Этого мы очень желаем. Вместе с тем мы, работники Чечено-Ингушского НИИ, надеемся, что наши соседи и ученые Москвы помогут нам в решении важнейших проблем истории Чечено-Ингушетии.

Основа научного содружества прочно заложена, ее и в дальнейшем необходимо крепить ради марксистско-ленинской разработки вопросов истории народов Кавказа.

М. М. ЦОРАЕВ
(Кабардино-Балкарский
научно-исследовательский институт)

Проблема этногенеза балкарцев и карачаевцев представляет большой научный интерес.

В исторической литературе имеется масса гипотез о происхождении балкарцев и карачаевцев.

Буржуазные историки, не вникая в сущность этногенеза народа, пытались разрешить этот вопрос по каким-либо отдельным признакам. Многие историки, занимавшиеся проблемой происхождения балкарцев и карачаевцев, исходили только из языкового признака, или созвучия этнических и топонимических названий.

К сожалению, до сего времени ни одна из существующих гипотез сколько-нибудь не разработана.

Укажем наиболее известные.

1. Балкарцы и карачаевцы — осколки древних оолгар.
- 2. Балкарцы и карачаевцы — аланского происхождения.
3. Карачаевцы и балкарцы — кипчакского происхождения.
4. Балкарцы и карачаевцы — остатки полчищ Тимура.
5. Карачаевцы и балкарцы — турецкого или крымского происхождения.
6. Карачаевцы и балкарцы — горские татары.
7. Карачаевцы и балкарцы — остатки ногайских орд.
8. Балкарцы и карачаевцы — хазарского происхождения.
9. Карачаевцы и балкарцы — произошли от чехов.
10. Карачаевцы и балкарцы — гуннского происхождения.
11. Балкарцы — кабардинское племя.

12. Карачаевцы и балкарцы — ~~чагатайцы~~, переселившиеся из Крыма

Таковы в основном существующие в литературе гипотезы об этногенезе балкарцев и карачаевцев.

Ни один историк, выдвигая свою гипотезу, не потрудился опровергнуть другие, выдвинутые до него. Совершенно ясно и бесспорно, что балкарцы и карачаевцы не могли иметь такое большое количество разноязычных предков.

Прежде всего в интересах дальнейшего исследования этногенеза балкарцев и карачаевцев следует признать целесообразным и даже необходимым на данной научной сессии отвергнуть те гипотезы, которые явно не имеют под собой научной базы.

Таковыми ненаучными гипотезами я полагаю следующие

Приписываемое балкарцам и карачаевцам турецкое или крымское происхождение явно не обосновано ни материальной культурой, ни антропологией, ни этнографией, ни археологией. Авторы этой гипотезы — В. Сысоев, И. Шукин и др. ссылаются на то, что балкарцы и карачаевцы по языку являются тюркоязычными. Другого аргумента у них нет, да они его и не искали. Эта гипотеза служила и может служить в дальнейшем, если не положить ей конец, орудием в руках пантюркизма Реакционная верхушка Турции, опираясь на религиозные чувства мусульман Кавказа, стремилась распространить свое влияние на Кавказ. Эта политика турецкой реакции хорошо известна горским народам Кавказа. Ее испытали на себе народы Кавказа.

Совершенно абсурдным является предположение о том, что балкарцы и карачаевцы являются остатками полчищ Гимура, ногайских орд, осколками гуннов и хазар.

Если при решении проблемы этногенеза исходить только из языкового признака, то предками балкарцев и карачаевцев можно считать монголов, каракалпаков, киргизов, казахов и т. д., т. е. каждый тюркоязычный народ мог бы быть предком для каждого из них, с точки зрения сторонников такого разрешения проблемы.

Поэтому научная сессия должна отвергнуть все гипотезы, которые не имеют научной аргументации.

Рациональными гипотезами в этногенезе балкарцев и карачаевцев являются гипотезы о болгарском, аланском

и кипчакском компонентах (последний условно). Эти гипотезы наиболее аргументированы и основаны на исторических фактах.

Цементирующим ядром в процессе формирования балкарцев и карачаевцев, по-моему, служили древние аборигены Кавказа, так называемые асы, овсы, осы, ясы.

(Остановимся на этих основных компонентах, принявших активное участие в формировании балкарцев и карачаевцев.)

Во-первых, о гипотезе: балкарцы и карачаевцы — остатки древних болгар. Эта гипотеза возникла потому, что:

1) древние болгары жили на современной территории балкарцев и карачаевцев;

2) древние болгары, с одной стороны, и балкарцы — карачаевцы, с другой, являются тюркоязычными народами;

3) болгары, балкарцы и карачаевцы по антропологии являются европеоидными. На основе этих общих признаков и серьезного исследования Н. Ходнев, акад. В. Миллер, Н. Караулов сделали вывод о том, что балкарцы и карачаевцы — остатки древних болгар.

Самое раннее упоминание о болгарях мы встречаем у сирийского автора III в. Мар-Абас-Котины, который сообщает, что «булгары, обитавшие первоначально к северу от Кавказских гор, к 148—127 гг. до н. э. вторглись в Армению»¹.

Моисей Хоренский в своей «Истории Армении» привел выдержки из того же источника Мар-Абас-Котины. Последний уже хорошо знал имя болгар и писал о проникновении отдельных групп болгарских переселенцев в Закавказье. Первое из этих переселений Мар-Абас-Котина относит ко времени царя Аршака, сына Вахаршака. Аршак, как известно, правил с 127 по 114 год до н. э. «В дни его (Аршака.— М. Ц.), — пишет Мар-Абас-Котина, — возникли большие смуты в цепи Великой Кавказской горы в земле Булгаров, из которых многие, отделившись,

¹ История Армении Моисея Хоренского. Перевод Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 81. Цитирую по книге «Очерки истории СССР, IX вв.», М., 1958, стр. 684.

пришли в нашу землю и на долгое время поселились на юге от Коха, в плодородных и хлебодородных местах»².

Такие переселения имели место затем неоднократно, переселенцы сохранились в Закавказье и во времена самого Мар-Абас-Котины. «Жили они, — пишет он, — на луговых землях близ пределов Шарая, в древности называемых «Верхним и Безлесным» Басеном, которые впоследствии были заселены переселенцами Вхндур Болгар'а, Вунд'а, по имени которого названы Вананд'ом, селения до сих пор называются именами братьев и потомков его»³.

Отсюда видно, что болгары еще во II в. до н. э. жили не только в Предкавказье, но и в цепи Великих Кавказских гор. Это во-первых.

Во-вторых, болгарские переселенцы могли перейти в Закавказье, в Великую Армению, только через перевалы Центрального Кавказа. Центральный Кавказ, как это сказано выше, принадлежал болгарскому союзу племен и являлся кратчайшим путем в «Великую Армению». Зихи и абасты, занимавшие в то время северный склон, а лазы — южный склон Западного Кавказа, могли не пропустить через свою территорию болгарских переселенцев.

Такое же положение и по Восточному Кавказу, где северный склон принадлежал савирам, а южный склон до Малого Кавказа — албанцам; и они также могли не пропустить через свою территорию переселенцев.

То, что северный склон Центрального Кавказа принадлежал древним болгарам, получит, видимо, свое полное подтверждение при более обстоятельном изучении современной территории Балкарии и Карачая. Такую экспедицию предполагается организовать в этом году.

В-третьих, если мы признаем и утверждаем, что древние тюркоязычные болгары жили и на современной территории Балкарии и Карачая, то могли ли они полностью переселиться в другие районы, освободив свою территорию другим пришлым племенам?

В «Очерках истории СССР, III - IX вв.» сказано что «Распад державы Кубрата и хазарский разгром вызвали, несомненно, весьма значительные и долговременные перемещения болгарских племен. При этом часть их, подчи-

История Армении Моисея Хоренского. Перевод Н. О. Эмина 1893, стр. 62; там же, стр. 587.

Там же

вившись хазарам, осталась в Приазовье или была оттеснена к горным районам Северного Кавказа»⁴.

В введении этой книги прямо сказано: «Долгое время в степях кочевали остатки гуннских орд, получивших собирательное имя болгар. Они расселились в разных направлениях: часть ушла в Среднее Поволжье, часть — на Дунай (в VII в.), а две орды остались в Причерноморье — одна на Кубани (балкарцы), а другая в низовьях Днепра»⁵.

Таким образом, главная редакция многотомника «Очерки истории СССР», состоящая из шести академиков и одного члена-корреспондента Академии наук СССР и пяти докторов исторических наук, признала, что балкарцы, а следовательно, и карачаевцы, являются остатками древних болгар на Северном Кавказе.

Но здесь возникает один законный вопрос, заключающийся в том, что если балкарцы и карачаевцы являются остатками древних болгар, то куда делись племена (народы), которые жили на этой территории до прихода их? Нам известно из письменных источников, а также названий, бытующих у осетин, сванов и русских, что на этой территории жили так называемые овсы, осы, асы, ясы. А осетины и сваны и сейчас балкарцев называют осами, овсами. Надо полагать, что пришлые оолгары, войдя в среду осов (овсов), оказались более сильными и сумели ассимилировать последних в своей среде, навязав им свой язык и культуру. Но об этом позже.

Во всяком случае, один факт является неоспоримым, что древние болгары, хотя и не являлись первоначальным цементирующим ядром в формировании нынешних балкарцев и карачаевцев, служили одним из главных компонентов в процессе образования последних как народов.

Во-вторых, — об аланском происхождении.

Первые упоминания в исторической литературе об аланах на Северном Кавказе встречаются со II в. н. э. Это подтверждается и археологическими исследованиями, произведенными на Северном Кавказе, в том числе и на нынешней территории Карачая и Балкарии. Но это не говорит, что аланы появились на этой территории только

⁴ «Очерки истории СССР, III—IX вв.». М., 1958, стр. 604

⁵ Там же, стр. 14.

во II в. Возможно, прошло некоторое время, пока аланы после своего прихода успели обосноваться на новой территории и начали играть определенную политическую роль в жизни народов, населяющих данную и соседние территории. Следовательно, аланы появились на Северном Кавказе не позже чем в I в. н. э. или к концу I в. до н. э. *, а до II в. они находились в болгарском союзе племен, и поэтому писатели разных народов могли их и не заметить.

В IV—VII вв. аланы заселяют верховья Кубани вплоть до самых горных районов современного Карачая. По определению Прокопия Кессарийского, территория, занятая аланами, в VI—VII вв. устанавливается в следующих границах: «Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы», «Аланы на востоке граничат с савирами, на юге границей им служат Кавказские горы, на юго-западе их соседями являются сваны (суниты), апсилы, с запада от авазгов их отделяют брухи (по-видимому, одно из адыго-черкесских племен). Северными границами алан были предкавказские степи».)

«Армянская география VII века» также показывает месторасположения аланов-осов к северу от Кавказского хребта, граничащих с адыгскими, лезгинскими племенами и степными кочевниками.

Аланы в своем составе не были однородны, как повествует «Армянская география VII века». «На территории Алании тогда существовало не одно, а несколько племенных объединений: местные племена, жившие здесь до прихода алан, и аланы. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, письменные источники, с другой стороны, разнообразные типы погребений: катакомбы, грунтовые могилы, каменные ящики, склепы»⁶.

Таким образом, на территории Алании существовало несколько племенных объединений, в том числе, безусловно, и объединение болгарских племен, хотя имя болгар здесь не упоминается.

Нашествие гуннских кочевых племен на Северный Кавказ существенно изменило этнографию этого района. Аммиан Марцеллин в своей «Истории» пишет: «И вот

* Кстати, этой точки зрения придерживаются и авторы «Истории Северо-Осетинской АССР». М., 1959, стр. 38.

⁶ «Очерки истории СССР, III—IX вв.», стр. 618.

гунны, пройдя через земли алан, которые граничат с тапайтами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе»⁷.

Таким образом, в IV и V вв. аланы, теснимые гуннами, из Прикубанья уходят в горы и расселяются в верховьях Кубани и Терека вплоть до самых горных районов. К IV—V вв. относится заселение верховьев Кубани, вплоть до самых горных районов (Клухори), в V в. появляется целая система городищ в степях и предгорьях Ставрополя, Кабарды.

«Армянская география VII века» различает на территории алан четыре народа: агванов (верховья Кубани, по-видимому, абхазов. — М. Ц.), ашдигор (осов в Кабарде, т. е. балкарцев. — М. Ц.), дигор (осетин в Зап. Осетии) и собственно алан (Вост. Осетия). Ашдигор означает Ас-дигор, т. е. аси, как называют балкарцев осетины и сваны.

Таким образом, по этническому составу аланский союз был неоднороден и безусловно, наряду с собственно алано-асскими племенами, туда входили адыгские и другие племена Северного Кавказа.

Балкарцы и карачаевцы, как это сказано в докладе г. С. Бабаева и выступлениях других товарищей, в обращении друг к другу называют себя «алан» в единственном числе, что во множественном числе будет «аланла». Иногда термин «алан» употребляется в значении «человек», например: «Бир алан келе турады», что означает: «Идет один человек».

В карачаево-балкарском языке бытует и этноним — асы. Говорят: «Сен асыны баласыса» (Ты детеныш аса), «Сен асыдан туугъанса» (Ты рожденный от аса) и т. д.

Общезвестно, что аланы и асы по вероисповеданию были христианами. И это оставило свои памятники в лексике современных балкарцев и карачаевцев. У балкарцев и карачаевцев существуют имена христианского происхождения, как например, Георгий, Борис, Башил (значит — Василий), Голый (Николай — Николой — Голый), Маил, Махай (Михаил — Махай) и другие.

---

⁷ «Очерки истории СССР, III—IX вв.», стр. 618.

Название месяцев в балкарском языке — Апстол-ай, т. е. месяц Апстола — апостола, Никкола-ай, т. е. месяц Николы (очевидно Николая чудотворца) и т. д.

Нам сейчас важен тот факт, что «Армянская география VII века» различает асов — овсов (т. е. балкарцев и карачаевцев) как самостоятельные народы среди остальных народов, находящихся в аланском союзе племен.

Таким образом, можно утверждать, что до болгар асы, осы, овсы, ясы на этой территории являлись первыми коренными жителями и вошли в болгарский союз племен с III—II вв. до н. э., специфически сохранив некоторые свои черты и этноним.

В IV—V вв. аланы, окончательно захватив территорию болгар, вместе с осами — овсами присоединили их к аланскому союзу племен, но полностью ассимилировать их не сумели. После болгар аланы, безусловно, играли значительную роль в формировании карачаевского и балкарского народов.

В-третьих, — о кипчакском происхождении.

Гипотеза о кипчакском происхождении возникла:

- а) по признаку сходства языка;
- б) по наличию некоторых моментов общности в материальной культуре;
- в) в связи с нахождением кипчаков на территории Северного Кавказа.

Исходя из этих признаков, авторы этой гипотезы говорят о якобы кипчакском происхождении карачаевцев и балкарцев, утверждая, что якобы кипчакский элемент играл основную роль в формировании этих народов.

Можно полагать, что одних этих признаков совершенно недостаточно, чтобы считать кипчаков предками карачаевцев и балкарцев или считать их основным ядром в формировании последних.

Так, например, т. Лайпанов в своих тезисах к докладу на данной сессии об этногенезе балкарцев и карачаевцев утверждает: «Основным ядром в этногенезе карачаевцев и балкарцев явились куманы — западная часть кипчаков. Это подтверждается данными истории, археологии, этнографии и языка».

Главным аргументом в пользу этого взгляда, пишет он, является язык (стр. 1—2).

Тов. Лайпанов как в своих тезисах, так и в докладе на данной сессии не привел достаточного аргумента исторического и этнографического порядка и совершенно умалчивает об антропологических, этнических и других данных. Он это делает, по-моему, сознательно, потому что материалы антропологии опровергают т. Лайпанова и его тезисы по этому вопросу.

Из исторической литературы, а также по данным палеоантропологических раскопок видно, что кипчаки, (половцы) являлись типичными монголоидными, а балкарцы и карачаевцы, как это давно установлено, европеоидными «кавказянами» вместе с осетинами, сванами и адыгскими народами: кабардинцами, черкесами и адыгейцами.

(Спрашивается, могут ли монголоидные куманы (кипчаки) быть этническим ядром для европеоидных народов и наоборот? Конечно, нет.)

Исходя из этого, можно твердо сказать, что кипчаки ни в коей мере не могут быть не только основным ядром в этногенезе балкарцев и карачаевцев, но и сколько-нибудь значительным компонентом в их формировании.

Таким образом, как было сказано выше, асы, осы, овсы, ясы являлись аборигенами Кавказа, так же как сваны осетины и адыгские народы — кабардинцы, черкесы и адыгейцы. Это подтверждается данными археологии, материальной культуры, антропологии и т. д. Современные карачаевцы, так же как и балкарцы, во многом близки к окружающим их народам, что лишней раз дает основание считать древних аборигенов Центрального Кавказа асов, овсов первым, основным ядром в этногенезе балкарцев и карачаевцев.

В формировании карачаево-балкарского народов балгары, а потом аланы явились основным слагаемым компонентом.

Приняли участие в формировании балкарцев и карачаевцев и другие соседние народы: осетины, сваны и адыги — кабардинцы, черкесы, адыгейцы.

З. М. УЛАКОВ

(Гунделенская средняя школа)

Товарищи! Настоящая сессия обсуждает очень серьезный вопрос — вопрос о происхождении балкарцев и карачаевцев. Этот вопрос волнует не только балкарцев и карачаевцев, но и другие народы Северного Кавказа. Мы с интересом прослушали доклады, сделанные научными сотрудниками Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Казани, Пальчика и т. д. Видно, что товарищи проделали большую плодотворную работу в решении этого вопроса.

Многие товарищи считают, что для выяснения происхождения балкарцев и карачаевцев, как и других народов, главное значение имеет язык. Но это лишь один момент в решении поставленного вопроса. Кроме языка, надо привлекать к решению данной проблемы фольклор, летописи, археологию, этнографию, антропологию и т. д.

Вчера т. Джанберидзе сделал доклад по антропологии, где он убедительно показал, что балкарцы и карачаевцы принадлежат к кавказской антропологической группе. Поскольку антропологией доказано, что балкарцы и карачаевцы принадлежат к наиболее древнему слою народов Кавказа, вопрос о том, что они пришельцы, отпадает.

Как же быть, если балкарцы и карачаевцы по своему происхождению принадлежат к древнему населению Северного Кавказа, а говорят на тюркском языке? Если для ответа на этот вопрос у нас отсутствуют письменные доказательства, то надо обратиться к народу. А народ до сих пор себя называет аланом. Если народ называет себя аланом, то это значит, что этот вопрос нельзя считать второстепенным. Проф. Абаев доказал, что в языках карачаевцев и балкарцев много аланских слов. Это говорит о том, что аланы здесь были коренными жителями.

Не исключена возможность, что среди алан была и группа, говорившая на тюркском языке. Эта группа могла оказать известное влияние на формирование балкарского языка.

Вчера т. Поркшеян утверждал, ссылаясь на летописца Хачатура Кафаеци, что балкарцы и карачаевцы — выходцы из Крыма. При этом т. Поркшеян указывает «точную дату» переселения — 3 мая 1639 г. Все это, на наш взгляд, не имеет под собою основания.

В вопросе о происхождении балкарцев и карачаевцев товарищи внесли много ясности. Из всего сказанного следует сделать вывод, что балкарцы и карачаевцы являются аборигенами Кавказа. В формировании приняли участие многие племена и особенно аланы и кипчаки.

Проблема происхождения карачаевцев и балкарцев, на наш взгляд, наиболее убедительно освещена в докладе т. Бабаева.

П. Г. АКРИТАС,
кандидат исторических наук
(Зав. сектором археологии
Кабардино-Балкарского
научно исследовательского института)

В вопросе о происхождении того или другого народа. . . бесспорно, первое слово принадлежит языку, — первое, но не окончательное. Надо привлечь и данные антропологии, этнографии, народного творчества, археологии.

Балкарцы и карачаевцы не нуждаются в том, чтобы в угоду им старались доказать, что их предками были, скажем, великие болгары, половцы, аланы, или какой-либо другой народ. Они и так существуют как здоровый, трудолюбивый и миролюбивый народ, а кто их предки — это, конечно, важно знать, но это второстепенный по отношению к настоящему их бытию вопрос.

Относительно происхождения балкарцев и карачаевцев и времени заселения данной территории в печати имеется много разных гипотез, порою ошибочных. К последним относится и моя гипотеза, опубликованная в «Сборнике статей по истории Кабарды».

Из докладов большинства выступающих вытекает, что Кавказ ко времени прибытия сюда кочевых народов был необитаем. О коренном неаланском населении центральной части Северного Кавказа я на этой сессии ничего не слышал.

Здесь я невольно припоминаю слова одного балкарца из Верхнего Чегема, аспиранта МГУ Кудаяева, который на мой вопрос о происхождении балкарцев и о том, откуда они прибыли на Кавказ, ответил: «Мы ниоткуда не прибыли, мы коренные жители Кавказа».

Впоследствии я пришел к выводу, что в его словах есть определенная доля правды. В самом деле, как показали исследования антропологов тт. Алексеева и

Джанберидзе, балкарцы и карачаевцы ничего монголоидного не имеют. Напротив, антропология доказывает, что балкарцы и карачаевцы являются кавказскими типами, как например, осетины, сваны, адыги. Это подтверждается и материальной культурой балкарцев и карачаевцев, в частности архитектурными особенностями их жилищ. Подобный тип жилища является общекавказским.

За неимением времени, я подробно не могу остановиться на этом, но скажу, что о том же говорят обычаи, обряды, фольклор и старые религиозные воззрения их.

Исследователи, которые отождествляют алан и ассов, очевидно, исходят из истории Моисея Хоренского (V в.), который называет алан союзниками грузин. Но ведь в V в. аланы уже оформились в государство и представляли большую силу и, как правильно говорит Аммиан Марцеллин, они распространяли на покоренные им народы свое имя, поэтому Хоренский упоминает только об аланах.

Таким образом, можно сказать, что ассы — ясы, овысы — не аланы. Их нельзя отождествлять. Ассы — коренные жители Центрального Кавказа. Мы полагаем, что этногенез не только балкарцев и карачаевцев, но также осетин, сванов, пожалуй, и чечено-ингушей, и кумыков приводит к ассам как к одному из основных компонентов.

Пришлые на Кавказ народы, бесспорно, имели весьма крупное значение в этногенезе коренных кавказских народов, например, аланы с ассами способствуют формированию осетинского народа, болгары и кипчаки с ассами — формированию балкарцев и карачаевцев и т. д.

Из сказанного можно сделать такой вывод: балкарцы и карачаевцы — коренные жители Кавказа. Они ниоткуда не пришли. Их не случайно осетины называют «ассон» с оттенком уважения, намекая как бы на их происхождение от одних и тех же с ними предков, далеких ассов. И теперь среди балкарцев много осетинских фамилий.

В языке осетин, наряду с большим словарным аланским фондом, имеется процентов 30—35 неиранских слов. Они, очевидно, ясские. Если тщательно рыться и в языке балкаро-карачаевцев, то и здесь, очевидно, ассские корни сохранились, их считают аланскими; то же, вероятно, и у чеченцев.

Это, конечно, не значит, что пришлые тюркоязычные народы не принимали участия в формировании балкарцев и карачаевцев.

Археология говорит, что еще в эпоху бронзы и в период появления железа (II и I тысячелетия до н. э.) на Северном Кавказе были три родственные группы народов: Прикубанская, Кобанская (Центральный Кавказ с Чечено-Ингушетией) и Дагестан. Носители Прикубанской культуры — адыгские племена, известные в средние века под общим именем черкесов. Носители культуры Центрального Кавказа нам неизвестны. Называют Кобанскую культуру по имени сел. Кобан в Осетии, но это — культура, а не носители ее.

Вот здесь-то и загадка. Кто же носители Кобанской и послекобанской культуры? Хорошо бы иметь сведения о них, относящиеся хотя бы к началу нашей эры. Обратимся к источникам, имеющимся под руками.

а) Ближайшие соседи балкарцев и карачаевцев, грузины, пожалуй, лучше знали их, чем другие. Грузинские летописи «Картлис Цховреба» говорят об ассах, которые в I—V вв. населяли Центральный Кавказ. Там ничего не сказано об аланах.

б) Римский историк Иосиф Флавий (I в.) говорит: «Язык (т. е. народ) ясский ведом есть...яко...живущие подле Тани и Меотинского озера». Переводчик же XII в. переводит так: «Племя аланов, живущее вокруг Танаила и Меотинского озера». Но ведь алай в I в. еще не было на Кавказе. О них у Флавия ничего не сказано. Это выдумка переводчика.

в) В «Армянской географии VII века» говорится, что племя «ас» ныне не существует, но территория к западу от Дигории и ныне называется «Ас» (Скитский Б. В. Хрестоматия по истории осетин, ч. I. Дзауджикау 1949 стр. 15).

Наконец, многие топонимические названия Балкарин не объяснимы при помощи осетинского и балкарского языков (Мухол, Зилги, Дых-Тау, Каштан-Тау и др.). Таким образом, мы приходим к следующему выводу:

1. Археология доказывает, что жизнь человеческого общества на Кавказе шла непрерывно, что Кавказские горы не оставались долгое время без жителей и не было окончательной замены местной культуры пришлой культурой. Было лишь слияние культур.

2. Замечается последовательность и непрерывность в развитии материальной культуры горцев Кавказа. То же можно сказать об их духовной культуре.

3. Еще в бронзовую эпоху на Северном Кавказе существовали три родственные группы народов: Прикубанская (запад Сев. Кавказа), Кобанская (Центральный Кавказ с Чечено-Ингушетией) и Дагестанская. Эти культуры продолжали развиваться и позже. Они под разными названиями дошли до нашего времени.

4. Ассы — не аланы. Нельзя их отождествлять с аланами. Корни современных коренных народов Центрального Кавказа, в том числе осетин, балкарцев и карачаевцев, уходят к ассам.

5. Антропологические исследования балкарцев и карачаевцев устанавливают их чисто кавказский тип.

6. Аланы появились на Северном Кавказе во II в., а оформились в государство в IV в. Имя алан встречается лишь в V—VI вв., а до этого его нигде нет. Именно с этого времени имя ассов отождествляется с именем алан. Марцеллин в IV в. говорит о степных аланах, но не о горных.

7. Аланы имели большое влияние на коренных горцев — ассов. Аланы после их разгрома ушли в горы и, окончательно смешавшись с ассами, дали начало осетинскому народу.

8. Степные народы, нападая на оседлых горцев, устраняли их живую силу — мужчин, а детей и женщин не трогали. Последних превращали в своих жен, навязав им свой язык — язык победителей. Дети росли, освоив тоже язык победителей, и себя считали частью народа-победителя. Пришлых было в горах немного, и они растворились в местном горском населении, но язык их сохранился, как это, по-видимому, случилось с балкарцами и карачаевцами.

9. Все это свидетельствует о том, что балкарцы и карачаевцы — коренные древние жители Кавказа. Пришлые народы лишь внесли новые элементы в их культуру и навязали им свой тюркско-татарский язык.

10. Дальнейшие археологические, этнографические, лингвистические и антропологические исследования в горах Центрального Кавказа позволяют лучше ориентироваться в интересующем нас вопросе.

И. Л. УЛЬБАШЕВ,
(Зав. переселенческим отделом
Совета Министров КБАССР)

Обсуждение на сессии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, с участием ученых Москвы, Ленинграда, Казани и наших соседних братских республик Северного Кавказа и Закавказья, вопроса о происхождении балкарцев и карачаевцев имеет большое значение.

Проведение данной научной сессии с целью выяснения происхождения балкарского и карачаевского народов говорит о новом проявлении заботы о наших народах со стороны Центрального Комитета нашей партии. Разрешите, товарищи, выразить нашу искреннюю благодарность ленинскому Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза за такое повседневное внимание и заботу о расцвете экономики и культуры наших народов.

Все мы с большим вниманием слушали доклады и выступления на данной сессии о происхождении карачаевцев и балкарцев. И у меня создается более ясное представление о том, кто были предками нынешних балкарцев и карачаевцев.

Положения, выдвинутые в докладах тт. Бабаева и Лайпанова, и дополнения, высказанные в выступлениях других товарищей, говорят о том, что основой карачаево-балкарской этнической группы являются тюркоязычные «черные болгары» и кипчаки (половцы) и что балкарцы и карачаевцы являются исконными жителями Северного Кавказа. Это положение должно лечь, мне кажется, в ос-

нову решения нашей сессии. Это будет основным звеном, за которое надо взяться при дальнейшей разработке вопроса о происхождении балкарцев и карачаевцев.

Передо мной выступил т. Акритас, который высказал очень интересную мысль. Он говорит, что до появления алан в центральной части Кавказа жили племена ассов, что пришельцы-аланы частично смешались с этими племенами и частично подчинили их своему влиянию. Этот момент, на мой взгляд, является серьезным материалом для подтверждения положения о том, что балкарцы и карачаевцы являются коренными жителями Кавказа, ибо среди балкарцев до сих пор бытует слово «ассы».

О том, что предки балкарцев являются исконными жителями Кавказа, свидетельствуют и такие факты. В Балкарии очень много пещер, которые носят названия отдельных родовых фамилий. Предания говорят о том, что тот или иной род, по мере своего развития, оставлял эти пещеры, строил примитивные дома из местного материала и переселялся туда. Пришедшие извне племена оказались более сильными и заставили подчиниться себе коренных жителей ущелий и, возможно, навязали свой язык. Таких фактов в истории много. Исходя из сказанного, я делаю такой вывод: предки современных балкарцев и карачаевцев являются аборигенами Кавказа и пришлые тюркоязычные «черные болгары» и кипчаки, смешавшись с ними, навязали им свой язык.

Я хотел обратить внимание наших ученых на необходимость комплексного и глубокого изучения памятников старины, имеющих на территории Балкарии и Карачая. Такое изучение откроет много нового в древней истории балкарцев и карачаевцев.

О выступлении т. Поркшеян. В ходе данной сессии все выступившие были едины в том, что концепция крымского происхождения балкарцев и карачаевцев не имеет под собой никакой почвы и отвергается. Казалось бы, дело ясное, но уважаемый т. Поркшеян не согласен с этим. Исходя из летописи Хачатура Кафаеци, он утверждает, что балкарцы и карачаевцы вышли из Крыма и происходят от чагатайцев. Но в истории чагатайского народа не было, был только Чагатаев улус.

Хотел сказать несколько слов о вчерашнем выступлении уважаемого У. Б. Алиева. Он разделяет балкарцев

и карачаевцев на два народа. Я в корне не согласен с этим мнением Алиева. Карачаевцы и балкарцы по языку, быту и культуре — это один народ, и их историю надо рассматривать в единстве. Если есть отдельные балкарские слова, непонятные карачаевцам, или наоборот, то это — местные диалекты, и они не имеют решающего значения.

7

С. Ш. ГАДЖИЕВА,

кандидат исторических наук
(Дагестанский филиал Академии наук СССР)

Прежде чем начать свое выступление, я хочу передать всем участникам данной сессии, всей научной общности Кабардино-Балкарии сердечный привет от коллектива научных работников Дагестанского филиала АН СССР и пожелать дальнейших творческих успехов. Особо хочется поблагодарить обком и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР, руководство научно-исследовательского института КБАССР за внимание, которое они уделяют проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев.

Нет возможности в кратком выступлении остановиться на ряде очень интересных вопросов, затронутых в докладах. Я позволю себе коротко остановиться лишь на этническом родстве балкарцев, карачаевцев и кумыков.

Л. И. Лавров прав, когда считает, что вопрос о происхождении карачаевцев, балкарцев и кумыков надо рассматривать вместе.

Проф. Н. А. Баскаков убедительно на сравнительном материале характеризовал языковую близость этих трех народов. Из всех тюркских языков кумыкам наиболее понятен карачаево-балкарский язык. Карачаево-балкарский язык очень близок кумыкскому, особенно засулакскому диалекту. В нашем фольклоре часто встречается материал, указывающий на культурные и исторические связи с балкарцами и карачаевцами. В кумыкских песнях сохранились даже топонимические названия Балкарии: «Чегемлерде кёпюр ким салыр» (кто поставит мост через Чегем), «къыз боюндаи къыз иайдап, элбурундан йилкъы гъайдай» (из Кизбуруни похитив девушку, с Эльбруса погнав табуны) и т. д. упоминаются в кумыкских песнях. В сел. Башли есть квартал, который до сих пор

называется Малкъбаул. Являются ли жители его древними переселенцами, или они вышли из Балкарии в начале XIX в., пока не поддается выяснению. Загадочным остается и древнее название крупного сел. Эндери-Балкъ, а также сел. Балкар—горного дагестанского аула.

В формировании кумыкской, балкарской и карачаевской народностей из пришлого тюркоязычного населения в основном участвовали одни и те же племена. Но их роль в формировании каждого отдельного народа, очевидно, была неодинакова. Этот вопрос очень сложен, и его надо рассматривать в тесной связи с историей самого народа.

Надо более прочно определить роль древних аборигенов, из которых потом сложились эти народы. Товарищи говорили об аланах в общих чертах, очень неопределенно, это далеко не достаточно для решения вопроса о местной основе. Аланы тоже собирательное имя рода, племени. Кто же был на этих землях до алан? Вопрос о самом древнем слое, основе, на которой формировались балкарцы и карачаевцы, очень важный. Тут на помощь должна прийти археология.

Здесь разгорелись споры о том, кто являются предками балкарцев и карачаевцев — кипчаки или болгары? Мне кажется, что некоторые товарищи напрасно стараются отрицать роль болгар, самых древних тюрков на Северном Кавказе, в складывании этих народов.

Известно, что болгары и родственные им савиры, утургуры обитали в северокавказских степях еще задолго до появления кипчаков. Проникновение тюркских племен в северокавказские степи относится даже к первым векам н. э. У античного писателя середины II в. Дионисия, например, встречается упоминание о гуннах, живущих в соседстве со скифами по берегу Каспийского моря. Савиры, родственное болгарам племя, по сообщениям Птоломея, во II в. обитают «ниже аорсов до Рипейских гор». Советские ученые локализуют савиров в районе р. Кумы. Постепенно передвигаясь на юг, савиры овладевают в середине VI в. Каспийским (Дербентским) проходом и, следовательно, северным Дагестаном. Болгары же, образовавшие потом мощный племенной союз, были известны на Кавказе еще в III в. Через Северный Кавказ, по Кумыкской равнине и через Дербентский проход, известный у местного населения под именами Чуры или Чуллы, болгары

ры проникают в этот период отдельными группами в Закавказье.

Наряду с другими племенами Северного Кавказа, греческих и сирийских источниках IV—VI вв. перечисляются и болгары. В этих источниках первым народом, который живет за Дербентскими воротами, названы именно болгары. Болгары — ближайшие соседи алан. Они, так же как аланы, живут в палатках, питаются мясом скота, рыб и т. д. Сирийская хроника VI в., хотя земли за Каспийскими воротами часто и называет «гуннскими пределами», все же выделяет из общей массы племен Северного Кавказа болгар. Все это говорит о том, что болгары и родственные им племена (савиры и др.), представлявшие в V—VI вв. значительную силу, не могли не оставить на Кавказе следа о своем пребывании. Они не могли не смешаться с древними жителями той территории, где они обитали или куда они были вытеснены новыми, более сильными пришельцами. Поскольку болгары были тюркоязычными, у нас есть все основания думать, что они участвовали в формировании прежде всего тюркских народов Северного Кавказа, что с них именно начинается процесс языковой ассимиляции и скрещивания пришлых, тюркоязычных элементов с первоосновой, т. е. с древнейшими обитателями территории, ныне заселенной кумыками, балкарцами и карачаевцами. И после болгар не прекращалось, как известно, проникновение тюркских элементов на территорию, заселенную предками этих народов.

Не вызывает возражения тезис многих докладчиков и выступавших о том, что одним из основных компонентов, из которых формировались эти народы, являются кипчаки. Хочу только выразить свое мнение о том, что этот процесс, который начался задолго до XI—XIII вв., мог завершиться в основном в кипчакский период. Кипчакский язык, как язык более сильного племени, в силу ряда исторических причин мог одержать полную победу над другим родственным, только что сложившимся тюркским языком побежденных, слабых племен. Таким образом, окончательное формирование языка всех этих народов могло произойти на основе кипчакского языка в XI—XIII вв., о чем так убедительно говорил проф. Н. А. Баскаков. Такие явления в истории не единичны. Они происходят и поныне, на наших глазах: есть случаи, когда один

из родственных языков и сейчас побеждает в качестве литературного языка.

Несколько слов о кумыках. Вопросы этногенеза народов Дагестана, в том числе и кумыков, пока изучены слабо. Более сложной здесь является проблема происхождения кумыков, как единственного тюркоязычного народа.

В этническом формировании кумыков основное участие приняли древние племена равнинного Дагестана, из которых формировались современные даргинцы (главным образом) и аварцы. О жизни этого древнего населения на территории расселения кумыков, об их древней, развитой для своего времени культуре, причем земледельческой, дали большой материал археологические раскопки, произведенные учеными Москвы, Ленинграда, а также Дагестанской археологической экспедицией.

Наряду с аборигенами в этногенезе кумыкского народа приняли активное участие болгары, кипчаки (особенно) и частично огузские племена. Этот основной тезис о происхождении кумыков мы обосновываем материалами письменных источников, археологии, этнографии, антропологии и языка. Мы считаем, что роль кипчаков в этногенезе кумыков сравнительно меньше, чем в этногенезе балкарцев и карачаевцев, хотя и кумыкский язык относится к кипчакской группе тюркских языков. На кумыкский язык значительно больше влияния, чем на балкарский, оказали языки огузской группы народов. Огузский слой более отчетливо прослеживается на диалекте южных кумыков, которые, очевидно, испытали это влияние не только с севера, но и с юга, со стороны Азербайджана. Чтобы подтвердить это, приведу несколько примеров.

У северных кумыков

юрт (селепие)
агъачлык (лес)
къоян (заяц)
къоймак (яичница)

У южных кумыков

гент
орман, меше
тавшан
хайгина

Очень отчетливо прослеживается и местный, дотюркский слой. В этом отношении весьма интересны данные топонимики и по южным кумыкам. Есть, например, там местность (лесной, пастбищный и сенокосный участок), которую жители-кумыки называют по-даргински *холо-чланкла* (*холо* — большой, *чланкла* — палас, равнина). Есть земля, которая называется *гъанкъай* (перекресток),

и в настоящее время одно из кумыкских селений, расположенное вблизи этого перекрестка дорог, называется *Гъакъайкент*. Тут же имеется другой участок (сенокосный, пастбищный), который называется по-даргински *Муракъав* (сенокосный участок), несколько дальше лесной участок на территории Каякентского сельсовета — *Клуце* (этимология неизвестна), между тремя кумыкскими селениями Башликент, Капкайкент и Джаванкент есть небольшая речушка — *Клума-шарт* (название образовано из двух даргинских слов).

Несомненно, даргинское происхождение имеют названия мест Чирми, Селли и др. Еще более богатый, разнообразный материал дает лексика этой группы кумыков. Приведу несколько примеров.

У даргин

целде (надгробный памятник)
клана (платок)
гъавцалдик (ткань)
хунца (шерсть для матрацев)
плацлари (вид пресного хлеба)
вакъвакъ (сорока)

У южных кумыков

целде
клана
гъапцалдик
хунца
плацлари
лакълакъи

У южных кумыков очень много даргинских терминов в сельскохозяйственном календаре. Лучший период пахоты, сева, период суровых морозов, названия некоторых звезд, по которым крестьяне устанавливали свои наблюдения, выражены терминами даргинского происхождения.

У южных кумыков сильно нарушается закон сингармонизма.

В диалекте этих кумыков очень много таких кавказско-дагестанских звуков, которые чужды тюркским языкам: *къанцл* (уксус), *чивар* (земля), *цлава* (вид вина), *хинкле* (хинкал) и др.

Все эти и другие наблюдения дают основание говорить об ослаблении влияния кипчакского языка по мере углубления в предгорную полосу Кумыкии. Если сравнить данные всех трех диалектов кумыкского языка с данными балкарского, то совершенно очевидна близость к балкарскому языку диалекта кумыков Сулакской низменности, которая известна в литературе под именем Кумыкской плоскости, диалекта, который лежит в основе кумыкского литературного языка.

Огромное влияние кипчаков, победа их языка на всей территории Кумук — Гуза вполне ясны. Однако если хорошенько разобраться в данных языка, материальной, духовной культуре кумыков, данных топонимики и т. д., то выяснится и та не менее важная роль, которую сыграли аборигены в формировании кумыкской народности. Данные антропологии ничем не отличают кумыков от окружающих горцев.

При наблюдении этих интересных явлений у нас возникает вопрос о том, не являются ли кумыки в своей основной массе, особенно южные кумыки, просто отуреченными аборигенами. Процесс окончательного формирования кумыков за счет горского населения, как это прослеживается по письменным источникам, данным этнографии, продолжался и в послемонгольский период.

В заключение мне хочется сказать, что по изучению происхождения балкарцев и карачаевцев, как это видно и из работы данной сессии, сделано много. Однако не все стороны этой проблемы ясны. Требуется большая кропотливая работа историков Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Желательно для решения этой проблемы шире привлечь данные материальной культуры, фольклора, выяснить путем археологических исследований вопрос о дотюркской основе, о сванских и других элементах.

Разрешите пожелать научному коллективу Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесской области новых больших успехов в глубоком изучении истории своих народов, в том числе и в разрешении этой важной задачи этногенеза балкарского и карачаевского народов.

Т. К. ШЕЙБЛЕР,

композитор,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Собрание и научное изучение балкарского и карачаевского музыкального народного творчества находится еще в самой зачаточной стадии.

Первыми собирателями народного музыкального творчества балкарцев явилась небольшая группа русских ученых: Ковалевский, Танеев и Иванюков, которые в 1885 г. летом записали ряд песен и танцев балкарцев в Баксанском ущелье.

Блестящий музыковед-теоретик своего времени — композитор Сергей Иванович Танеев производил записи, в подлинности которых нет никакого сомнения. Танеев являлся не только крупнейшим полифонистом и музыкальным знатоком своего времени, но и обладал совершенно исключительной памятью и слухом.

Князь Измаил Урусбиев считался одним из немногих знатоков кавказских песен. Князь играл на скрипке и пояснял каждую песню или танец, исполненные им и записанные Танеевым. Основываясь на этих записях и на пояснениях Измаила Урусбиева, Танеев написал свои заметки «О музыке кавказских горцев», опубликованные впервые в январской книжке журнала «Вестник Европы» за 1886 г.

И. Иванюков и М. Ковалевский дали к своему очерку вставную заметку о музыке горских татар (как тогда русские называли балкарцев). Этот очерк, как и последовавшие затем очерки М. Ковалевского о семейном быте и правовых отношениях у кавказских народов, очерки «В Сванетии» были опубликованы Ковалевским в его работе, изданной в Стокгольме в 1890 г. и цитируемой Фридрихом Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Танеев записал у Урусбиева двадцать мелодий, из них семь кабардинских, одна осетинская, двенадцать балкаро-карачаевских. Все песни двухголосные. Причем основная мелодия исполнялась Урусбиевым на двухструнной скрипке, которую он называл «кобузом». Инструмент этот был настроен в чистую квинту. Смычок из тростника, лукообразный, с конским волосом, натираемым вместо канифоли варом.

Урусбиев играл основную мелодию на скрипке, а голосом тянул басовую хоровую партию — «эжу». Он разделял песни своего народа на три группы:

Самые древние: 1) «Овсаты Джир» — охотничьи песни, заключающие в себе обращение к богу охоты с просьбой помочь охоте, 2) «Долай», которую поют при сбивании масла, 3) «Эрирей» — поют при молотье хлеба, и 4) «Окай» — женская песня при тканье.

Нартские, т. е. песни о богатырях-нартах: Ёрюзмен, Кара-Шауайе, Сосуруко, Сибильчи, или Сибильши, Голястане, или Гильхсетане, Пуке, Пугалу — Батырмырзе, Хмылчиге, Рачикау и Ачемезе.

Третью группу составляют, по мнению Урусбиева, старые песни — «эски джир» — исторического содержания. Об этих песнях Урусбиев говорил, что они сочинены 300—400 лет тому назад.

К последней группе Урусбиев причислял песни о войне на Кавказе и песни любовные.

Интересно отметить, что Танеев, разбирая ладовые основы и интонационную природу песен, приходит к выводу, что у народных мелодий есть звуки натурального лада, не укладывающиеся в темперацию европейского строя.

После Танеева записи балкарских песен производит в 1937—1938 гг. музыковед и композитор Арсений Михайлович Авраамов, записавший некоторое количество песен. К сожалению, большая часть их пропала во время Великой Отечественной войны. Несколько записей сделал также художественный руководитель Кабардино-Балкарского ансамбля песни и пляски Александр Михайлович Покровский.

С 1939 по 1941 г. мне удалось записать около ста песен и мелодий без слов и в 1957—1958 гг. — еще около двухсот.

Песни эти и мелодии инструментально распадаются на

А В. ФАДЕЕВ.

доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Академии наук СССР)

Московские историки просили нас передать вам, дорогие товарищи, горячий привет и самые добрые пожелания.

Должен сказать, что мы, которым довелось приехать для участия в сессии, испытываем большую радость не только от встречи с нашими друзьями — местными историками, но и от того, что являемся свидетелями идейно-теоретического роста национальных научных кадров республик Северного Кавказа, расширения проблематики их творческой деятельности. Мы расцениваем это как выражение новых успехов ленинской национальной политики нашей партии.

Полагаю, что все мы должны быть глубоко признательны руководству Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института за проявленную им инициативу в деле организации настоящей сессии.

Значение этой сессии не исчерпывается состоявшимся здесь обменом мнений. Ее значение также состоит в том, что она позволила определить главные направления дальнейших исследований.

Нам яснее стали теперь слабые стороны нашей работы, наши недостатки в области изучения проблемы этногенеза народов Центрального Кавказа. И это уже является определенным достижением, так как, только вскрыв недостатки, можно быстро и решительно устранить их. Думается, что главным недостатком в данном случае является некоторая узость источниковедческой базы и некритическое отношение к источникам.

Многие из выступавших ораторов так и не смогли выйти из круга старых, давно известных представлений.

Новых фактов, к сожалению, было введено в научный оборот сравнительно мало. Некоторые товарищи слишком доверчиво отнеслись к показаниям таких авторов, как монах Арканджело Ламберти или коммерсант Шарден, хотя в их записках зерна истины перемешаны с шелухой фантастических вымыслов. Другие ораторы ставили в один ряд свидетельства древних писателей и суждения наших современников. Доходило до того, что в качестве источника фигурировали даже справочно-популярные статьи из Большой Советской Энциклопедии.

Малоубедительными являлись приводившиеся в изобилии примеры лексических параллелей. Если слово «алтын» встречается в современном балкарском и древнем болгарском языках, то это еще ровно ничего не доказывает, ибо то же самое слово «алтын» существует во всех тюркских языках.

Жонглированием отдельными словами легко можно доказать происхождение балкарцев не только от болгар, но и от узбеков, киргизов и якутов. Но вряд ли это будет признано убедительным. Очевидно, в ходе дальнейшего изучения интересующей нас проблемы необходимо не просто расширить круг источников, но более критически относиться к источникам, строго отбирая материал и беспощадно отбрасывая все сомнительное и безнадёжное. Как показало весьма содержательное и ценное в научном отношении сообщение Е. П. Алексеевой, наиболее плодотворными в деле изучения обсуждаемой проблемы будут, вероятно, археологические изыскания. Конечно, это не исключает того, что необходимо разворачивать этнографические и лингвистические исследования, по возможности координируя работу различных институтов и экспедиций.

Думается, что надо стремиться к дальнейшему укреплению наших методологических позиций в изучении поставленной проблемы. Марксизм-ленинизм отрицает существование чистых наций и чистых народностей, бытующих в неизменном виде с библейских времен. Марксизм считает, что нация и народность — это исторические категории. Марксисты рассматривают этногенез как результат длительного исторического процесса, отражающего не только внутренние закономерности развития отдельных этнических коллективов, но и взаимодействие этих коллективов с другими, их трудовое общение между собой и культурные связи и взаимовлияния.

Исходя из этого, нельзя не признать, что современные балкарцы и карачаевцы — это не пришельцы, не чужаки, а коренные обитатели этого края, в котором они сейчас живут. Как особые народности балкарцы и карачаевцы формировались в пределах Северного Кавказа и развивались в тесном общении с другими кавказскими народами и, прежде всего, с ближайшими своими соседями — кабардинцами и черкесами.

Если народ живет на данной территории веками, если он оплодотворял эту землю своим трудом на протяжении многих поколений, если он обильно полил эту каменистую землю своим потом и кровью, если он отстаивал ее от иноземных захватчиков, если здесь могилы его отцов и дедов, то нет никакого основания называть такой народ пришлым, противопоставляя его соседям, с которыми он сосуществует бок о бок по крайней мере тысячу лет.

Наш долг — сосредоточить внимание не на том, что в прошлом разделяло народы, а на том, что их сближало, объединяло, сплачивало в процессе совместного труда и совместной борьбы против эксплуататоров и иноземных завоевателей. Примером того, что нам нужно в этом плане, является вчерашнее выступление нашего грузинского коллеги — Русудан Лукьяновны Харадзе о культурно-исторических связях балкарцев и сванов. Недаром это интересное сообщение было выслушано всеми участниками сессии с глубоким вниманием. Можно пожалеть, что мы не слышали на сессии подобных же сообщений о взаимоотношении балкарцев и кабардинцев, карачаевцев и черкесов. Однако ясно одно: нельзя изучать истории балкарского и карачаевского народов в отрыве от истории их ближайших соседей.

Нельзя забывать, что культурная общность обитателей Кавказа прослеживается археологами еще с третьего тысячелетия до нашей эры, с эпохи неолита, что эта общность и составляет реальную культурную подоснову того местного субстрата, который выявляется в речи тюркоязычных кавказцев. По-видимому, можно считать доказанным, что некоторые предки современных балкарцев и карачаевцев действительно принадлежали к кипчакской этнической среде, но это не исключает того, что в процессе формирования этих народов приняли активное участие местные аланские, а затем адыгские элементы.

Можно спорить о том, не могли ли также оказать влияние на этот процесс ассимилированные кичкаками более древние тюркоязычные болгарские элементы, хотя дсводы в пользу этой гипотезы приводились малоубедительные.

Но бесспорно была отвергнута большинством участников сессии гипотеза о крымско-турецком происхождении балкарцев и карачаевцев.

Здесь уже говорилось, что в основе ее лежит созданная в свое время протурецки настроенными феодально-клерикальными кругами фальшивая легенда, имевшая целью идеологически обосновать агрессивную политику крымских ханов и турецких султанов в отношении Северного Кавказа и вовлечь в русло этой политики кавказских мусульман.

Нетрудно заметить, что и в наши дни безосновательные рассуждения по этому поводу объективно льют воду на мельницу панисламистов и пантюркистов, активизирующих ныне свою деятельность в некоторых странах Востока. О необходимости борьбы с зарубежными фальсификаторами панисламистского толка хорошо сказал в своем вступительном слове т. Берикетов. Поэтому я не буду об этом распространяться, но лишь напомню, что это одна из актуальных задач всех советских кавказоведов.

Вполне естественно желание народа знать свою историю, знать своих предков. Мне вспоминается, как лет двадцать с лишним назад об этом хорошо говорил М. И. Калинин:

«С каким восторгом раскованные народы восстанавливают в памяти образы своих этнических и исторических героев... каждый из них хочет как бы сказать всем народам СССР: «Смотрите, я являюсь не из чьей-то милости членом великого Союза народов, я не человек без роду и племени, — вот моя родословная, которой я горжусь, хочу, чтобы вы, мои братья по труду и по защите лучших идеалов человечества, полюбовались моей родословной...»¹.

Нет сомнения, что настоящая сессия явится могучим стимулом для дальнейшей научной разработки вопросов истории балкарского и карачаевского народов. И я позволю высказать уверенность, что дело не ограничится

---

¹ М. И. К а л и н и н. Статьи и речи 1936—1937 гг. Стр. 129—130.

только одной проблемой этногенеза, что местные исследователи с той же энергией, с тем же энтузиазмом будут разрабатывать и другие темы, относящиеся к более поздним историческим периодам, чтобы показать роль трудящихся балкарцев и карачаевцев в истории борьбы народов Кавказа за свое социальное и национальное освобождение, борьбы за победу социалистической революции и торжество коммунизма. Мне хочется пожелать научным работникам Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии больших творческих успехов в их трудной, но очень нужной для народа работе и заверить, что ученые Москвы всегда окажут им активную помощь и братскую поддержку.

* * *

В прениях выступили также и другие ораторы.

Тов. **Кафоев А.** (Кабардино-Балкарский госуниверситет) подверг критике ряд положений вышедшей недавно в Москве «Истории Осетии», а также подробно остановился на расшифровке надписей старинных памятников.

Тов. **Бабаев М. А.** (Шалушкинская средняя школа Чегемского района Кабардино-Балкарской АССР) присоединился к точке зрения о болгарском происхождении балкарцев и карачаевцев.

В своем выступлении он указал на то, что Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт в своих «Ученых записках» недостаточно освещает вопросы истории Балкарии и медленно готовит кадры историков, и т. д.

Тов. **Настаев С.** (лектор Кабардино-Балкарского обкома КПСС) обратил внимание участников сессии на необходимость более интенсивного изучения имеющихся в большом количестве на территории Балкарии исторических памятников, могильников, курганов и т. д.

Пока же эта работа поставлена плохо. Задача института — усилить деятельность археологов.

Тов. **Шахмурзаев С. О.** (писатель), ссылаясь на Махмуда Кашгарского, утверждает, что кипчакский язык делится на северный — чагатайский и южный — огузский диалекты, из последнего и образовался куманский язык. Куманы жили в Предкавказье на р. Куме. Под ударами других кочевников куманы разделились на три племенные группы. Первая из них ушла к берегам Каспийского моря и расселилась там, — это современные кумыки, вторая ушла в Западную Европу и расселилась на территории Маджаров, третья ушла в пойму реки Малки, где и заняла ущелья и пастбища. Оратор предполагает, что от названия «Малка» происходит название народа — «малкар».

Тов. Шахмурзаев на основании того же источника и «Кодекса Куманикус» считает куманский язык наиболее близким балкаро-карачаевскому. В подтверждение этого положения он приводит куманские загадки, пословицы и выдержки из надписей на памятниках и т. д.

В прениях также выступил сотрудник института усовершенствования учителей т. Будаев.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

С. К. БАБАЕВ

Свое мнение по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев я старался выразить в своем докладе. В других докладах, сообщениях, а также выступлениях на сессии было выдвинуто много хорошо аргументированных научных положений.

Наряду с этим, в докладах и выступлениях некоторых товарищей имели место неправильные утверждения. Эти утверждения выдвигались, видимо, вследствие того, что товарищи недостаточно изучили данный вопрос в научном отношении. И, естественно, что неправильные суждения не остались без соответствующей критической оценки со стороны выступавших товарищей, которые, по-моему, дали правильную оценку этим выступлениям. Поэтому я считаю излишним останавливаться на них еще раз.

Хочется сказать только одно: наша научная сессия проделала очень хорошую и плодотворную работу и наметила пути дальнейшей научно-исследовательской работы по данной проблеме. Я очень доволен работой нашей сессии.

В заключение хотелось выразить свою глубокую признательность всем работникам научно-исследовательского института, а также всем товарищам, которые принимали участие в работе этой сессии.

Л. И. ЛАВРОВ

(Институт этнографии Академии наук СССР)

После проведенной дискуссии я еще больше убедился в том, что балкарцы и карачаевцы являются потомками алан и кипчаков, причем я считал и считаю, что аланы и кипчаки в свою очередь могли сами сложиться в резуль-

тате скрещения местных кавказских народностей и пришлых разноязычных элементов.

Я в своем ~~докладе говорил и сейчас не отрицаю~~ наличия местных элементов в образовании карачаевского и балкарского народов.

Нам надо выяснить, как попало тюркоязычное население в горы Кавказа. Если мы это выясним, тогда встанет другой вопрос: как сложились кипчаки, были ли они аборигенами или нет; как сложились болгары и давно ли живут на Кавказе, являются ли они пришлыми и т. д.

Несколько замечаний по поводу некоторых выступлений. Тов. Поркшеян ссылался на Армянскую летопись. Мне кажется, что, кроме критики толкования того, что записано в Армянской летописи, желательно было бы еще ее опубликовать. Толковать можно по-разному. Летопись сама является историческим документом. Я не согласен с т. Поркшеяном по поводу того, что это вносит в историю Балкарии, Карачая, Черкесии и Крыма нечто новое.

Что такое Черкесия в этом документе? Докладчик взял за основу только армянские документы, написанные в Крыму, но имеются и крымско-татарские документы, написанные тоже в Крыму, освещающие те же времена, в которых неоднократно встречаются известия о бегстве то отдельных лиц, то целых групп из Крыма. Случаи бегства особенно учащались при перемене власти, когда сменяли хана.

Как показывают источники, крымско-татарские племена бежали в Черкесию и к кубанцам. И в данном случае имеется в виду побег на восток от Керченского пролива. Под Черкесией подразумевается собственно Черкесия, а под кубанцами ногайцы. Нам известны действительные побеги в Черкесию к бжедугам, бесланеевцам и даже в Кабарду.

При всех обстоятельствах этот документ не убеждает нас. Речь идет о предках карачаевцев и балкарцев. В качестве показателя, что карачаевцы пришли из Крыма, ~~должен дать справку~~ более распространенные фамилии Крымшамхаловых. Должен дать справку. Крымшамхал — известный термин. В Дагестане «крымшамхал» являлся официальным титулом наследника шамхалского престола. Эти крымшамхалы выступали против шамхалов. Потерпев неудачу в борьбе с шамхалами, крымшам-

халы убегали в другие края. Не исключена возможность, что какой-то беглый крымшамхал из Дагестана мог положить начало феодальному поместью в Карачае.

Какое бы наличие крымшамхалов в истории Карачая ни было, это свидетельствует не о связях Карачая с Крымом, а о его связях с Дагестаном. О том, что такая связь была, говорит следующий факт. В сел. Казихунове я записал предания о том, как один из крымских ханов XVIII в. разрушил сел. Табанико. Феодальный владелец в это время отсутствовал. Мне сказали, что он был в Карачае. Удивился, зачем он ездил туда. Тут, говорят, существуют какие-то древние связи между дагестанцами и карачаевцами, которые до сих пор сохраняются еще в народе.

Два слова об антропологии. Тов. Джанберидзе сделал прекрасный, ценный доклад, вносящий ясность в обсуждаемый вопрос. Я хочу подметить один момент. Выводы, сделанные докладчиком, основываются на современном населении, ныне живущем там. Но не нужно забывать, что антропологический тип карачаевцев и балкарцев несколько сот лет назад был иным. Антропологический тип карачаевцев и балкарцев, как и других народов, с течением времени менялся. Это и понятно. Соседство двух народов, мелкие переселения, взятие в плен и пр. привели к тому, что разница антропологического типа между двумя соседними народами постепенно начинает сглаживаться.

Пока что наша антропология имеет в своих руках материал, главным образом относящийся к современному населению, что недостаточно для окончательного решения вопроса об антропологии балкарцев и карачаевцев.

Я еще раз хочу выразить благодарность дирекции Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института за предоставленную мне возможность участвовать в этой интересной и полезной сессии.

А. И. РОБАКИДЗЕ,
доктор исторических наук
(Институт истории Академии наук Грузинской ССР)

Разрешите мне от имени коллектива работников Института истории Грузинской Академии наук передать вам несколько запоздавший, но тем не менее самый сердечный привет.

Передо мной почетная задача — сделать в Тбилиси сообщение об итогах работы этой сессии, сессии, которая является, по единодушному мнению, очень важным шагом в изучении не только балкарской проблемы, но и некоторых проблем Центрального Кавказа вообще. Эта проблема является основной и центральной для всей кавказоведческой науки. Она является основной и важной, но сложной и запутанной. Это вызывает необходимость мобилизации сил научных работников, работающих в различных областях науки: языкознания, археологии, истории и т. д. Силами одной республики не только нельзя поднять эту проблему, но и решить ее в пределах одной республики невозможно.

Поэтому, когда подытоживаем работу этой сессии, намечается несколько предложений.

Во-первых, необходимо немедленно в широких масштабах начать археологическую раскопку. Археология Балкарии и Карачая может дать богатейший материал для решения общекавказских проблем.

Второй вопрос — назрела необходимость разработать какую-то организационную форму по совместному участию в изучении вообще проблемы Центрального Кавказа, в частности карачаево-балкарской. Если поставить этот вопрос на повестку дня нашей совместной научной работы, то я уверен, что все учреждения Кавказа с большим удовольствием примут в его решении самое активное участие.

И, наконец, о докладе, посвященном балкарскому жилищу. Этот доклад имеет большое значение для решения многих важных проблем и в том числе — обществен-

ного быта, материальной культуры, в связи с чем мы просим организовать публикацию этого материала.

Желаю всем участникам сессии, вооружившись идеями марксизма-ленинизма, энергично, плодотворно продолжать начатую работу.

* * *

С заключительными словами выступили также кандидаты исторических наук Т. Х. Кумыков и Х. О. Лайпанов.

Закрытие сессии

Х. Г. БЕРИКЕТОВ

Товарищи! Усилиями историков, лингвистов, археологов и других представителей советской науки проделана значительная работа.

Одним из достижений данной научной сессии является то, что представилась реальная возможность сопоставить все точки зрения, все концепции, которые имелись как у отдельных товарищей, так и в литературе, и выявить наиболее аргументированные.

В докладах и сообщениях содержались элементы правильного разрешения поставленной проблемы, но ни один доклад самостоятельно не мог полностью осветить этот важнейший период народной истории Балкарии и Карачая.

Наша конференция сумела собрать все положительные элементы, содержащиеся в различных докладах, сообщениях, документах, материалах, и путем глубокого анализа и критического подхода сформулировать свою точку зрения. Работа сессии проходила в атмосфере подлинного научного творчества и сотрудничества всех ее участников, принципиальной научной дискуссии. Именно глубокое взаимопонимание и горячее желание всех участников сессии добиться реальных результатов позволили сделать значительный вклад в развитие науки Кабардино-Балкарской республики.

Теперь можно более полно и глубже освещать историю и других народов Кавказа. В этом отношении результаты научной сессии имеют общекавказское значение, как это неоднократно отмечали выступавшие товарищи.

Живейшее участие, проявленное научными учреждениями и отдельными деятелями науки нашей страны к разрешению этой сложной проблемы, открыло работ-

ситету и Карачаево-Черкесскому государственному пединституту подготовить монографические работы, в которых с позиций марксизма-ленинизма давался бы анализ этногенеза балкарского и карачаевского народов. В этих целях было бы желательно совместными усилиями организовать комплексную экспедицию, в состав которой непременно вошли бы археологи, историки, этнографы, лингвисты и т. д. Просить Институт истории АН Грузинской ССР, Институт этнографии и Институт истории материальной культуры АН СССР принять участие в этой работе.

4. Этнографические и другие материалы показывают, что в материальной культуре карачаевского и балкарского народов много связывающего их с народами Северного Кавказа и Закавказья. Приветствуя инициативу Института истории АН Грузинской ССР по изучению сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношений, считать необходимым дальнейшее исследование данной проблемы, особенно в области этнокультурных связей народов Кавказа. Такого же порядка исследования проводить и в области языка.

5. Считать целесообразным организацию специальной научной экспедиции по сбору дополнительных палеоантропологических материалов.

В. П. АЛЕКСЕЕВ

(Институт этнографии
Академии наук СССР)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ
В СВЕТЕ ДАННЫХ АНТРОПОЛОГИИ*

Вводные замечания

Значение антропологических данных в качестве исторического источника общеизвестно. Вопросы, связанные с использованием антропологического материала в целях исторического исследования, с одной стороны, и возможности этнической антропологии в качестве вспомогательной исторической дисциплины, с другой, рассмотрены в статье Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина и Т. А. Трофимовой, специально посвященной этой проблеме¹. Одним из основных положений этой статьи является бесспорный тезис о наличии косвенной связи между явлениями исторического порядка культурой и языком и антропологическими типами. Речь идет в данном случае об отражении общественно-исторических процессов в фактах антропологии. Так, распространение народа на новую для него территорию само по себе не является следствием принадлежности его к тому или иному расовому типу, констатация чего приводит к расизму, но четко улавливается антропологическими данными, так как появление на той или иной территории нового расового типа есть неременный результат миграции новой группы населения. В то же время распространение языка или тех или

Доклад не был зачитан на сессии. — Секретариат.

¹ Г. Ф. Деб ец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. Журнал «Советская этнография», 1952, № 1.

нных явлений культуры в принципе может происходить и без расселения групп людей, для которых они характерны, и говорит о культурных влияниях и даже заимствованиях, но не о переселении.

Антропологический анализ помогает иногда вскрыть такие детали истории отдельных народов, какие не вскрываются никакими другими видами исторических источников. Само собою очевидно, что роль антропологических данных возрастает по мере углубления в древность и параллельно с уменьшением роли этнографических и лингвистических материалов и исчезновением письменных источников.

В качестве примера эффективности антропологических данных при решении исторических вопросов можно сослаться на исследование палеоантропологического материала из могильника на Большом Оленьем острове Онежского озера, произведенное Е. В. Жировым². Рассмотрение морфологических особенностей черепов из этого могильника привело Е. В. Жирова к выводу о том, что в составе населения могильника была небольшая монголоидная примесь и что, следовательно, известный процент неолитического населения севера европейской части СССР имел восточное происхождение. Дальнейший анализ археологических материалов полностью подтвердил этот вывод и выявил ряд черт, сближающих памятники древнего населения северо-запада РСФСР и, в частности, могильник на Большом Оленьем острове, с неолитическими памятниками Урала и Западной Сибири³.

Аналогичные результаты мы получаем при сопоставлении антропологических и археологических материалов из недавно открытых мезолитических могильников Украины⁴. Археологический инвентарь из них чрезвычайно скуден и не даёт возможности определенно ответить на вопрос

---

² Е. В. Жиров. Заметка о скелетах из неолитического могильника южного Оленьего острова. «Кр. сообщ. Ин-та истории мат. культуры», VI, 1940.

³ См., например: А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

⁴ В. Н. Даниленко. Волошский эппалеолитический могильник. «Сов. этнография», 1955, № 3.

А. Д. Столяр. Могильник мезолитического времени у с. Васильевки на Днепре. «Сов. антропология», 1957, № 2.

Д. Я. Телегин. Третий Васильевский могильник. «Кр. сообщ. Ин-та археологии», вып. 7, Киев, 1957.

об исторических связях населения, оставившего могильники. Сближение с памятниками каспийского типа именно из-за малочисленности инвентаря не выглядит достаточно убедительным. Однако четкая выраженность особенностей средиземноморской, или южной, группы антропологических типов европеоидной большой расы в расовом составе мезолитического и верхнепалеолитического населения Украины, устанавливаемая на основании исследования палеоантропологического материала, помогает решить вопрос о происхождении с юга с полной определенностью⁵.

Значение исследования антропологических особенностей современного населения может быть показано на примере народов Дагестана. Сопоставление расового типа двух народностей тюркской языковой семьи — ногайцев и кумыков приводит к выводу о том, что первые имеют в своем составе заметную монголоидную примесь, в то время как у вторых она полностью отсутствует⁶. Поскольку оба народа принадлежат к кипчакской группе тюркской языковой семьи, следует предполагать, что их формирование связано с близкими в этническом отношении тюркскими народностями средневековья. Факт наличия отчетливо выраженной монголоидной примеси в расовом составе ногайцев позволяет поставить вопрос о том, что она была не в меньшей, если не в большей степени выражена и у их тюркоязычных предков. А так как кумыки характеризуются полным отсутствием монголоидной примеси, не отличаясь в этом отношении от своих иноязычных соседей — даргинцев, предположение о переходе их на тюркскую речь без включения в свой состав значительного количества тюркских переселенцев, т. е. путем простого заимствования иного языка, кажется весьма вероятным. Такой вывод мо-

---

⁵ Ф. Ф. Дебец. Палеоантропологические находки в Костенках. «Сов. этнография», 1955, № 1; его же. Черепки из элипа-литического могильника у с. Волошского. «Сов. этнография», 1955, № 3, Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильева I «Сов. антропология», 1957, № 2.

⁶ Н. Н. Миклашевская. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. «Кр. сообщ. Ин-та этнографии», XIX, 1963.

жет быть сделан только на основании рассмотрения антропологических данных и полностью согласуется с результатами этнографического исследования, говорящего о культурной близости кумыков к другим народам Дагестана.

Все сказанное иллюстрирует возможности использования антропологических данных в качестве полноценного исторического источника. Однако историческое исследование в свою очередь предъявляет антропологическим исследованиям некоторые требования, основным из которых является комплексность используемых при решении исторических вопросов антропологических материалов. Палеоантропологический материал помогает уловить изменение типа во времени и при сопоставлении с данными смежных дисциплин, в первую очередь археологии, ответить на вопрос о его причинах, но он в силу своей специфики бессилен при решении проблемы происхождения современных народов. Исследование современного населения рисует картину распространения антропологических типов по территории, но не решает проблемы их древности и этапов формирования. Таким образом, только сопоставление тех и других данных дает возможность перейти от истории к территориальному распределению типов в настоящее время и последнее использовать для разрешения исторических вопросов.

Однако прямое сопоставление очень затруднительно из-за разного характера получаемых в обоих случаях данных. Поэтому в процессе сопоставления особое значение приобретает изучение краниологических особенностей современного населения, которое является мостом при переходе от соматологического материала к палеоантропологическому и значительно уменьшает ошибку при их коннекции. К сожалению, широкое введение краниологических материалов по современному или близкому к современности населению в практику антропологических работ началось лишь в последние два десятилетия, и в этой области мы имеем еще много пробелов. К числу таких пробелов относится и полное отсутствие материалов по краниологии балкарцев и карачаевцев. Поэтому в дальнейшем изложении мы вынуждены ограничиться рассмотрением соматологических и палеоантропологических данных.

Соматологические данные

Изучение физических особенностей населения Карачая и Балкарии было начато еще в прошлом веке Р. Ф. фон-Эркерт, измерившим пять карачаевцев⁷. В конце XIX и в начале XX вв. оно было продолжено работами Н. А. Вырубова⁸, И. И. Пантюхова⁹, С. Соммье¹⁰ и И. С. Щукина¹¹. Однако малое количество наблюдений, нишая по сравнению с современной методика измерения и отсутствие достаточно хорошо сравнимых, т. е. собранных с соблюдением тех же методических приемов, данных по другим народам Северного Кавказа делают материал, представленный перечисленными исследователями, мало-пригодным для углубленного антропологического анализа. Поэтому в дальнейшем изложении я буду опираться только на собранные в 1926—1928 гг. данные В. И. Левина¹², достаточно полно охватывающие этнические группы Северного Кавказа и впоследствии вошедшие в ряд сводных работ¹³. Помимо полноты, большим достоинством этих материалов является также то, что они собраны одним исследователем и по методике, близкой той, которая принята среди советских антропологов в настоящее время, т. е. практически полностью сравнимы.

Расовые типы первого порядка. Наличие монголоидной примеси в антропологическом составе

---

⁷ Р. Ф. фон-Эркерт. Антропологические измерения кавказских народов и описание измеренных субъектов. «Известия Кавказского отд. Русск. геогр. об-ва», т. VIII, Тифлис, 1884 - 1885, стр. 67.

⁸ Н. А. Вырубов. Отчет о поездке на Кавказ летом 1890 года. «Тр. антр. отдела Об-ва любителей естест., антр. и этн.», т. XII, вып. 9, Москва, 1890.

⁹ И. И. Пантюхов. Антропологические наблюдения на Кавказе. Тифлис, 1893.

¹⁰ S. Sommier. Note volanti sui Karatciai ed alcune misure di Abasa, Kabardini e Abasekh. Archivio per l'Antropologia e la Etnologia, t. XXXI, Firenze, 1901.

¹¹ И. С. Щукин. Материалы для изучения карачаевцев. «Русск. антр. журнал», 1913, № 1—2.

¹² В. И. Левин. Этно-географическое распределение некоторых расовых признаков у населения Северного Кавказа. «Антр. журнал», 1932, № 2.

¹³ А. И. Ярхо. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934). «Антр. журнал», 1936, № 1.

В. В. Бунак. Антропологический состав населения Кавказа. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIII, Тбилиси, 1947.

некоторых народностей Кавказа явствует как из рассмотрения палеоантропологических¹⁴, так и соматологических данных. Вполне отчетливо она фиксируется, например, у северокавказских туркмен¹⁵ и ногайцев¹⁶. Таким образом, вопрос о монголоидной примеси на Кавказе не является праздным, как это может показаться на первый взгляд, и исследование по антропологии любого кавказского народа должно начинаться с определения факта ее наличия или отсутствия. В применении к карачаевцам и балкарцам это означает необходимость сопоставления их с ногайцами, поскольку из всех остальных групп, исследованных В. И. Левиным, только они имеют в своем составе монголоидную примесь.

При разграничении монголоидных и европеоидных групп особое значение приобретают описательные или качественные признаки — интенсивность третичного волосяного покрова, строение глазной области, интенсивность пигментации и т. д. На территории Кавказа показатели, характеризующие интенсивность пигментации, теряют свою ценность, так как почти весь Кавказ входит в зону распространения темнопигментированных типов, мало отличающихся в этом отношении от типичных монголоидов. Тем больший интерес имеет сравнение по признакам, характеризующим рост третичного волосяного покрова и строение глазной области, в частности, присутствие складки верхнего века.

В. И. Левиным опубликовано процентное соотношение субъектов со слабым, средним и сильным развитием волосяного покрова, без указания, определялся ли он на лице или на теле. Так или иначе, третичный волосяной покров на лице, очевидно, являлся основным мерилom отнесения исследованного к той или иной категории развития признака. При обозначении слабого, среднего и сильного роста волос соответственно баллами 1, 2 и 3 мы получаем трехбалльную шкалу для определения этого

---

¹⁴ В. В. Буняк. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. Сб. музея антр. и этн., т. XIV, М.—Л., 1953.

¹⁵ А. И. Ярхо. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа. «Антр. журнал», 1933, № 1—2.

¹⁶ Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Тр. Ин-та этн. (нов. сер.), т. VII, М.—Л., 1949.

признака, правда, отличающуюся от современной пятибалльной, но дающую возможность уловить разницу между сопоставляемыми группами при вычислении среднего балла интенсивности роста третичного волосяного покрова. Карачаевцы и балкарцы отчетливо дифференцируются от ногайцев, сближаясь с остальными группами Северного Кавказа (в скобках — количество наблюдений):

Карачаевцы	2,28	(208)
Балкарцы	2,21	(153)
Ногайцы	1,38	(108)
Шапсуги черноморские	2,20	(79)
Шапсуги кубанские	2,21	(77)
Бжедухи	2,28	(89)
Чемгуи	2,25	(73)
Абадзехи	2,36	(98)
Бесленеевцы армавирские	2,16	(39)
Бесленеевцы зеленчукские	2,13	(63)
Кабардинцы	2,32	(82)
Абазины	2,12	(94)
Горские евреи	2,30	(57)

Таким образом, рассмотрение развития третичного волосяного покрова у разных народностей Северного Кавказа приводит к выводу о том, что характерный для ногайцев ослабленный рост волос, являющийся следствием наличия в их составе заметной монголоидной примеси, отличает их не только от адыгейских и кабардинских, но и других тюркских этнических групп Северного Кавказа. Балкарцы и карачаевцы не обнаруживают, следовательно, по этому признаку специфических отклонений в направлении приближения к большой монголоидной расе.

Сопоставление процента наличия складки верхнего века менее показательны, поскольку опубликованные В. И. Левиным по этому признаку данные, видимо, не вполне безупречны в методическом отношении. Однако и здесь мы имеем четкие различия между ногайцами, с одной стороны, и балкарцами и карачаевцами — с другой:

Карачаевцы	46,4	(207)
Балкарцы	37,2	(156)
Ногайцы	61,1	(108)
Шапсуги черноморские	26,0	(73)

и вторых позволяют предполагать, что оформление Тюркских народностей Карачая и Балкарии было процессом перехода части сванов или, возможно, какой-либо другой высокогорной группы местного населения на кипчакский язык.

5. Предлагаемая гипотеза требует специального рассмотрения исторических источников, как и этнографических и языковых материалов с целью вскрытия специфических связей карачаево-балкарцев и сванов, а также организации раскопочных работ на территории Карачая, Балкарии и горных районов Грузии, результатом которых должно явиться накопление палеоантропологических и краниологических материалов и выяснение генезиса «кавказионского» варианта.

В связи с 75-летием со дня рождения известного кавказоведа — историка профессора Б. В. Скитского, от имени группы участников научной сессии выступил доктор исторических наук, профессор Северо-Осетинского государственного педагогического института М. С. Тотоев.

М. С. ТОТОВЕВ

Товарищи, завтра, 26 июня, исполняется 75 лет со дня рождения профессора Скитского. Борис Васильевич Скитский — известный советский ученый. Он известен не только среди горских народов Кавказа; его хорошо знают и за пределами Кавказа как крупного исследователя. Своими трудами он внес большой вклад в разработку вопросов истории народов Северного Кавказа.

Борис Васильевич начал работать в Северо-Осетинском пединституте им. Коста Хетагурова с 1925 г., где создал кафедру истории, которой заведовал до 1951 г. В 1951 г. он вынужден был по состоянию здоровья переехать в Пятигорск, где проживает и сейчас.

Большая заслуга принадлежит ему в разработке вопросов зарождения феодализма у народов Северного Кавказа, особенно у осетин. У Бориса Васильевича име-

ются и другие работы по истории народов Осетии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Черкесии и др. Проф. Скитский является автором очерков по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Именно он впервые разработал вопрос о революционно-пародническом движении 70-х годов XIX в. на Северном Кавказе. Борис Васильевич является автором «Хрестоматии по истории Осетии», которой пользуются исследователи Кавказа. Проф. Скитский имеет работы и по вопросу о характере движения Шамиля, о сословном вопросе в Осетии, Ингушетии, о крестьянских движениях в Осетии, Кабарде, Дагестане и др.

За период своей научно-педагогической работы т. Скитский подготовил очень много научных работников не только для Северной Осетии, но и для других народов Северного Кавказа. Во все годы своей работы т. Скитский вел и большую общественную работу. За крупные заслуги в области советской исторической науки и большую общественную деятельность он дважды избирался депутатом Верховного Совета Северо-Осетинской АССР.

За эти же заслуги он награжден двумя орденами Ленина и другими правительственными наградами.

В настоящее время проф. Скитский болеет. В прошлом году он перенес две операции и чувствует себя плохо, иначе он бы присутствовал здесь. Не было еще случая, чтобы проф. Скитский не выехал для участия в работах научных сессий народов Северного Кавказа. На научных сессиях он принимал самое активное участие, вносил свою лепту в разрешение тех или иных проблем. Я поддерживаю предложение — послать от имени сессии телеграмму с поздравлением проф. Скитскому. (Аплодисменты.)

Текст поздравительной телеграммы, зачитанной кандидатом исторических наук В. П. Крикуновым, принимается участниками сессии единогласно.

СОДЕРЖАНИЕ

Х. Г. Берикетов. Вступительное слово

Доклады и сообщения

Т. Х. <u>Кимыков</u> . Этногенез балкарского и карачаевского народов в исторической литературе	127
С. К. <u>Бабаев</u> . О происхождении балкарцев и карачаевцев	137
И. Лавров. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев	147
А. О. <u>Лайманов</u> . К вопросу происхождения карачаевцев и балкарцев	157
А. Х. <u>Соттаев</u> . Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка	167
Е. П. <u>Алексеева</u> . Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии	177
Б. А. <u>Алборов</u> . Почему осетины называют балкарцев «Асы»	187
З. В. <u>Анчабадзе</u> . Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV веков	197
В. И. <u>Абаев</u> . Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке	207
А. И. <u>Робакидзе</u> и Р. Л. <u>Харадзе</u> . К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях	217
Х. А. <u>Паркипян</u> . Происхождение балкарцев и карачаевцев в свете летописи Хачатура Кафаеци	153
Б. Бернштейн. Народная архитектура балкарского жилища	186

Выступления

Г. К. <u>Джанберидзе</u>	221
Н. А. <u>Баскаков</u>	228
У. Б. <u>Алиев</u>	242
Х. Г. <u>Гимади</u>	253
М. А. <u>Абазатов</u>	261
М. М. <u>Цориев</u>	265
З. М. <u>Улаков</u>	274
П. Г. <u>Акритас</u>	276
Н. Л. <u>Ульбашев</u>	280
С. Ш. <u>Гаджиева</u>	283
Т. К. <u>Шейблер</u>	289
А. В. <u>Фидеев</u>	293

<i>А. Кафоев</i>	298
<i>М. А. Бабаев</i>	—
<i>С. Настаев</i>	—
<i>С. О. Шахмурзаев</i>	—

Заключительные слова

<i>С. К. Бабаев</i>	303
<i>Л. И. Лавров</i>	—
<i>А. И. Робакидзе</i>	306
<i>Х. Г. Берикетов</i>	308
Решение сессии	310

Приложение

<i>В. П. Алексеев. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии</i>	312
<i>М. С. Тотоев</i>	333

Редакторы:

М. Ж. Тхашиков, К. Ш. Балкаров.

Художник *В. С. Орленко.* Худ. редактор *И. Г. Абрамов.*

Техн. редактор *Т. М. Барги.*

Корректора: *Л. А. Лачинова, Е. Е. Терушкина.*

Сдано в набор 30/III 1960 г. Подписано к печати 28/V 1960 г

Бумага 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 10,5+0,06 вкл.

Усл. печ. л. 17,2+0,1. вкл.

Уч.-изд. л. 16,5+0,06. вкл. Тираж 1500 экз. Заказ № 173. Ч100165

Кабардино-Балкарское книжное издательство

Нальчик, Театральная, 6.

Типография им. Революции 1905 года

Министерства культуры КБАССР, Нальчик, Театральная, 6.

Цена в переплете 4 руб. 80 коп.